

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

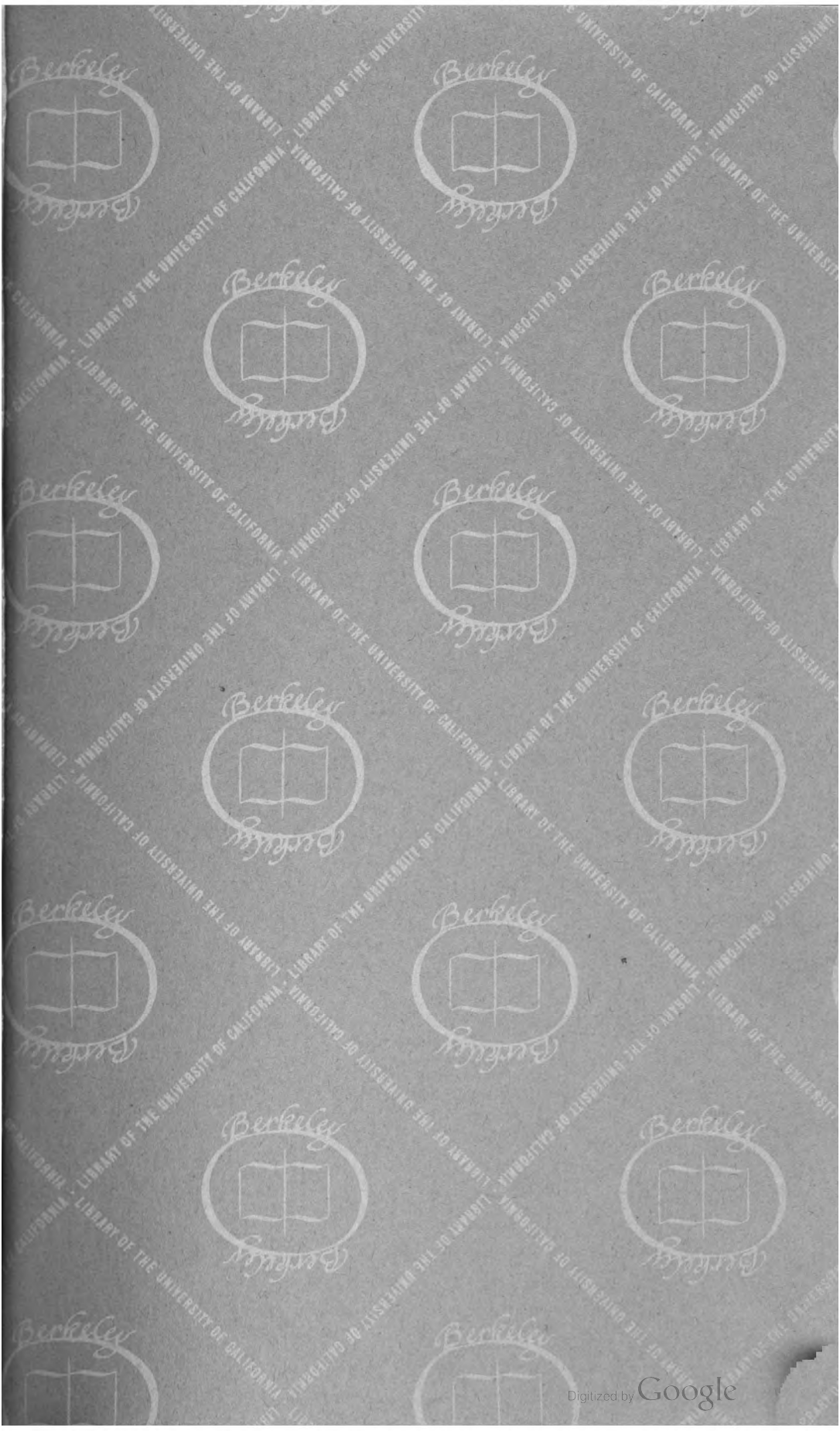
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B.2 984 327

Покупка Зану 94

Russ

467

ОБРАЗОВАНИЕ,

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ,

посвященный вопросам женскаго и мужскаго
воспитанія и обученія.

1464
3/3

Образованіи (451)
233

т. 3, № 3.

М А Р Т Ъ.

1894 г.

Третій годъ изданія.

СПБ. 10Е Р. У.
ФУНД. БИБЛИОТЕКИ
Инв. № 467
Шкафы 11
Полка 6
№ 15

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Училища Глухонѣмыхъ. Гороховая, 18.

LIBRARY

DEC 21 1961

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
BERKELEY

СОДЕРЖАНІЕ 3-го №

СТРАН.

- I. **Правительственные распоряженія:** А. По Собств. Е. И. В. Канц. по Учр. Императрицы Маріи 17—
 Б. По Министерству Народнаго Просвѣщенія 21—

I отдѣлъ.

1. Изъ исторіи моего учительства. Воспоминанія, замѣтки и мысли учителя словесности. Виктора Острогорскаго. 192—
2. Задачи народной школы. Вл. Куницкаго. 213—
3. Этюды по философіи наукъ: А. Лаланда. 228—
4. Новая педагогическія движенія на Западѣ. (Подготовленіе преподавателей гимназій въ Германіи) М. Страховой. 228—
5. Вопросы начальной школы. (О грамматикѣ въ начальной школѣ) Е. Шевой-Дмитріевой. 239—
6. Воспитаніе въ Англіи. (Ст. М. Леклерка). Переводъ Н. Леонтьевой. 246—
7. Важный пробѣлъ въ женскомъ воспитаніи. (Докладъ въ «Обществѣ физическому развитію», читанный 19-го февраля 1894 года) С. А. Острогорскаго. 258—
8. Натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ. Вл. Фоминскаго. 265—
9. **Критика и библіографія:** (А. Учебники, учебныя пособия и книги): 1. Фалькенбергъ. Исторія Новой философіи отъ Николая Коперника (XV в.) до настоящаго времени съ приложеніемъ краткаго философскаго словаря. С. 2. Виндельбандтъ. Исторія древней философіи 3. Руководство къ обученію письму и скорописи, согласованное съ современными требованіями школьной гигиены. Сост. И. Дмитріевъ. 4. Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы 1893 г. Н. П. 5. Второй стѣнной календарь Петербургской весны. Сост. Дм. городовъ. В. С. 6. Какъ читать книги, чтобы онѣ приносили намъ по Ч. Ричардсона. П. Н. (Б. Книги для дѣтей и для юношества): 1. Сочиненія для дѣтей. В. Л. Величко. Н. П. 2. Не принятый подарокъ. Л. Лабутина. Е. же. 3. Дѣдъ-годовикъ (стихотвореніе). Мѣры времени. Л. П.—го. Е. же. 4. Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ. П. Пактусовъ Н. А. Борисова. Е. же. 5. Пѣсня о купцѣ (про купца) М. М. Лашникова. М. Ю. Лермонтова. Е. же. 6. Семейный крестьянскій бытъ. Изъ рассказовъ бабушки, Е. Погожевой. Е. же. 7. Крыловъ и басни. Сост. Аркадій Сосницкій. Е. же. 8. Русская поэзія. Е. же. 9. Повесть Агаѣя. Рассказъ Клавдія Лукашевичъ. Е. же. 10. Волшебная весна. Рассказъ Н. О. Пляхова. Н. П. 277—

II отдѣлъ.

1. Воспитаніе воли. Е. Максимовой. 113—
2. Способы замозащиты организма. (Физиологическій очеркъ по И. Рибана. С. Г. Я—но. 128—
3. Школьныя экскурсіи. (Изъ реферата, читаннаго въ Обществѣ охраненія народнаго здравія) О. Угрюмовой. 128—
4. Изъ деревни. А. С. Балицкой. 138—
5. Страхъ заразы въ педагогическомъ отношеніи. С. Старыковичъ. 146—
6. Агрономическіе смотрителя и ихъ значеніе въ дѣлѣ распространенія народнаго сельско-хозяйственныхъ познаній. И. О. Фесенко. 150—
7. Что читаютъ крестьяне Московской губерніи? 153—
8. **Изъ жизни и литературы:** (Хроника). 1. Чему надо учить въ народной школѣ. 2. Совѣтъ «умственнаго» крестьянина. 3. Здравое мнѣніе о народномъ образованіи. 4. Голосъ священника о церковно-приходской школѣ. 5. И одинъ въ полѣ воинъ. 6. Ни одного грамотнаго. 7. Сигнальная дума. 158—

См. на 3-ей стр.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

А. По С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

І. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

1) О принятіи капитала, представленнаго вдовою статскаго совѣтника Агриппиною Лепешкиною въ пользу Московскоѣ Софійскоѣ дѣтскоѣ больницы.

Душеприкащица умершаго статскаго совѣтника Дмитрія Лепешкина, вдова его Агриппина *Лепешкина*, представила начальству Московскоѣ Софійскоѣ дѣтскоѣ больницы 6.000 руб., 4% облигаціями Московско-Казанскоѣ желѣзной дороги, для учрежденія въ названной больницѣ, на проценты съ сего капитала, 2 вѣчныхъ коекъ имени Дмитрія Лепешкина, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) капиталъ долженъ быть неприкосновеннымъ, въ случаѣ-же выхода какой-либо облигаціи въ тиражъ, взамѣнъ оной должна быть приобрѣтена другая государственная или-же гарантированная правительствомъ процентная бумага одинаковаго достоинства;

2) доходъ съ капитала употребляется на содержаніе коекъ, могущіе-же быть остатки отъ ежегодныхъ процентовъ должны быть присоединяемы къ основному капиталу, на случай уменьшенія его доходности или возвышенія стоимости содержанія коекъ, и

3) въ церкви при Московскоѣ Софійскоѣ дѣтскоѣ больницѣ, на всѣхъ совершаемыхъ божественныхъ литургіяхъ имѣеть твориться поминовеніе Дмитрія, а ежегодно 29 іюня, 25 іюля и 21 Сентября—совершаться по немъ-же панихида.

Опекунскій Совѣтъ постановилъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе:

1) на принятіе представленнаго Лепешкиною въ пользу Софійскоѣ дѣтскоѣ больницы капитала, съ причисленіемъ онаго къ неприкосновеннымъ капиталамъ заведенія, и

2) на присвоеніе, по открытіи приѣма въ больницу, двумъ изъ числа комплектныхъ постояннымъ кроватямъ имени Дмитрія Лепешкина,—съ оставленіемъ въ силѣ прочихъ условий пожертвованія, заявленныхъ Лепешкиной.

Съ предварительнаго соизволенія Государыни Императрицы, такое постановленіе Опекунскаго Совѣта Исполняющій обязанности Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ

Императрицы Марии всеподданѣйше повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе.

Государь Императоръ, въ 14 день сентября 1893 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

(Собр. Узак. и Расп. Пр. 1893 г., № 160, ст. 1264).

2) О принятіи капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Василиемъ Вахромѣевымъ для учрежденія стипендіи въ ночлежномъ отдѣленіи Ольгинскаго Ярославскаго дѣтскаго пріюта и объ утвержденіи положенія о сей стипендіи.

Потомственный почетный гражданинъ Василій *Вахромѣевъ* пожертвовалъ *одну тысячу девсти* рублей, для учрежденія на счетъ процентовъ съ сего капитала, стипендіи имени его, жертвователя, для воспитанія одной дѣвочки въ ночлежномъ отдѣленіи Ольгинскаго Ярославскаго дѣтскаго пріюта.

Съ соизволенія Государыни Императрицы, на принятіе сего пожертвованія и учрежденіе стипендіи, Исполняющій обязанности Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярією по учрежденіямъ Императрицы Марии всеподданѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе, съ предоставленіемъ ему, Исполняющему обязанности Главноуправляющаго, утвердить положеніе объ означенной стипендіи.

Государь Императоръ, въ 5 день сентября 1893 года Высочайше на сіе соизволилъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

о стипендіи имени потомственного почетнаго гражданина Василія Вахромѣева въ ночлежномъ отдѣленіи Ольгинскаго Ярославскаго дѣтскаго пріюта, Вѣдомства учрежденій Императрицы Марии.

На подлинномъ написано: *«Утверждаю»*.

Подписалъ: За Главноуправляющаго,
Товарищъ Главноуправляющаго *Вл. Верховскій*.
21 Сентября 1893 г.

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, 5 сентября 1893 года, учреждается въ ночлежномъ отдѣленіи Ольгинскаго Ярославскаго дѣтскаго пріюта стипендія имени потомственного почетнаго гражданина Василія Вахромѣева, для воспитанія одной дѣвочки.

§ 2. Стипендія обезпечивается пожертвованнымъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Василиемъ Вахромѣевымъ капиталомъ въ *одну тысячу девсти* рублей: капиталъ этотъ остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ кассѣ Ярославскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ сбора въ пользу казны, расходуются на содержаніе и воспитаніе стипендіатки.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ Ярославскому губернскому попечительству дѣтскихъ пріютовъ.

§ 5. Стипендіатка, при поступленіи въ ночлежное отдѣленіе Ольгинскаго Ярославскаго дѣтскаго пріюта, подчиняется всѣмъ существующимъ въ пріютѣ правиламъ.

§ 6. Пользованіе стипендією не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатку.

§ 7. Если по какимъ либо причинамъ, содержаніе въ ночлежномъ отдѣленіи Ольгинскаго Ярославскаго дѣтскаго пріюта стипендіатки увеличится и процентовъ съ означеннаго капитала будетъ недостаточно на ея обезпеченіе, то въ такомъ случаѣ, стипендія остается временно незамѣщеною, впредь до соотвѣстнаго увеличенія капитала получаемыми съ онаго процентами.

(Собр. Узак. и Распор. Пр. 1893 г., № 160, ст. 1265).

3) О принятіи капитала, пожертвованнаго попечительницею Казанскаго Александринскаго дѣтскаго пріюта, вдовою генераль-лейтенанта Гейнсъ для учрежденія въ означенномъ пріютѣ двухъ стипендій и объ утвержденіи положенія о сихъ стипендіяхъ.

Товарищъ Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи увѣдомилъ Министра Юстиціи, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его, Товарища Главноуправляющаго, докладу, 5 сентября 1893 г., Высочайше разрѣшить соизволилъ принять пожертвованные попечительницею Казанскаго Александринскаго дѣтскаго пріюта, вдовою генераль-лейтенанта *Гейнсъ* *двѣ тысячи* рублей и учредить на счетъ процентовъ съ этого капитала, въ помянутомъ пріютѣ двѣ стипендіи: одну имени покойнаго мужа ея генераль-лейтенанта Александра Константиновича Гейнсъ; а другую имени Любви Васильевны Васильевой.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи Министръ Юстиціи, 24 сентября 1893 г., предложилъ Правительствующему Сенату, вмѣстѣ съ копіею съ положенія объ означенныхъ стипендіяхъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

о стипендіяхъ имени генераль-лейтенанта Александра Константиновича Гейнсъ и имени Любви Васильевны Васильевой въ Казанскомъ Александринскомъ дѣтскомъ пріютѣ, вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

На подлинномъ написано: «*Утверждаю*»

Подписаль: За Главноуправляющаго,
Товарищъ Главноуправляющаго *Вл. Верговскій*.
21 сентября 1893 г.

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, 5 сентября 1893 года, учреждаются въ Казанскомъ Александринскомъ дѣтскомъ пріютѣ двѣ стипендіи: одна имени генераль-лейтенанта Александра Константиновича Гейнса, а другая имени Любви Васильевны Васильевой.

§ 2. Стипендіи обезпечиваются пожертвованнымъ попечительницею Казанскаго Александринскаго дѣтскаго пріюта, вдовою генераль-лейтенанта Гейнсъ, капиталомъ въ *двѣ тысячи* рублей: капиталъ этотъ остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ кассѣ Казанскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ сбора въ пользу казны, расходуются на содержаніе и воспитаніе стипендіатокъ.

§ 4. Право избранія стипендіатокъ принадлежитъ Казанскому губернскому попечительству дѣтскихъ пріютовъ.

§ 5. Стипендіатки, при поступленіи въ Казанскій Александринскій дѣтскій пріютъ, подчиняются всѣмъ существующимъ въ пріютѣ правиламъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатокъ,

§ 7. Если покакимъ либо причинамъ содержаніе въ Казанскомъ Александринскомъ дѣтскомъ пріютѣ стипендіатки увеличится и процентовъ съ означеннаго

капитала будетъ недостаточно на полное ея обезпеченіе, то въ такомъ случаѣ, одна или обѣ стипендіи, смотря по количеству недостающихъ процентовъ, остаются временно незамѣщаемыми, впредь до соотвѣтственнаго увеличенія капитала получаемыми съ онаго процентами.

(Собр. Узак. и Распор. Пр. 1893 г. № 160, ст. 1266).

4) Объ учрежденіи въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ двухъ стипендій имени статскаго совѣтника Лепешкина и объ утвержденіи положенія объ означенныхъ стипендіяхъ.

Статскій совѣтникъ Дмитрій *Лепешкинъ* завѣщаль 4% облигаціями Московско-Казанской желѣзной дороги 19.500 р. для учрежденія на проценты съ сего капитала въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ двухъ стипендій имени завѣщателя, съ тѣмъ, что 1) могушіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ стипендіальнаго капитала присоединяются къ самому капиталу, причемъ, въ случаѣ соотвѣтственнаго увеличенія его, открывается третья стипендія для приходящей или живущей въ училищѣ воспитанницы; 2) пожизненное право назначенія стипендіатокъ предоставляется вдовѣ статскаго совѣтника Агриппинѣ Лепешкиной, а послѣ ея смерти—дѣтямъ ея: Владиміру и Маріи Лепешкинымъ, каждому на одну стипендію, по смерти-же кого-либо изъ дѣтей, право ихъ переходитъ къ попечительницѣ Маріинскаго училища, и 3) имя покойнаго Дмитрія Лепешкина должно быть записано въ синодикъ училищной церкви и, кромѣ того, объ упокоеніи его ежегодно, въ ближайшее къ 21 сентября воскресенье, должна быть совершаема панихида.

Согласно положенію Опекунскаго Совѣта, Исполняющій обязанности Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе вышеозначеннаго пожертвованія для помянутой пѣбли, съ предоставленіемъ ему, Исполняющему обязанности Главноуправляющаго, утвердить положеніе объ учреждаемыхъ стипендіяхъ.

Государь Императоръ, въ 5 день сентября 1893 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

О стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Дмитрія Семеновича Лепешкина въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.

На подлинномъ написано: «*Утверждаю*»

Подписаль: Исполняющій обязанности Главноуправляющаго,
Товарищъ Главноуправляющаго *Вл. Верховскій*.
21 сентября 1893 г.

§ 1. На основаніи Высочайше утвержденнаго, 5 сентября 1893 г., положенія Опекунскаго Совѣта, въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ учреждены *двѣ* стипендіи имени статскаго совѣтника Дмитрія Семеновича *Лепешкина*.

§ 2. Стипендіи эти обезпечиваются завѣщаннымъ статскимъ совѣтникомъ Лепешкинымъ капиталомъ, заключающимся нынѣ въ 4 проц., гарантированныхъ правительствомъ, облигаціяхъ Московско-Казанской желѣзной дороги на *девятина-*

дмать тысячъ пятьсотъ (19.500) рублей по номинальной цѣнѣ и приносящимъ дохода 780 р. въ годъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога, употребляются на плату за воспитаніе въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ двухъ воспитанницъ; остающіеся же неизрасходованными проценты присоединяются къ стипендіальному капиталу; причемъ, въ случаѣ соответственнаго увеличенія его, открывается третья стипендія для приходящей или живущей въ училищѣ воспитанницы.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно вдовѣ статскаго совѣтника Агриппинѣ Николаевнѣ Лепешкиной, а послѣ ея смерти—дѣтямъ ея Владиміру Дмитриевичу и Маріи Дмитриевнѣ Лепешкинымъ, каждому на одну стипендію; по смерти же кого либо изъ сихъ дѣтей право умершаго переходитъ къ попечительницѣ Маріинскаго женскаго училища попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.

§ 5. Имя покойнаго Дмитрія Лепешкина записывается въ синодикъ училищной церкви и, кромѣ того, объ упокоеніи его души ежегодно, въ ближайшее къ 21 сентября воскресенье, должна быть совершаема панихида.

§ 6. Если вполнѣдствіи, по причинѣ увеличенія платы за воспитаніе въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ или по какимъ либо инымъ причинамъ, процентовъ съ капитала (§§ 2 и 3) будетъ недостаточно для оплаты стипендіи, то одна изъ таковыхъ остается временно незамѣщенной, а получаемые съ капитала проценты присоединяются къ послѣднему, пока годовой доходъ съ онаго не будетъ достаточенъ для оплаты незамѣщенной стипендіи.

(Собр. Узак. и Распор. Пр. 1893 г., № 159, ст. 1254).

Б. По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленія Ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями уч. комитета мин. нар. просвѣщенія, утвержд. г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: «Mosaïque Française ou lectures littéraires et scientifiques tirées principalement des meilleurs auteurs du XIX siècle. Фр. хрестоматія для ср. уч. заведеній. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ преимущественно изъ франц. писателей XIX вѣка). Составилъ *Л. Г. Мижуевъ*, преподаватель 6-й и 9-й С.-Петербургскихъ гимназій. Изданіе *Ф. В. Щепанскаго*. С.-Пб. 1894. Стр. 216+68+VIII»—одобрить какъ уч. пособие во всѣхъ классахъ ср. уч. заведеній.

— Книгу: «Руководство исторіи русской церкви. Составилъ *А. Доброклонскій* преподаватель Московской духовной семинаріи и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета. Выпускъ первый и второй. Изданіе 2-е. Рязань. 1889. Стр. 379+XLI. Цѣна 1 руб. 75 коп. Вып. 3-й (Патріаршій періодъ 1589—1700). Москва, 1889. Стр. IV+305. Цѣна 1 р. 25 коп. Вып. 4-й. (Синодальный періодъ 1700—1890). Москва. 1893. Стр. III+441. Цѣна 1 р. 75 коп.—одобрить для фонд. и уч. старшаго возраста бібліотекъ ср. уч. заведеній.

— Книгу: «Краткія свѣдѣнія о праздникахъ православной церкви и сказанія о житіи особенно чтимыхъ святыхъ (*жизни* Елены Сергѣевны *Горчаковой*). Москва. 1892. Стр. 200. Цѣна 40 коп.»—допустить въ уч. бібліотеки ср. мужск. и женск. учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: «*Л. Смирновскій*. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соответствующій приготовит. классу при гимназіяхъ мин. нар. просвѣщенія. Изд. 2-е. С.-Пб. 1894. Стр. IV+111. Цѣна 15 коп.»—допустить въ приготовит. классы гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Состав. *Е. Ѡ. Карскій*. Изда-

ніе 4-е, безъ перемѣнъ. Вильна. 1893. Стр. IV+III. Цѣна 60 коп.»—одобрить какъ руководство для ср. учебн. заведеній министерства.

— Изданіе: «Полное собраніе сочиненій *А. Н. Майкова*. Въ трехъ томахъ. Изд. 6-е, дополн. авторомъ. С.-Пб. 1893. Стр. 600+560+506. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для фонд. и ученич., для старшаго возраста, библиотекъ ср. учебн. заведеній не ранѣе перехода въ VII классъ, а въ женскихъ при выпускѣ или при переходѣ въ педагогической (VIII) классъ.

— Книгу: «*П. Барышниковъ*. Жизнь Алексѣя Васильевича Кольцова, (въ память пятидесятилѣтія его смерти). Изд. книжн. маг. «Начальная школа» Тихомировой. Москва. 1893. Стр. 128. Цѣна 25 коп.»—одобрить для учен. библиотекъ средн. учебн. заведеній, а также для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книги: 1) «Очеркъ истории философіи съ древнѣйшихъ временъ философіи до настоящаго времени. *Н. Страхова*. Харьковъ. 1893. Стр. 166.—2) «Ученіе о Богѣ по началамъ разума (въ общедоступномъ изложеніи). *Н. Страхова*. Москва. 1893. Стр. 76. Ц. 40 коп.»—допустить для приобрѣтенія въ уч. библиотеки для старшихъ классовъ ср. мужск. и женск. уч. заведеній.

— Книгу: «Учебникъ латинской этимологіи, съ хрестоматіею, вокабуляріемъ и словаремъ. Курсъ 1-го класса гимназій. Сост. сообразно съ программю 1890 г. *М. Б. С.-Пб.* 1893. Стр. 182. Цѣна 65 коп.»—одобрить какъ учебное руководство при началн. преподаваніи латинск. языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книгу: «Избранныя оды Горациа, объясненныя *В. Модестовымъ*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1893»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій.

— «Книгу: «Софокль. Царь Эдипъ. Переводъ съ греческаго *Ольги Вейсъ* съ предисловіемъ *В. А. Гриншута*. Изданіе женской классической гимназій. Москва. 1893. Стр. 105»—одобрить для фонд. и учен. библиотекъ ср. уч. заведеній и учительскихъ институтовъ м. нар. просвѣщенія.

— Книгу: «Филиппики Домосеена. Объяснилъ *П. Юнатовъ*, преподаватель Перновской гимназій. Томъ I. Олинескія рѣчи и первая рѣчь противъ Филиппа. Лейпцигъ. 1893. Стр. 83. Цѣна 80 коп.»—одобрить въ качествѣ уч. пособия по греческому языку въ гимназіяхъ министерства.

— Книги: 1) «Сборникъ ариметическихъ задачъ съ изложеніемъ всѣхъ главныхъ опредѣленій и правилъ и съ объясненіемъ образцовыхъ способовъ рѣшенія задачъ. Составили *Н. А. Шапошниковъ*, профессоръ Императорскаго технического училища и *Н. К. Вальцовъ*, преподаватель Коломенской гимназій. Часть I: цѣлыя отвлеченныя и именованныя числа. Москва. 1893. Стр. VI+152. Цѣна 40 коп.—Часть II: теорія дробей и общія правила. Стр. IV+204. М. 1893. Цѣна 60 коп.»—одобрить какъ весьма полезное учебное пособие при прохожденіи ариметики въ ср. уч. заведеніяхъ министерства.—2) «*Н. А. Шапошниковъ*. Руководство ариметики. Въ 2 част.: Часть I: цѣлыя отвлеченныя и именованныя числа. Стр. IV+112. Часть II. теорія дробей и общія правила. Москва. 1893. Стр. 192. Ц. 1 р. Второе изданіе, вновь пересмотрѣнное и нѣсколько сокращенное»—допустить какъ руководство при повтореніи ариметики въ старшихъ классахъ.—3) «Сборникъ алгебраич. задачъ. Часть I, для классовъ третьяго и четвертаго. Изданіе 4-е. Стр. VIII+216. Часть II, для классовъ V, VII и VIII гимназій. Изданіе 3-е. Стр. IV+90. Составили *Н. А. Шапошниковъ* и *Н. К. Вальцовъ*. Москва. 1893. Цѣна каждой части по 80 коп.»—одобрить какъ весьма полезное учебное пособие при прохожденіи алгебры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства.—4) «Учебникъ алгебры, приспособленный къ новымъ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е, переработанное. Часть I, курсы III и IV классовъ гимназій. Часть II, курсы старшихъ классовъ реальныхъ училищъ. М. 1892. Стр. 170+150. Цѣна 70 коп.» и 5) «Курсъ прямолинейной тригонометріи и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ *Н. А. Шапошниковъ*. Изданіе 4-е. М. 1893. Стр. II+140. Цѣна 80.»—одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Брошюру: «Сборникъ геометрическихъ задачъ для учениковъ VII и VIII классовъ гимназій (примѣнительно къ правиламъ испытанія учениковъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 12-го марта 1891 г.). Составилъ *Н. Сорокинъ*, преподаватель Кіево-Печерской гимназій. Изданіе 3-е, исправленное. Кіевъ. 1893. Стр. VI+48. Цѣна 50 коп.»—одобрить какъ пособие для VII и VIII классовъ гимназій.

— Книги подь общимъ заглавіемъ «Собрание французскихъ авторовъ. Изданіе А. А. *Алексева*. 1) Выпускъ девятый. *Le passage de la Bérézina, par le général comte de Ségur* или XI книга изъ сочиненія графа Сегюра: *Histoire de Napoleon et de la grande armée pendant l'année 1812*, съ введеніемъ, историч. и грамматич. примѣч., алфавитнымъ указателемъ собств. именъ, картою и словаремъ, составилъ *Александръ Алексеевъ*, преподаватель Царицынской Александровской гимназіи. С.-Пб. 1893 г. Стр. 188 въ 12-ю д. л. Цѣна 45 коп.—2) Выпускъ десятый. *Biographies d' hommes célèbres de l' antiquité, par Charles Rollin*. (Сократъ.—Крезъ.—Мильтиадъ.—Демосеенъ.—Порсенна.—Югурта). Съ примѣчаніями и словаремъ составилъ *Фридрихъ Крейсбергъ*, преподаватель 3-й Тифлисской гимназіи. С.-Пб. Стр. 136, въ 12-ю д. л. Цѣна 40 коп.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия по франц. языку въ старшихъ классахъ ср. уч. заведеній.

— Книгу: «Грамматика нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составили А. *Бреме*, Э *Гризель*, Ф. *Мазингъ*. Второе совершенно переправленное изданіе. Составилъ Ф. *Мазингъ*. С.-Пб.»—одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: «Нѣмецкая хрестоматія для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ алфавитнаго словаря Часть I. Составили П. *Линкевичъ* и Н. *Тибергъ*. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина Эггерсъ и К°. 1893. Стр. X + 229. Словарь отдѣльно, стр. 78.—одобрить для нѣмецкихъ школъ; одобреніе-же оной для русскихъ учебн. заведеній отложить до исправленія приложеннаго къ нимъ словаря замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: «Учебникъ нѣмецкаго языка для кадетскихъ корпусовъ.—III часть, курсъ VI и VII классовъ. Составилъ Е. *Вейгелингъ*. Стр. 6+337. С.-Пб. 1893. Цѣна 1 руб. 20 коп.»—допустить какъ хрестоматію при изученіи нѣмецкаго языка въ высшихъ классахъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: «*Д-ръ В. В. Гориневскій*. Заразы и заразная болѣзнь, въ общедоступномъ изложеніи. С.-Пб. 1893. Стр. VIII+301. Съ 27-ю рисунками и 3 портретами въ текстѣ»—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: «Гигіена нервныхъ людей, *Левиллена* (*Higiène des gens nerveux*). Переводъ подь редакцію съ примѣчаніями и дополненіями д-ра мед. Л. О. *Фалкенштейна*. С.-Пб. 1893. Стр. 191. Цѣна 1 р.—2) «Діета при болѣзняхъ желудка и кишекъ, д-ра I. *Боаса*. Пер. подь редакц. съ примѣч. и дополн. д-ра мед. Л. О. *Фалкенштейна*. С.-Пб. 1893. Стр. 91. Цѣна 60 коп.»—могутъ быть приобретаемы для фундаментальныхъ, библиотекъ—первая для мужскихъ, вторая какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ ср. уч. заведеній.

— Книгу: «Методическое руководство къ обученію танцамъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Съ приложеніемъ руководства для дирижеровъ съ 157-ю фигурами для кадрили, мазурки, вальса, польки и котильона. Сост. артистъ Императорскихъ театровъ А. Д. *Чистяковъ*. С.-Пб. 1893. Стр. 189. Цѣна 1 руб.»—одобрить для фундамент. и ученич. библиотекъ ср. уч. заведеній.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными его сятельствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Сочиненіе: «*Вейде* и *Вейкертъ*. Исполненіе чертежей для машино-строительныхъ заводовъ. Перевелъ и дополнилъ А. *Гассельблатъ*. С.-Пб. 1893»,—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для промышленныхъ училищъ.

—Сочиненіе *Аверкиевой*: «Общедоступное практическое руководство къ огородничеству, приуроченное къ средствамъ и устройству крестьянъ. С.-Пб. 1893»—рекомендовать для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ учительскихъ семинарій.

— Сочиненіе: «Курсъ морскаго торговаго законовѣднія для мореходныхъ классовъ. Составилъ В. *Струковъ*. С.-Пб. 1893»—рекомендовать для преподавателей законовѣднія въ мореходныхъ классахъ.

— Сочиненіе профессора Харьковского технологического института *Албицкаго*: «Коническія зубчатыя колеса, ихъ теорія, расчетъ и вычерчиваніе. Изд. 2-е, передѣланное и значительно дополненное. Москва. 1893»—рекомендовать для фундаментальныхъ и одобрить для ученическихъ библиотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книжку: «Русскіе глаголы. Составилъ *И. Пашманъ*. Вильно. 1893. Стр. 72. Цѣна 40 коп.»—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныхъ библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго, Виленскаго, Варшавскаго, Одесскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ.

— Книжку: «Сатиры Горація. Книга I. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей о Гораціѣ. Составилъ для употребленія въ гимназіяхъ *Т. Боршевскій*, преподаватель Владикавказской гимназіи. Владикавказъ. 1892»—допустить какъ учебное пособие въ гимназіяхъ.

— Книгу: «Сборникъ отрывковъ для перевода съ латинскаго языка на русскій въ VII и VIII классахъ гимназій. Съ примѣчаніями и указателемъ географическихъ названій и техническихъ терминовъ. Составили *А. Владимірскій* и *И. Поливановъ*. Москва. 1893. Стр. IV+121. Цѣна 75 коп.»—одобрить пособие для гимназій.

— Книгу: «Классная бібліотека греческихъ и римскихъ авторовъ. Избранныя рѣчи *М. Туллія Цицерона*. Текстъ съ объясненіями *А. Ланового*, учителя Московской 1-й гимназій. Выпускъ I. Рѣчи: De imperio Сп. Помпей, про А. Licinio, Arctio роета, про Annio Milone. Часть первая: латинскій текстъ съ введеніемъ и указателемъ предметовъ и собственныхъ именъ. Москва. 1893. Стр. IX+104. Цѣна 50 коп.—Часть вторая: объяснительныя примѣчанія. Москва. 1893. Стр. II+104»—одобрить какъ учебное пособие для гимназій.

— Книгу: «Ариметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Никулмичевъ*, инспектирующій учитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища. Изданіе 3-е. Москва. 1893. Стр. IV+258. Цѣна 70 коп.»—одобрить какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «Русская физико-математическая бібліографія. Указатель книгъ и статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшихъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Составилъ *В. Бобынинъ*. Томъ второй (четыре выпуска). Москва. 1889—1893. Стр. 107+159+271. Цѣна за всѣ четыре выпуска 6 руб. 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ сравнительной географіи для шестаго класса реальныхъ училищъ. Изданіе 3-е, исправленное. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія 1888 г. *И. П. Матченко*. Кіевъ. 1893. Стр. 202. Цѣна 1 руб.»—допустить какъ учебное руководство для VI класса реальныхъ училищъ и одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: Карта Палестины, обработанная *И. Фишеромъ* и *Г. Гуте*, въ масштабѣ 1.700.000. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества. Съ приложеніями. 1893. Цѣна карты 1 руб., а приложеніе къ ней 50 коп.»—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библиотекы всѣхъ среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій, а также городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— «Рельефную карту Кавказа, изготовляемую лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго баталіона поручикомъ *Мейс* въ 40-верстномъ масштабѣ»—рекомендовать для среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, если послѣдующіе экземпляры не будутъ уступать въ достоинствѣ экземпляру, представленному на разсмотрѣніе ученаго комитета.

— Книгу: «Исповѣдь Песталоцци. Переводъ *Константина Воскресенскаго*. Рига. 1893. Стр. 216»—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Журналь: *Дѣтское Чтеніе* за 1892 и 1893 годы—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

І Отдѣлъ.

Изъ истеріи моего учительства.

Воспоминанія, замѣтки и мысли стараго учителя словесности.

(Посвящается дорогой памяти моего учителя В. Я. Стоюнина)..

Ө. Ө. Резенера *).

Стариковъ часто укоряютъ въ пристрастіи къ людямъ и событіямъ, связаннымъ съ годами ихъ юности. Въ теряющейся вдали перспективѣ годовъ отдаленное прошлое, можетъ быть, иногда и представляется нѣсколько въ болѣе розовомъ свѣтѣ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; но все, что рассказываю я о нашей Васильеостровской школѣ, вполне подтверждается и воспоминаніями нѣсколькихъ изъ нашихъ учениковъ.

Вотъ что рассказываетъ, на примѣръ, въ книжкѣ «*Очеркъ жизни А. Я. Герда*» (Спб. 1889.) Н. К. Ермолинъ. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я встрѣтилъ нѣкоего N, который, узнавъ, что я лично зналъ А. Я. Герда и Ө. Ө. Резенера, сразу какъ-то особенно оживился и обратилъ этимъ мое вниманіе настолько, что я невольно спросилъ его: знаютъ ли онъ ихъ и почему? Такой вопросъ представлялся тѣмъ болѣе естественнымъ, что сидѣвшій со мною ничего не имѣлъ общаго съ педагогическою дѣятельностью, служа въ правленіи одного желѣзнодорожнаго общества. Оказалось, что онъ—бывшій ученикъ Васильеостровской школы. Не смотря на то, что для него это были уже дѣла давно минувшихъ дней, онъ съ большою любовью вспоминалъ объ этой школѣ и, не стѣсняясь, даже съ нѣкоторою гордостью, сообщилъ, что своимъ спасеніемъ онъ обязанъ этой школѣ, что она воскресила въ немъ чистыя дѣтскія побужденія, возбудила интересъ къ природѣ, къ жизни, къ его родной семьѣ, отъ которой онъ въ то время отбился, и сдѣлала противнымъ ему то грубое товарищество, въ средѣ котораго онъ, было, запутался. «Я прибѣгалъ въ школу,—говорилъ

*) См. «Образованіе» 1894 г. № 1. Этимъ очеркомъ кончаются воспоминанія о Ө. Ө. Резенерѣ и Васильеостровской школѣ; въ дальнѣйшихъ очеркахъ пойдетъ рѣчь о другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

онъ,—«раньше, чѣмъ нужно было; я и самъ не понималъ, что меня туда такъ тянуло!» Кромѣ этого господина, я зналъ лично еще одного человѣка, также учившагося въ этой школѣ и бывшего впоследствии воспитателемъ дѣтей ремесленного пріюта, директоромъ котораго былъ Ѳ. Ѳ. Резенеръ».

Тепло рассказываетъ о школѣ и любимый нашъ ученикъ, умершій въ 1884 г. тридцати семи лѣтъ отъ роду, даровитый извѣстный художникъ и симпатичнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, Викторъ Сильвестровичъ Шпакъ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ привезла его въ Петербургъ учиться мать и отдала на Васильевскомъ острову въ Андреевское приходское училище, куда онъ и ходилъ съ годъ. Но за какіе-то пустяки его хотѣли высѣчь; мать на эту операцію не согласилась и взяла сына изъ училища, отдавъ его къ намъ. «Самыя лучшія, самыя чистыя воспоминанія,—рассказываетъ другъ покойнаго художника, А. Н. Канаевъ, въ книгѣ—«*Очеркъ жизни Виктора Сильвестровича Шпака*» (Спб. 1891 г.)—вынесъ онъ изъ этой школы и всегда хранилъ о ней самыя хорошія воспоминанія. Въ этой-же школѣ было обращено вниманіе на способности мальчика къ рисованію. Эта школа связала на всю жизнь такого глубоко-честнаго, безкорыстнаго труженика, какимъ былъ покойный Федоръ Федоровичъ Резенеръ, съ его ученикомъ Шпакомъ, о которомъ онъ заботился всю жизнь.

Въ этой школѣ В. С. учился всего два года, но она закрѣпила въ немъ развитіемъ понятій и сознательнымъ отношеніемъ къ жизни тѣ истинны, которые жили у него въ душѣ. Она создала въ немъ то чистое дѣтское настроеніе, ту жажду быть полезнымъ людямъ, стремленіе жить для жизни другихъ, найти свою жизненную дорогу и все то, что много дороже правильной постановки буквы ъ, съ которою, кстати сказать, никакъ не ладилъ покойный.

Это-то душевное настроеніе и спасло В. С. отъ погребенія себя въ вѣчныя писаря, и въ той сытой карьерѣ, какую рекомендовалъ ему одинъ изъ его богатыхъ родственниковъ-чиновниковъ, къ которому онъ обратился за помощью послѣ смерти своей дорогой матери»...

Но, кромѣ этихъ свидѣтельствъ, въ моихъ рукахъ есть еще болѣе подробныя рукописныя воспоминанія тоже нашего-же ученика, инженера В. В. Оглоблина, въ настоящее время начальника одного изъ строящихся желѣзнодорожныхъ участковъ въ Бессарабіи. Мы отдали мальчика въ седьмую гимназію (нынѣ 1-ое реальное училище), откуда, прекрасно кончивъ курсъ, онъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Задумавъ писать воспоминанія, я, не надѣясь на

свою память и опасаясь пристрастія, попросилъ его припомнить все, что осталось у него въ памяти о школъ и Резенерѣ. Онъ обязательно тотчасъ-же отозвался на мой вызовъ, уполномочивъ меня воспользоваться этими записками, изъ коихъ я и привожу отрывки.

«Родился я,—пишетъ В. В. Оглоблинъ,—въ весьма небогатой, мѣщанской семьѣ, въ Петербургѣ. Въ то время, съ котораго я себя помню, т. е. когда мнѣ было около 7 лѣтъ, мы жили на Гороховой улицѣ. Отецъ былъ грамотнымъ, т. е. умѣлъ считать, писать и читать, и по своему соціальному положенію (онъ служилъ въ биржевой артели) былъ даже человѣкомъ образованнымъ, такъ какъ, любя чтеніе, приобрѣлъ изъ книгъ нѣкоторыя познанія по географіи, естественной и отечественной исторіи и родной литературѣ. Но дать мнѣ широкое образованіе, конечно, родители не могли-бы и по недостатку средствъ и по самымъ взглядамъ на образованіе,—не будь постороннихъ благодѣтелей, въ лицѣ учредителей и преподавателей Василеостровской школы, мнѣ, вѣроятно, дано было-бы образованіе лишь въ той мѣрѣ, которая дала-бы возможность сдѣлать изъ меня возможно скорѣе помощника семьѣ,—работника, приносящаго въ домъ, а не тащившаго изъ дому».

Сначала мальчика отдали учиться въ частную школу, гдѣ учили мало, а больше наказывали,—надѣвая на голову колпакъ съ ослиными ушами, ставили на горохъ на колѣни и т. д. На Васильевскомъ о-вѣ, куда родители переѣхали на квартиру, мальчикъ случайно попалъ въ семью Г., гдѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ своими племянниками, занималась молодая дѣвушка; по выходѣ ея замужъ и отъѣздѣ изъ Петербурга, ученіе снова прекратилось.

«Въ критическую минуту, рассказываетъ В. В., судьба опять жалась надо мной: ходила къ намъ иногда въ гости вдова бѣднаго чиновника А. И. Лебедева. Услыхавъ какъ-то сѣтованія матери моей о неудачахъ въ моемъ ученіи, она рассказала о существованіи бесплатной школы въ 15-й линіи Васильевскаго острова, гдѣ учился сынъ ея. Школу она сильно расхвалила, а главнымъ образомъ подѣйствовала на мать тѣмъ, что въ этой школѣ не требуется не только платить за ученіе, но и покупать книжки, бумагу, карандаши, перья и т. д.—все, молъ, это дается даромъ. Вскорѣ-же послѣ этого разговора матушка, отслуживъ въ церкви молебенъ и принарядивъ меня, елико возможно, сама повела меня въ Василеостровскую школу,—дѣло было вечеромъ, зимою 1860 г., когда мнѣ было отроду семь лѣтъ съ мѣсяцами. Этотъ вечеръ такъ запечатлѣлся въ моей памяти, что я какъ сейчасъ вижу всю обстановку комнаты и

всѣхъ окружавшихъ меня лицъ. Въмѣсто строгаго съ чиновничьимъ пошибомъ экзаменатора, насъ встрѣтилъ ласково улыбавшійся, съ ласково прищуренными глазами, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Резенеръ. Усадивъ мать и меня за столъ и усѣвшись за него самъ, онъ разспросилъ, гдѣ я учился и что я знаю. Принимаясь за провѣрку моихъ познаній, онъ предварительно потрепалъ меня рукою по щекѣ, обозвалъ не разъ и «дѣтүшей» и вообще одобрилъ такъ, что я сразу почувствовалъ себя, какъ дома, и отвѣчалъ на вопросы безъ страха и трепета. Помню, что онъ далъ мнѣ прочесть басню Крылова «Квартетъ» и заставилъ рассказать ее потомъ своими словами; помню, что при этомъ онъ налегалъ на то, чтобы узнать, — понялъ-ли я мораль басни, — съ его помощью я вывелъ эту мораль. По ариметикѣ задано было что-то на счетъ пряниковъ — рѣшилъ удовлетворительно. Когда затѣмъ на вопросъ: знаю-ли я, что за рыба китъ и какъ онъ размножается? я отвѣтилъ, что китъ совсѣмъ не рыба, и что онъ кормитъ своихъ дѣтенышей молокомъ (это я зналъ по-наслышкѣ отъ дѣтей Г...скихъ, съ которыми разсматривалъ атласъ по зоологii), Ѳедоръ Ѳедоровичъ воскликнулъ: «о, да вы, булка, (онъ потомъ часто называлъ меня такъ), и по зоологii знатокъ, — чего-же васъ и экзаменовать!» Экзаменъ былъ конченъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ объявилъ матери, что я принятъ въ школу. Матушка такъ растрогалась при видѣ происходившаго, что расплакалась и со слезами благодарила рѣдкостнаго педагога.

Сколько было учениковъ въ школѣ — въ точности не помню. Вспоминая о лѣтнихъ прогулкахъ и экскурсіяхъ, думаю, что было никакъ не меньше 30—35 челов. Классовъ, если память не измѣняетъ, было два. Но классы эти не были разграничены какими-нибудь программами, — различались они исключительно по большей или меньшей понятливости учениковъ и по ихъ способности къ воспринятію преподаваемыхъ знаній. Переводились ученики изъ класса въ классъ не по экзаменамъ, а просто по рѣшенію учителей, причемъ и пребываніе въ одномъ классѣ не было ограничено опредѣленнымъ срокомъ. Такая система была вполне возможна, такъ какъ педагоги наши, а въ особенности Ѳ. Ѳ. Резенеръ, не только были всегда въ курсѣ нашихъ познаній, но знали все, такъ сказать, нужнѣйшее, умѣли заглядывать въ наши души, — къ чему-же тутъ экзамены?

Учили насъ въ школѣ многому, — начиная съ чистописанія и плетенья шнурочковъ и кончая астрономіей. Знаменитый впоследствии скульпторъ, живущій нынѣ въ Америкѣ, тогда еще ученикъ Академіи Ѳ. Ѳ. Каменскій обучалъ насъ рисованію. Рисовали на большихъ

листахъ бумаги, сперва углемъ, а по углю итальянскимъ карандашемъ, и исключительно съ моделей; причемъ доходили до весьма замысловатыхъ, какъ напр., гипсовыхъ головъ, да еще классическихъ. Я въ рисованіи всегда былъ плоховать, но весьма яркимъ образцомъ учениковъ Василеостровской школы, въ этомъ отношеніи можетъ служить покойный товарищъ Шпакъ. *А. Я. Гердь*, котораго я и сейчасъ совершенно ясно себѣ представляю, хотя и не встрѣчалъ его послѣ школы ни разу, знакомилъ насъ съ естественными науками. Въ популярномъ изложеніи, съ помощью таблицъ, атласовъ, моделей, гербарія и коллекцій, онъ вкладывалъ въ насъ познанія по зоологіи, анатоміи и физиологіи, ботаникѣ и минералогіи. Я нарочно употребилъ выраженіе «вкладывалъ познанія», какъ наиболѣе подходящее къ его методу и результатамъ преподаванія: уроковъ по его предметамъ мы никогда не учили,—они намъ и не «задавались»; познанія-же приобрѣтались какъ-то сами собою. По крайней мѣрѣ, я лично, попавъ въ послѣдствіи въ гимназію, слушалъ естественныя науки, какъ нѣчто знакомое, и былъ по нимъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ классѣ. Во время лѣтнихъ вакаціонныхъ экскурсій, о которыхъ я скажу позже, *А. Я.*—чѣ не пропускалъ случая подновить пройденное зимою: сорветъ цвѣтокъ и заставитъ насъ разобрать его составныя части, поймаетъ лягушку или жука и продѣлаетъ съ ними то-же самое и т. п.

Въ школѣ-же были приобрѣтены мною и элементарныя познанія по физикѣ, физической географіи и даже немножко по астрономіи. Боюсь ошибиться, утверждая, что эти науки преподавалъ нынѣшній профессоръ университета *П. П. фанъ-деръ-Флитъ*. Что онъ училъ въ школѣ, это я навѣрняка помню, но эти-ли именно предметы—забылъ. Ариметику преподавалъ *А. Н. Страннолюбскій*. Къ сожалѣнію, съ нимъ я тоже со школьныхъ временъ не встрѣчался, хотя и жаждалъ душою этой встрѣчи; несмотря на то, прекрасно помню и лицо его, и фигуру, и голосъ,—разумѣется, такими, какъ они были въ то время, т. е. 31 годъ тому назадъ. Какъ онъ училъ,—не могу рассказать; но помню отлично, что, поступая въ гимназію, я по его предмету не подготовлялся, но выдержалъ экзаменъ во второй классъ (по малолѣтству, былъ принятъ въ первый) и три класса шелъ первымъ ученикомъ.

Уроки въ школѣ начинались въ 6 часовъ вечера, а кончались въ 9. Были, конечно, среди насъ и такіе, которые являлись прямо къ началу уроковъ и немедленно по ихъ окончаніи стремились домой—но такихъ было немного; большинство-же собиралось задолго еще до начала ученія и не торопились бѣжать домой послѣ классовъ. До

уроковъ устраивались—зимою въ классахъ, весною-же и осенью—на дворѣ—разныя игры. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, приходившій всегда раньше всѣхъ и уходившій позже, а впослѣдствіи, когда школа была переведена въ 16 линію, поселившійся при ней, какъ строгая няня, слѣдилъ за играми и не спускалъ глазъ съ тѣхъ, отъ которыхъ можно было ожидать какого-либо проступка по отношенію къ товарищамъ. Разъ такой проступокъ совершался, виновный привлекался къ отвѣтственности: ему приходилось, оставивъ компанію сверстниковъ, посидѣть или постоять рядомъ съ Ѳеодоръ Ѳеодоровичемъ. Никогда неповышаемымъ, ровнымъ, тихимъ, голосомъ, читалось надлежащее внушеніе, въ которомъ слышались слова: «дѣтюша», «фаля» (вмѣсто Ивановъ), «Фомочка» (вм. Фоминъ), и т. п. Другихъ наказаній у насъ не практиковалось, да и не требовалось,—лишь на исключительныхъ, завятыхъ школяровъ внушенія Ѳ. Ѳ. Резенера могли не подѣйствовать; за то многихъ они доводили до слезъ. Впрочемъ, бывали случаи, весьма, правда, рѣдкіе, когда дѣло такъ не кончалось. Это случалось тогда, когда проступокъ, хотя-бы по существу и неважный, имѣлъ дурную подкладку, выказывалъ нехорошую нравственную черту провинившагося. Нахожу нелишнимъ рассказать объ одномъ случаѣ, малѣйшія детали котораго живо сохранились въ моей памяти и который характеризуетъ обоюдныя наши съ Ѳ. Ѳ. отношенія и его воспитательную тактику. Однажды одинъ изъ учениковъ принесъ изъ дому полковничьи густыя эполеты (ученикъ былъ пріемнымъ сыномъ отставнаго полковника) и щеголялъ въ нихъ въ рекреаціонное время. Другому это украшеніе настолько понравилось, что онъ не выдержалъ искушенія и какимъ-то манеромъ стащилъ ихъ изъ парты въ отсутствіе владѣльца. Кое кто изъ товарищей, если не зналъ навѣрное, то догадывался, кто виновникъ кражи. Потерпѣвшій, съ плачемъ и причитаніями, обратился къ Ѳеодору Ѳеодоровичу. Тотъ немедленно собралъ весь классъ (было это зимою 1861—62 г.), посадилъ по мѣстамъ и сталъ держать рѣчь. Говорилъ онъ, что пропажа, собственно говоря, пустая; что если-бы онъ хотѣлъ лишь вознаградить собственника эполетъ, то онъ могъ-бы купить ему новыя; но что онъ не желаетъ и не можетъ допустить, чтобы въ средѣ его учениковъ были ворюжки. Онъ не удовольствуется тѣмъ, если кто изъ знающихъ виновнаго укажетъ его, и просить этого не дѣлать; онъ не будетъ дѣлать обыска (ясно, что пропавшая вещь была въ стѣнахъ школы); но будетъ настаивать, чтобъ виновный самъ пришелъ къ нему и повинился. Не требуется, чтобы это было сдѣлано при товарищахъ, напротивъ, Ѳ. Ѳ. обѣщаетъ, что никто никогда не узнаетъ имени покаившагося. Чтобы

виновный могъ улучшить минуту поговорить съ *Θ. Θ.*, дается сроку сутки — можетъ написать записку, которая, по прочтеніи будетъ возвращена писавшему. Но если виновный не обнаружится, то *Θ. Θ.*, какъ ему ни тяжело это будетъ, вынужденъ будетъ покинуть школу, такъ какъ онъ не желаетъ быть съ дѣтьми, между которыми есть, хотя-бы одинъ, скрывающій отъ него проступокъ, сдѣланный, можетъ быть, просто изъ шалости... Какъ сознавалъ этотъ человекъ, вѣчная ему память, свое могущественное вліяніе на дѣтей! Какую тяжелую для него самого дилемму безбоязненно поставилъ онъ намъ! И надо было дѣйствительно знать нутро *каждого* ученика, чтобы быть увѣреннымъ въ успѣхъ,—а онъ былъ въ немъ увѣренъ! Хорошіе бесспорно педагоги были у насъ въ гимназіи; но когда, бывало, цѣлый классъ потомъ засадятъ, по окончаніи уроковъ, безъ отпуска, а значитъ, и безъ обѣда, пока не «выдадутъ» виновнаго въ какой-нибудь крупной шалости,—приходило-ли когда на мысль инспектору или воспитателю поставить вопросъ такъ, какъ поставилъ его *Θ. Θ. Резенеръ*? Конечно, нѣтъ! Ну и просидимъ, бывало до 8, 9 часовъ вечера, будучи увѣренными, что рано или поздно, а все-таки выпустятъ—и выпустили, а виноватаго такъ и не находили!

Но продолжаю рассказъ объ эполетахъ. По уходѣ *Θ. Θ. Резенера* изъ класса, насъ объялъ какой-то ужасъ,—молча мы смотрѣли другъ другу въ глаза, какъ-бы стараясь прочесть въ нихъ вину и просить пощады. Затѣмъ разбились на кучки и только и слышался шопотъ: «по твоему кто?»—«а по твоему кто?»—Многіе, вѣроятно, угадали, такъ какъ виноватый не счумѣлъ скрыть своего смущенія. Да оно и понятно, ибо это былъ вполне порядочный мальчикъ и «стацилъ эполеты такъ-же, какъ таскаетъ и прячетъ блестящія вещи сорока. Лѣтъ черезъ 18 я встрѣтилъ его въ собственныхъ уже блестящихъ эполетахъ флотскаго офицера. Странное совпаденіе!

На другой день школьный сторожъ, взявъ въ сѣняхъ швабру, собираясь подмести полъ, нашелъ подъ ней эполеты. *Θ. Θ.* отдалъ ихъ торжествующему владѣльцу, но заявилъ, что это его не удовлетворяетъ, и что онъ настаиваетъ на своемъ требованіи. Кончились классныя занятія, *Θед. Θед.* пригласилъ насъ наверхъ—въ мезонинъ дома, гдѣ помѣщалась школа. Въ мезонинѣ было двѣ комнаты: довольно большая, гдѣ мы собрались, и маленькая комнатка *Θ. Θед.*, съ дверью изъ первой. Придя съ нами наверхъ, онъ рѣшительно объявилъ, что желаетъ съ нами проститься, покидая школу. Трудно представить себѣ, что тутъ произошло! Плачъ, рыданія, слезныя просьбы; обнимали его ноги, хватали за фалды сюртука и т. п. Растроганный до слезъ (пишу объ

этомъ черезъ 30 слишкомъ лѣтъ и..., ей Богу, слеза прошибаетъ). Оед. Оед. кое-какъ успокоилъ насъ и сказалъ: «ну, дѣтужи, если ужъ вамъ такъ жалко со мной разстаться, вотъ вамъ послѣдняя проба: я сяду въ своей комнатѣ, а вы всѣ, по алфавиту, приходите ко мнѣ; я пропущу *всѣхъ до послѣдняго* и дамъ вамъ слово, что никто не узнаетъ, о чемъ я съ вами говорилъ». Всѣ притихли,—явилась надежда! Спрашивается, почему никому изъ догадывавшихся не пришло въ голову обратиться къ виновнику и просить его сознаться. А потому, что, не смотря на разношерстность по лѣтамъ, званіямъ и состояніямъ, всѣ чуяли, что этимъ можно было испортить дѣло: съ одной стороны не таково было желаніе Оед. Оед.,—мы это отлично понимали,—а съ другой—боязнь, что если человѣкъ на предъявленное ему прямо обвиненіе запрется, то ужъ сознанія потомъ не добьешься.

Пока ходили по-одиночкѣ на исповѣдь, многіе изъ ожидавшихъ очереди попритихли, даже повеселѣли; другіе же и въ числѣ ихъ авторъ этихъ строкъ, продолжали всхлипывать. Въ кабинетъ Оед. Оед. шелъ я съ какимъ-то непонятнымъ замираніемъ сердца,—совсѣмъ вѣдь былъ я непричастенъ къ дѣлу, а все-таки чего-то страшно было! Такъ какъ виноватый уже побывалъ въ кабинетѣ и свое дѣло сдѣлалъ, то допросъ былъ очень короткій и, вѣроятно, только для вида, чтобы по кратковременности приѣма не догадались, что дѣло сдѣлано: «Вы это сдѣлали?»—Нѣтъ.—«Ну, а если представился-бы въ будущемъ такой случай, сдѣлали-бы?»—Нѣтъ.—«Даете мнѣ слово?»—Даю.—«Ну, идите съ Богомъ!» Такъ пропущены были всѣ до послѣдняго.

Когда Оед. Оед. вышелъ къ намъ и сказалъ, что изъ разговоръ наединѣ онъ убѣдился, что его дѣтужи ничего отъ него не скрываютъ, и что въ другой разъ подобной исторіи не случится, а потому онъ остается,—поднялся гвалтъ ликования. То плакали съ горя, а тутъ принялись плакать съ радости. Продолжалась эта исторія до полуночи. Нѣкоторые изъ учениковъ (и я въ томъ числѣ) отъ волненія и слезъ такъ разгорѣлись, что Оед. Оед. не рѣшился отпустить насъ по домамъ, а уложилъ тутъ-же въ повалку, на чемъ пришлось; по домамъ-же послалъ сторожа предупредить, чтобъ не беспокоились.

Помню я еще одинъ случай, когда Оед. Оед. былъ сильно огорченъ и озабоченъ. Не знаю, поймалъ-ли онъ кого, или по лицу прочелъ, но однажды онъ собралъ всѣхъ въ классъ, и, усѣвшись, со строгимъ и озабоченнымъ видомъ началъ говорить,—передъ нимъ лежало штукъ пять-шесть какихъ-то книгъ. Началъ онъ съ того, что бываютъ мальчики, которые тайкомъ предаются нѣкоему вредному

пороку, и хотя онъ не имѣетъ основаній предполагать, что порокъ этотъ проникъ въ его школу, но считаетъ долгомъ, въ предупрежденіе насъ, побесѣдовать по этому вопросу. Затѣмъ Оед. Оед. сталъ читать выдержки изъ принесенныхъ книгъ, поясняя прочитанное. Признаться откровенно, я въ то время ровно ничего не понялъ, такъ какъ не зналъ, о чемъ идетъ рѣчь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по огорченному и серьезному лицу Оед. Оед., я понималъ, что онъ что-то знаетъ или подозрѣваетъ. Мысль о томъ, не подозрѣваетъ-ли онъ и меня въ чемъ-то порочномъ, предосудительномъ, бросала въ жаръ, и помню, какъ я старался поймать глазами его взглядъ и выдерживать его, не сморгнувъ возможно дольше,—объясняю себѣ это стремленіе тѣмъ, что, разспрашивая о чемъ-нибудь, Оед. Оед. говорилъ иногда: «а ну, посмотрите-ка мнѣ прямо въ глаза!» Не знаю, произвела-ли лекція воздѣйствіе, на кого слѣдуетъ, но читалась она съ такою убѣдительною, что, какъ я уже сказалъ выше, и неповинныхъ страхъ бралъ.

Какъ упоминалъ я выше, большинство учениковъ не торопилось разбѣгаться по окончаніи уроковъ,—какъ-то жалко было разставаться со школой. Это время посвящалось, обыкновенно, библиотечному шкафу. Библиотека у насъ была хотя и немудренъкая по ея наружному виду и числу книгъ, большинство которыхъ, если не всѣ, были пожертвованы, или отданы въ школу для пользованія учредителями и учителями, но подборъ книгъ былъ, разумѣется, образцовый. Оед. Оед., стоя у шкафа, всегда самъ выдавалъ и мѣнялъ книжки. Иногда онъ и торговался,—попросить у него кто-нибудь извѣстную книгу, а онъ предлагаетъ другую—полегче; если тотъ упирается,—дастъ, но пригрозить,—смотрите, молъ, я вѣдь спрошу потомъ, что вы прочли. Иной разъ и страшно станеть получившему книжку (самъ испытывалъ), да ужъ поздно—отступать стыдно; ну и стараешься читать такъ, чтобъ мимо глазъ ничего не проходило. Читали больше родное: Пушкина,—любимыми были изъ стихотвореній «Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ», а изъ прозы «Капитанская дочка»; изъ сочиненій Гоголя—правились больше всего, «Вечера на хуторѣ», «Женитьба», и «Ревизоръ»; Толстаго—«Дѣтство и отрочество»; читали кое-что и изъ Лермонтова, Жуковскаго, Кольцова Григоровича и др.—все по выбору и указанію Оед. Оед. Резенера. Въ свободные, за неприбытіемъ учителя, часы читали намъ вслухъ. Сильно любили мы комедіи Островскаго; ихъ заставляли насъ читать, распредѣливъ между нами роли,—отлично помню, какъ я старался надъ чтеніемъ Липочки изъ «Свои люди сочтемся».

Объ отношеніяхъ учителей къ ученикамъ специально говорить не

буду: отношенія къ намъ Ѳед. Ѳед. Резенера охарактеризованы и еще охарактеризуются, кажется, достаточно; а такъ какъ разницы въ этомъ отношеніи между нимъ и его сподвижниками быть не могло, то, значитъ, по примѣру Ѳед. Ѳед., можно судить и объ остальныхъ. Да, по правдѣ сказать, и память измѣняетъ: свѣтлая, святая личность Ѳ. Ѳ. Резенера какъ-то заслоняетъ остальное. Матушка, помогая мнѣ возстановить въ памяти далекое прошлое, рассказываетъ, что, когда обстоятельства заставили насъ переѣхать на Петербургскую сторону, я, несмотря на страшные концы, которые приходилось ежедневно дѣлать (школа въ 16 линіи Вас. Острова), не только не хотѣлъ совсѣмъ отстать отъ школы, но не поддавался увѣщаніямъ пробить вечеръ дома даже въ сильные морозы. Въ школу похоть я совершалъ одинъ; оттуда-же приходилось меня провожать, для чего матушка или сама приходила, или присылала жившую съ нами мою тетю. Но продолжалось это недолго: одинъ изъ учителей, узнавъ о путешествіяхъ нашихъ, предложилъ матери не беспокоиться и не ходить за мною и самъ сталъ провожать меня до дому (онъ жилъ также на Петербургской сторонѣ); когда-же, въ сильные морозы, Ѳед. Ѳед. оставлялъ меня ночевать, провожатый мой заходилъ ко мнѣ домой сказать, что я остался,—вотъ единичный, но хорошо иллюстрирующій отношенія къ намъ учителей, фактъ. Насъ не покидали и тогда, когда всякій старается отбросить всѣ заботы и служебныя занятія и воспользоваться законнымъ отдыхомъ; объ зимы, которыя я пробылъ въ школѣ, на праздникахъ Рождества устраивалась въ школѣ елка. Насъ собирали, зажигали елку, устраивали разные игры, причемъ и учителя принимали участіе, и раздавали каждому на прощанье солидный свертокъ съ лакомствами,—все это на собранныя между учителями и пожертвованныя деньги, ибо никакихъ опредѣленныхъ средствъ школа не имѣла и субсидій нигде не получала.

И на лѣто Ѳед. Ѳед. не оставлялъ насъ безъ надзора,—не могъ онъ допустить, чтобъ мы все лѣто оставались внѣ его вліянія; слѣдя шагъ за шагомъ за умственнымъ и нравственнымъ нашимъ развитіемъ, онъ и вообще не упускалъ случая справиться у родныхъ о нашемъ поведеніи дома. Какъ отпущенныхъ въ «запасъ арміи» воиновъ собираютъ въ учебные сборы, чтобы посмотрѣть, не забыли ли они чего, такъ и Ѳед. Ѳед. Резенеръ нѣсколько разъ въ лѣто собиралъ свою армію; помогалъ ему всегда въ этомъ А. Я. Гердь. Экскурсіи устраивались двоякаго рода: увеселительно-образовательнаго характера и чисто-образовательнаго, хотя веселье неизбѣжно соединялось и съ послѣдними. Для первыхъ избирались острова: Петровскій, Крестовскій

и Елагинъ. Подъ предводительствомъ О. О. и А. Я. шествовали мы туда съ ранняго утра. Забирались съ собою книжки и таблицы для опредѣленія видовъ растеній и животныхъ. По пути собирали растенія, насѣкомыхъ и налавливали въ попадавшихся прудахъ и канавахъ головастиковъ, плавунцовъ и инфузорій, чтобы разсматривать послѣднихъ подъ микроскопомъ. Дойдя до Елагина острова, разбивались на два равныхъ отряда, запасались еловыми шишками, и, подъ командой кого-либо изъ учителей, устраивали примѣрное сраженіе; получившій рану шишкою выбывалъ изъ строя, и когда въ одной изъ армій являлся значительный численный перевѣсъ, другая обращалась въ бѣгство, что и знаменовало собой побѣду; во время отступленія были и военноплѣнные. Послѣ этого, невѣдомо откуда, появились горшки съ молокомъ и каравай черного и бѣлаго хлѣба. Побѣдители и побѣжденные, скучившись въ общій лагерь, съ аппетитомъ уничтожали все это, а затѣмъ пускались въ обратный путь по домамъ.

Второго рода экскурсіи предпринимались, или пѣшкомъ въ Чекуши, или на пароходѣ въ «Александровскую мануфактуру»—такъ называлось въ то время село, или просто группа разныхъ заводовъ и фабрикъ на берегу Невы. За день успѣвали осмотрѣть два-три завода, или фабрики. Осмотръ производился въ порядкѣ постепеннаго производства; подробныя объясненія давались Оед. Оедоровичемъ и Ал. Яковлевичемъ, при помощи командированнаго заводомъ проводника. Такимъ образомъ, были осмотрѣны производства: чугунно-литейное, желѣзно-дѣлательное, котельное и сборочное (на заводѣ Макферзена въ Чекушахъ): ткацкое, бумаго-пряильное и ситценабивное (послѣднее на фабрикѣ Лютша въ Чекушахъ, а первые два въ Александровской мануфактурѣ); кожевенное на заводѣ Брусницыныхъ въ Чекушахъ; писчебумажное въ Алекс. мануфактурѣ. Въ селѣ Ивановскомъ помню чудный, веселый завтракъ на берегу Невы, состоявшій изъ черного хлѣба и свѣжихъ огурцовъ. Тутъ осматривали кирпичное производство,—были и на фарфоровомъ и на стеклянномъ заводахъ.

Много заводовъ и фабрикъ приходилось мнѣ осматривать и впоследствии; но то, что было осмотрѣно съ Оед. Оедор., навсегда вѣзалось въ память, и позднѣйшіе осмотры были лишь повтореніемъ пройденнаго.

Пробылъ я въ школѣ зиму 1860—61 г. и зиму 1861—62 г. Лѣтомъ 1861 г. принималъ участіе въ вышеозначенныхъ экскурсіяхъ, лѣтомъ 1862 г. также и отчасти готовился въ гимназію, куда поступилъ осенью 1872 г.

Узнавъ весною 1862 г. о предстоящемъ открытіи 7-й С.-Пе-

тербургской гимназіи, Ө. Ө. Резенеръ вызвалъ письмомъ мою мать и предложилъ,—не пожелаетъ ли она, чтобъ меня приготовили къ поступленію въ гимназію. Въ принципѣ моя мать не была противъ этого предложенія; отецъ, тотъ высказалъ—«и зачѣмъ это гимназія? —учили насъ на мѣдные гроши, а живемъ славу Богу», и т. п.—но ее, конечно, пугала денежная сторона дѣла: плата за ученье, книги, форменная одежда и пр. Она и высказала Өед. Өед. свое опасеніе, что средствъ на это не хватитъ. Тотъ ее старался обнадежить, указывая на то, что хорошихъ учениковъ освобождаютъ отъ платы за ученье и даже принимаютъ иногда на казенный счетъ пансіонерами; что я буду хорошимъ ученикомъ,—и бояться за меня нечего—и въ концѣ концовъ уговорилъ. Какъ меня готовили къ гимназіи, я положительно не помню; полагаю, что выдержалъ я легко экзаменъ во второй классъ и принятъ былъ въ первый по малолѣтству (мнѣ только что минуло 10 лѣтъ). Это сильно огорчило мое самолюбіе, и, какъ рассказываетъ мать, я плакалъ горькими слезами, вернувшись съ экзаменовъ: мнѣ обидно было «проходить» то, что мнѣ было уже извѣстно. Водилъ насъ на экзаменъ самъ Өед. Өед. Говорю «насъ», ибо я былъ не одинъ: изъ школьныхъ товарищей, бывшихъ со мною въ гимназіи, я помню Новикова (перешедшаго впоследствии въ техническое училище Морскаго Вѣдомства), Кондратьева, Копытова (переведеннаго въ Морской Корпусъ, или штурманское училище—не помню), Коммисарова (умершаго еще въ 3-мъ классѣ) и Иванова—неудачника Васидеостровской школы, не смотря на то, что онъ жилъ при школѣ, и Өед. Өед. особенно хлопоталъ надъ нимъ.

Въ то время я не сознавалъ этого, и Өед. Өед. тщательно скрывалъ это отъ меня,—но теперь я не сомнѣваюсь, что все время, пока я былъ въ гимназіи, Ө. Ө. былъ ангеломъ-хранителемъ моимъ, а значить, и другихъ моихъ товарищей. Начальство гимназіи, особенно же покойный, незабвенный, Владиміръ Өедоровичъ Эвальдъ, сразу обратило на меня вниманіе и до конца курса не лишало его меня. Отъ платы за ученье я былъ освобожденъ съ перваго-же года, а перейдя во второй классъ, я получилъ полный комплектъ учебниковъ и пособій; когда былъ въ третьемъ, матери предложили на выборъ: получать стипендію для содержанія меня дома, или же отдать на полный пансіонъ въ гимназію;—избрали, по моему желанію, второе, и я до конца курса былъ казеннокоштнымъ пансіонеромъ. Ни я самъ, ни мои родители никогда о чемъ-либо подобномъ не просили; правъ по происхожденію или по заслугамъ родителя никакихъ я не имѣлъ,—откуда-же шла ко мнѣ эта благодать, какъ не черезъ Ө. Ө. Резенера?

Со школою, какъ учреждениемъ, я, по поступленіи въ гимназію, связи не сохранилъ; но съ Фед. Фед.—душою и олицетвореніемъ школы, связь эта продолжалась до полного моего вступленія въ жизнь, т. е. до окончанія курса въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія и женитьбы. Она продолжалась-бы и до самой смерти моего благодѣтеля, если бы служба не забросила меня на 6 лѣтъ на далекій Уралъ. Будучи въ гимназіи, я по праздникамъ забѣгалъ къ Фед. Фед., бесѣдовалъ съ нимъ, получалъ книжки для прочтенія и въ подарокъ;— три тома «Чтенія для юношества», переплетенные въ гимназіи собственноручно (у насъ была своя мастерская) хранятся въ моей библиотекѣ и сейчасъ. Удивляюсь, какъ я не сообразилъ тогда, что Фед. Фед. извѣстенъ чуть не каждый мой шагъ въ гимназіи, что онъ неотлучно преслѣдуетъ свою цѣль—вывести меня въ люди! Будучи студентомъ, я не прекратилъ своихъ посѣщеній Фед. Фед., хотя случалось это рѣже, и всегда признавалъ его безапелляціоннымъ совѣтникомъ въ трудныхъ вопросахъ жизни. Давая уроки и поддерживая ими (кромя получавшейся стипендіи) себя и семью, я во всѣхъ сомнительныхъ по педагогическимъ вопросамъ прибѣгалъ къ помощи его.

Рѣшивъ, по окончаніи курса, жениться на любимой дѣвушкѣ, я одному изъ первыхъ сообщилъ объ этомъ Фед. Фед. Въ день свадьбы, онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру и самъ благословилъ меня подъ вѣнецъ. Заходилъ онъ къ намъ и послѣ свадьбы, взглянуть на нашъ семейный очагъ.

Вспоминая о далекомъ прошломъ, я невольно задаю себѣ вопросъ,— чѣмъ въ моей жизни была Василеостровская школа и нераздѣльно связанная съ нею личность Ф. Ф. Резенера?—и смѣло могу отвѣтить—всѣмъ! Всею жизнью, съ духовной нравственной и общественной ея стороны, я обязанъ школѣ и ея дѣятелямъ. Конечно, я и самъ рано созналъ, что все мое будущее всецѣло зависитъ отъ моего личнаго усердія; но сознаніе это пришло лишь тогда, когда мнѣ данъ былъ толчекъ, когда я былъ поставленъ на твердую дорогу. Съ другой стороны, я и самородкомъ особеннымъ не былъ, и посейчасъ ничѣмъ не выдѣляюсь изъ средняго уровня обыкновенныхъ людей; но во всякомъ случаѣ, все мое существо проникнуто мыслью, что не попади я случайно въ Василеостровскую школу и не направъ она меня на путь образованія, никогда бы не выйти мнѣ изъ той среды, въ которой я былъ рожденъ—среди темной, озабоченной лишь однимъ до-бываніемъ, въ потѣ лица, своего куска насущнаго хлѣба.

Пусть-же это сознаніе, которое, я увѣренъ въ этомъ, сохраню до конца дней моихъ, послужитъ нравственнымъ удовлетвореніемъ тѣмъ

безкорыстнымъ учредителямъ и учителямъ Василеостровской школы, которымъ суждено было пережить свѣтлую личность ихъ коновода, Оед. Оед. Резенера—вѣчная ему память!

Доказать всею своею жизнью, что доброе сѣмя упало на благодарную почву, провести черезъ всю свою служебную и общественную дѣятельность принципы, внушенные Василеостровскою школою, сѣять, по мѣрѣ возможности и силъ самому тѣ-же сѣмена, которыя сѣяли Оед. Оед. и его сотрудники и передать ихъ въ потомство,—вотъ единственный способъ поблагодарить моихъ учителей».

Въ виду того, что читатель, можетъ быть, по интересуется дальнейшею судьбою главнаго организатора Василеостровской школы О. О. Резенера, скажу нѣсколько словъ о важнѣйшихъ событіяхъ его жизни по закрытіи школы.

Еще раньше, въ Сентябрѣ 1864 г., приглашенъ былъ Резенеръ на службу воспитателемъ въ только-что открывшуюся 1-ую Петербургскую Военную гимназію, преобразованную, на новыхъ гуманныхъ и педагогическихъ началахъ, изъ 1-го Кадетскаго корпуса.

Страстно преданный своей педагогической системѣ, построенной на полной непринудительности въ смыслѣ ученія и отсутствія всякихъ наказаній—системѣ, такъ успѣшно примѣненной въ школѣ, онъ не захотѣлъ дать своего согласія принять мѣсто ранѣе, чѣмъ система эта будетъ обсуждена и принята на Педагогическомъ совѣтѣ. Былъ собранъ совѣтъ изъ всѣхъ учителей и воспитателей гимназіи, и тезисы Резенера подверглись всестороннему обсужденію, возбудивъ цѣлую массу возраженій и осужденій, якобы за полную ихъ непримѣнимость, и даже, какъ казалось нѣкоторымъ, за положительный вредъ отъ введенія въ гимназію подобной воспитательной системы. Увидѣвъ, что убѣжденія и взгляды большинства учителей и воспитателей, а также и самаго начальства, слишкомъ расходятся съ его задушевными педагогическими убѣжденіями, Резенеръ тутъ-же рѣшительно и категорически отказался отъ предложеннаго мѣста и снова отдался школѣ и журналу «Учитель». Это многолюдное засѣданіе болѣе, чѣмъ съ 60-ю официальными педагогами, гдѣ Резенеръ блестяще излагалъ свою систему и шагъ за шагомъ разбивалъ своей неумолимой логикой доводы противниковъ, было настоящимъ его торжествомъ, хотя и не приведшимъ къ введенію системы въ новое учебное заведеніе, но имѣвшимъ несомнѣнное вліяніе на весь воспитательный духъ его, по крайней мѣрѣ, въ первые годы существованія гимназіи.

Съ закрытіемъ училища, Резенеръ почти исключительно обратился къ литературѣ и, принимая по прежнему дѣятельное участіе въ жур-

надѣ «Учитель», котораго одно время былъ онъ редакторомъ, онъ издавалъ, кромѣ того, особое приложение къ журналу: «Чтеніе для юношества», первый томъ котораго носящій названіе: «Что окружаетъ насъ?» принадлежитъ къ числу лучшихъ книгъ для дѣтскаго чтенія, и также переводилъ много полезныхъ книгъ по научной и педагогической литературѣ. Напр., *Логикѣ Милля*, «*Картины растительности*, Росмелера и др.

Но повѣяло въ обществѣ инымъ духомъ: вопросы педагогическіе были отодвинуты назадъ; долженъ былъ, наконецъ, прекратиться и лучший изъ русскихъ педагогическихъ журналовъ «Учитель», и Резенеръ на нѣсколько лѣтъ какъ-бы сходитъ съ педагогическаго поприща. Разочарованный въ своихъ лучшихъ надеждахъ на процвѣтаніе у насъ педагогическаго дѣла, видя вокругъ все большее и большее равнодушіе общества ко всѣмъ умственнымъ интересамъ, онъ, кажется, въ первый разъ въ жизни, опустилъ голову и съ горечью говорилъ близкимъ людямъ о томъ, по какому скользкому пути пошло это общество, еще недавно, повидимому, такъ горячо преданное интересамъ разумнаго просвѣщенія...

Въ это тяжелое время, когда опять пришлось Резенеру страдать, и матеріально, и нравственно, сталъ онъ дѣлаться все угрюмѣе и раздражительнѣе; пошатнулось и здоровье его; но натура эта была желѣзная и сберегла его еще для новаго труднаго дѣла.

Въ 1869 г. основалось въ Петербургѣ «Общество для устройства въ Россіи земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ и бродячихъ мальчиковъ».

Намѣтивъ въ Резенерѣ будущаго директора такого, имѣющаго открытыя, заведенія, «Комитетъ общества» предложилъ ему отправиться за границу съ цѣлью изучить на мѣстѣ способы исправленія порочныхъ дѣтей. Онъ подробно изучилъ исправительныя заведенія прусскія, саксонскія, бельгійскія, голландскія и виртембергскія, и, по возвращеніи въ концѣ 1870 г. въ Петербургъ, представилъ замѣчательный отчетъ о своемъ путешествіи, тогда-же напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы». Въ іюнѣ 1871 г. онъ занялъ должность директора ремесленнаго пріюта, а его бывший сотрудникъ по Василеостровскому училищу, А. Я. Гердь,—директора земледѣльческой колоніи, помѣщавшейся рядомъ съ пріютомъ, за Пороховыми заводами, въ глухой отдаленной отъ Петербурга на 14 верстѣ мѣстности. Здѣсь дѣятельность покойнаго была, по-истинѣ, изумительная, и доходила до полнаго самоотверженія. Въ уставѣ заведенія былъ, между прочимъ, пунктъ, что однимъ изъ воспитательныхъ средствъ должно быть *лич-*

ное вліяніе директора. И Резенеръ, считая этотъ пунктъ наиболѣе священнымъ, жилъ буквально среди своихъ питомцевъ, не имѣя особой комнаты; одѣвался, какъ они, въ блузу, ѣлъ съ ними за однимъ столомъ и ту-же грубую пищу, не пилъ чаю, пересталъ курить. Онъ работалъ съ ними буквально цѣлый день, отъ ранняго утра до ночи; а ночью, когда всѣ спали, подготавливался къ урокамъ слѣдующаго дня, былъ и воспитателемъ, и учителемъ, и работникомъ, и даже товарищемъ игръ и дальнихъ прогулокъ питомцевъ, которыя всегда сопровождалъ живыми разсказами изъ области естествознанія. Мало того, онъ и жалованье свое почти все тратилъ на нихъ-же,—этихъ порочныхъ отверженныхъ ребятишекъ,—покупая имъ книжки, лакомства и игрушки, чтобы хоть чѣмъ-нибудь потѣшить ихъ, вознаграждать для нихъ отсутствіе близкихъ къ нимъ лицъ. И дѣти любили его, какъ отца, были откровенны съ нимъ, и самый легкій его выговоръ считали величайшимъ для себя наказаніемъ.

«До и послѣ открытія колоніи,—пишетъ Г. Никитинъ,—я, въ качествѣ директора тюремнаго комитета, завѣдывалъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ и близко зналъ воспитанниковъ, но, посѣщая колонію, я поражался быстрою переменою въ ихъ характерѣ, образѣ жизни и успѣхами въ наукахъ и ремеслахъ. Мы, члены комитета, не разъ ѣздили въ колонію учиться у Федора Федоровича, какъ быть съ маленькими сорванцами, и всегда выносили самое отрадное чувство».

Непосильные труды и лишенія, которымъ добровольно подвергалъ себя Резенеръ, а также и всякія неприятности, которыхъ встрѣчалъ онъ не мало въ своемъ, новомъ у насъ, дѣлѣ, разстроили сильно его здоровье, и онъ черезъ два года, къ крайнему своему сожалѣнію, оставилъ колонію. «Зная»—пишетъ Никитинъ,—«его плодотворное воздѣйствіе на умы и сердца малолѣтнихъ преступниковъ, его нѣсколько разъ (въ 1875—78 гг.) буквально упрашивали поступить въ воспитатели малолѣтняго отдѣленія сперва тюремнаго замка, а потомъ Коломенской части, съ самыми широкими правами въ выборѣ себѣ трехъ-четырехъ помощниковъ для 50 мальчиковъ, и въ способѣ ихъ исправленія, съ жалованьемъ въ 3—4000 р. въ годъ, но онъ каждый разъ наотрѣзъ отказывался только потому, что считалъ *невозможнымъ перевоспитать ихъ въ тюремныхъ стѣнахъ.* И это было, прибавлю, именно въ то время, когда онъ нуждался въ средствахъ къ жизни до того, что нерѣдко голодалъ по цѣлымъ днямъ и не имѣлъ даже крѣпкой обуви и теплой одежды. Всегда полный чувства собственнаго достоинства до щепетильности, онъ никогда при этомъ не поступался своими убѣжденіями и не жаловался никому на свое положеніе.

За нѣсколько лѣтъ до смерти, Резенеръ былъ снова призванъ къ общественному педагогическому дѣлу:—его пригласили въ качествѣ старшаго воспитателя въ помѣщающійся на Выборгской сторонѣ пріютъ Тименкова и Фролова. Но это учебное заведеніе, на которое основателями былъ пожертвованъ чуть не миллионъ, устроенное по внѣшности на очень широкую ногу, не могло удовлетворить идеальнаго педагога и безусловно честнаго человѣка, какимъ былъ покойный. Управляемое нѣсколькими лицами изъ богатѣйшаго купечества, можетъ быть, людьми и доброжелательными, но незнакомыми съ педагогическимъ дѣломъ, оно не могло представить покойному того простора и свободы дѣйствій, безъ которыхъ это дѣло немислимо, и, раздраженный, наконецъ, вмѣшательствомъ въ его воспитательную дѣятельность и неудовлетвореніемъ его разумныхъ требованій, Резенеръ вскорѣ оставилъ заведеніе, убѣдившись, что разумнаго воспитанія на тѣхъ гуманыхъ началахъ, въ которыя до конца жизни своей онъ вѣрилъ, здѣсь провести нельзя.

Не болѣе успѣшна была и другая кратковременная служба его учителемъ русскаго языка въ митавской гимназіи, куда призвалъ его бывшій министръ народнаго просвѣщенія, г. Сабуровъ, рассчитывавшій со временемъ дать покойному, по праву ему подобавшее, болѣе широкое поле педагогической дѣятельности. Но тамъ встрѣтилъ Резенеръ такую распущенность и неурядицу и такое открыто враждебное къ нему отношеніе со стороны педагогическаго персонала, что черезъ два-три мѣсяца оставилъ и гимназію по невозможности вести дѣло хотя сколько-нибудь разумно и добросовѣстно.

Чтобы быть безпристрастнымъ, я позволю себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ записокъ одной близкой знакомой Резенера, А. К.—ной. Относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ этому человѣку, она въ то-же время усматривала въ немъ и нѣкоторые недостатки.

«Я познакомилась съ Ѳ. Ѳ. Резенеромъ,—пишетъ г-жа А. К.—на, —въ началѣ семидесятыхъ годовъ (1874 или 75 г.). Сестра моя пригласила его провести лѣто въ деревнѣ для занятій съ ея младшими дѣтьми, дѣвочкой лѣтъ 12 и мальчикомъ лѣтъ 10. Личность знаменитаго педагога, если не сразу привлекла меня (для такого пониманія людей я была еще слишкомъ молода и неразвита), то глубоко заинтересовала меня. За всей его внѣшней простотой и безъискусственностью чувствовалась честная, прямая натура, сильная и твердая воля. Первые дни прошли безъ занятій, Резенеръ приглядывался къ намъ, къ дѣтямъ, къ обстановкѣ и характеру семьи. Черезъ недѣлю наша деревенская жизнь вошла въ свою обычную колею: утро

проходило въ ученѣ, вечеромъ затѣвались игры на чистомъ воздухѣ, прогулки, катанье на лодкѣ. Со старшимъ сыномъ сестры Резенеръ-вовсе, какъ казалось, не занимался; даже не имѣлъ на него вліянія. Умный, бойкій мальчикъ,—ему было около 14 лѣтъ,—развитой не по лѣтамъ, вообще неохотно подчинялся какому-бы то ни было авторитету. Резенеръ даже какъ будто относился къ нему враждебно, глубоко возмущался задорными выходками подростка, называлъ его «толстокожимъ». Когда я говорила ему, что всѣ эти недостатки свойственны этому возрасту, что при хорошемъ вліяніи семьи всѣ они могутъ сгладиться, онъ только удивлялся моею снисходительности и называлъ меня баловницей. Младшія дѣти скоро привязались къ нему и относились съ полной довѣрчивостью. Но въ обращеніи съ ними проглядывала у него какая-то дѣланная слащавость, которая мѣшала дѣлу и даже, какъ мнѣ казалось, раздражала дѣтей. Наши дѣтишки привыкли къ полной самостоятельности и независимости; и мать ихъ и я, мы постоянно старались относиться къ нимъ какъ равныя къ равнымъ и даже въ ранніе годы ихъ дѣтства не обращались съ ними, какъ съ маленькими. Выраженія: «голубонька», «милочекъ», которыми *Э. Э.* пересыпалъ свою рѣчь, скоро имъ надоѣли и казались приторными и скучными. Меня тоже всегда отталкивала неестественность его мягкости. Мнѣ всегда казалось, что она выработана долгой ломкой, рождена не чувствомъ, а умомъ. Я чужая въ Резенерѣ челоуѣка съ сильной душой, съ развитой индивидуальностью; мнѣ представлялось, что въ минувшіе вѣка онъ былъ бы Кальвиномъ, Саванаролой, а никакъ не Меланхтономъ или Спинозой. Когда онъ высказывалъ свои убѣжденія, вся его кротость исчезала; въ рѣчи его, въ выраженіи лица, въ жестахъ скорѣе выказывалась рѣзкость, даже жесткость. Но онъ тотчасъ-же «бралъ себя въ руки», какъ онъ выражался, и опять принималъ привычный ему ненатуральный тонъ.

Во время уроковъ, на которыхъ я присутствовала для собственной пользы, я была поражена той свободой, которую онъ допускалъ въ дѣтяхъ. Онъ какъ будто вовсе не признавалъ школьной дисциплины, которая мнѣ казалась условіемъ *sine qua non*,—при сколько-нибудь серьезныхъ занятіяхъ. Дѣти сидѣли какъ попало, развалились въ креслахъ или забравшись съ ногами на диванъ. Они приносили съ собой карманы, набитые огурцами, горохомъ, морковью и другими продуктами огорода: всю эту благодать они грызли тутъ-же, за урокомъ, во время объяснительнаго чтенія. Дѣвочка смотрѣла по сторонамъ, подбѣгала къ периламъ веранды, на которой происходили занятія; мальчикъ, очень рассѣянный и немного лѣнивый, слѣдилъ за

движеніями сестры или тупо смотрѣлъ передъ собой, думая обо всемъ о чемъ угодно, но не о томъ, что говорилъ учитель. Иногда я забывала, что вмѣшиваться въ преподаваніе такого педагога, какъ Резенеръ, непростительная безтактность и начинала бранить нашихъ шалуновъ. Мои замѣчанія вызывали снисходительную улыбку на лицѣ Резенера; порядокъ водворялся, но ненадолго». Результатомъ такой системы явилось то, что дѣти не особенно много вынесли изъ превосходнаго преподаванія Резенера.

Но, по свидѣтельству того-же лица, занятія Ѳ. Ѳ-ча съ деревенскими ребятишками представляли иные результаты.

«Въ срединѣ лѣта Резенеръ устроилъ небольшую школу для крестьянскихъ дѣтей. Къ намъ въ усадьбу ежедневно приходило 6—7 мальчиковъ изъ сосѣднихъ деревень: преподавали мы, т. е. дѣти и я, подъ руководствомъ Ѳ. Ѳ. Моимъ племянникамъ и племянницамъ это дѣло скоро прискучило, и я одна занималась съ ребятами. На крестьянскихъ дѣтей обращеніе «дядюшки Ѳедора» дѣйствовало вполнѣ благотворно. Они не разбирали, дѣланныя или натуральныя его мягкость и ласковость: онѣ составляли такой контрастъ съ привычною для нихъ грубостью, что положительно оживляли ихъ. Наши школьники дѣлали огромные успѣхи: въ 6 недѣль они выучились читать, писать и усвоили себѣ 4 правила ариметики (конечно, надъ числами не выше 100). Басни Крылова они объясняли очень толково и увлекались этими объясненіями. Послѣ уроковъ они нерѣдко играли въ лапту и другія игры, въ которыхъ «дяденька Ѳедоръ» принималъ горячее участіе.

Вообще Резенеръ, вѣроятно, никогда долго не жившій въ деревнѣ, очень увлекался ею и ея обитателями. Ему казалось, что онъ попалъ въ буколическую страну, гдѣ процвѣтаютъ однѣ добродѣтели и нѣтъ пороковъ. Когда-же ему случалось наталкиваться на явленія, далеко неутѣшительныя, онъ относился къ нимъ рѣзко и нетерпимо. На сколько я могу судить, именно это отсутствіе гибкости, умѣнья, или, скорѣе, желанія примѣняться къ особенностямъ другихъ людей, мѣшали ему и въ его дѣятельности въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, и въ пріютѣ Фролова и Тименкова».

Въ послѣдніе два года своей жизни онъ уже сильно сталъ слабѣть здоровьемъ: труды, потрясенія нравственныя, лишенія матеріальныя, сдѣлали изъ него точно совсѣмъ другого человѣка; онъ посѣдѣлъ, осунулся, все чаще и чаще задумывался, сталъ какъ-то угрюмъ и мраченъ; желѣзная энергія его какъ-будто пошатнулась; близкія къ нему лица стали замѣчать въ немъ что-то странное...

это время онъ все-таки продолжалъ писать, и въ журналахъ «Женское Образование» и «Дѣтское чтеніе» появлялись время отъ времени его переводныя или компилятивныя работы.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, онъ получилъ мѣсто преподавателя педагогики въ Тверской Учительской Женской семинаріи, устроенной г. Максимовичемъ. Немногіе близкіе къ нему люди порадовались за него, рассчитывая, что вполне обеспеченное положеніе и спокойная дѣятельность по душѣ возстановятъ упадающія силы и ободрятъ духъ покойнаго; но уже было поздно. Въ маѣ 1881 г. пришла вѣсть, что у Резенера открылась душевная болѣзнь, принявшая размѣры до того серьезныя, что больнаго должны были привезти въ Петербургъ и помѣстить въ Удѣльную больницу, гдѣ доктора объявили болѣзнь неизлѣчимою... 25 августа 1881 г. *Θ. Θ. Резенеръ* скончался 56 лѣтъ отъ роду, и 28 августа немногіе близкіе къ нему люди схоронили его на Парголовскомъ кладбищѣ.

Викторъ Острогорскій.

Задачи народной школы.

(Audiatur et altera pars *)).

Увлечение утилитарнымъ взглядомъ на образованіе дошло у насъ въ послѣднее время до большихъ крайностей. Въ прошломъ году на страницахъ «Образованія» было помѣщено нѣсколько статей и замѣтокъ, имѣвшихъ цѣлью предостеречь людей, слишкомъ сильно увлекающихся ремесленнымъ образованіемъ, и, между прочимъ, говорилось и о томъ неправильномъ взглядѣ на *начальную*, народную школу, который видитъ въ ней средство къ развитію среди крестьянъ улучшенной полевой культуры, кустарныхъ производствъ и т. д. Но даже и противники такого утилитарнаго воззрѣнія на народныя школы, какъ, напр., авторъ статьи «Что можетъ и должна дать начальная школа?» г. Александровъ, признаютъ полезнымъ и желательнымъ надѣленіе школъ землею и устройство при нихъ садовъ и питомниковъ. Объ этой землѣ, огородничествѣ и садоводствѣ въ сельскихъ школахъ вообще и говорится и пишется теперь очень много, а нѣкоторыя земства уже начинаютъ переходить отъ словъ къ дѣлу и устраиваютъ курсы садоводства для учителей. При этомъ, обыкновенно рисуется такая заманчивая картина: учитель, самъ, можетъ быть, вышедшій изъ крестьянъ, вмѣстѣ съ учениками работаетъ въ школьномъ саду или огородѣ, вскапываетъ грядки, сажаетъ деревья и цвѣты; ученики слѣдятъ за развитіемъ жизни растенія, ихъ руками посаженнаго, научаются любить и цѣнить его и въ награду за труды получаютъ лучшіе экземпляры цвѣтовъ и деревьевъ для пересадки ихъ на свои усадьбы. Работа идетъ весело, трудъ является для нихъ не трудомъ, а удовольствіемъ, деревня начинаетъ обсаживаться плодовыми деревьями, пестрѣтъ цвѣтниками, а знанія по уходу за растеніями, приобретенныя учениками въ школьномъ саду, становятся мало-по-малу при ихъ посредствѣ общимъ достояніемъ. Кромѣ всего этого на школьные сады смотрятъ также, какъ на прекрасное поле для предметныхъ уроковъ, бесѣдъ учителя съ учениками о природѣ и наблюденій надъ нею и ея законами. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, интересуясь народною школою и имѣя возможность, въ качествѣ земскаго дѣятеля по народному образованію, близко познакомиться съ нею, я не могу не удивляться какъ увлеченію утилитарнымъ воззрѣніемъ на нее вообще, такъ и утопіямъ о школьныхъ садахъ въ частности. Буду говорить только о томъ, что знаю,—о школахъ той мѣстности,

*) Вопросъ о задачахъ народной школы такъ важенъ, что мы охотно даемъ мѣсто этой статьѣ, проникнутой знаніемъ дѣла и искренней любовью къ нему, хотя авторъ статьи и противорѣчитъ другимъ мнѣніемъ, высказаннымъ на страницахъ нашего журнала; но вѣдь безъ противорѣчій едва-ли и можно выяснитъ любой сложный вопросъ.

Ред.

въ которой жилъ. Можетъ быть, на югѣ при большей густотѣ и сравнительно лучшемъ развитіи народонаселенія, при ранней веснѣ и тепломъ климатѣ, дѣло представится и въ иномъ видѣ,—не знаю, но въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, въ Великороссіи, возлагать надежды на курсы садоводства и огородничества для учителей и хлопотать о надѣленіи школъ землею, значить, по моему, совершенно не понимать тѣхъ условій, среди которыхъ приходится существовать и дѣйствовать сельской школѣ. Начать съ того, что при той поразительной и удручающей душу массовой безграмотности, которая царитъ въ деревняхъ этой мѣстности, прямое и самое первое и святое назначеніе школы—хоть сколько нибудь уменьшить повальную безграмотность, ежегодно выпуская въ жизнь извѣстное количество грамотныхъ юношей. Къ достиженію этой цѣли она и должна стремиться прежде всего и больше всего, не задаваясь рѣшительно никакими посторонними цѣлями, потому что и эта задача весьма и весьма нелегкая, принимая во вниманіе, изъ какой среды поступаютъ въ нее дѣти и въ какую среду попадаютъ, ее окончивъ. Вспомнимъ при этомъ, что учатся въ народной школѣ ребятишки 8—12 лѣтъ и на 13-мъ году оканчивается ихъ образованіе. Что успѣли они усвоить себѣ въ это время, съ тѣмъ и останутся на всю жизнь, ни о какомъ дальнѣйшемъ образованіи или самообразованіи для большинства изъ нихъ едва-ли можетъ быть и рѣчь. Отнимать, поэтому, у школы время не только на какія либо ремесла, но даже и на садоводство и огородничество, даже допуская, что она можетъ обучить этому своихъ питомцевъ, есть тяжкій и непростительный грѣхъ, который тѣмъ больше, чѣмъ меньше имѣетъ сельскій учитель въ своемъ распоряженіи времени, а имѣетъ онъ его очень мало. Начинаются уроки въ сельской школѣ средней полосы Россіи обыкновенно около 15 Сентября или 1 Октября, а кончаются около 1—15 Апрѣля. Если вычесть изъ этого времени Рождественскія вакаціи, страстную недѣлю и Пасху, масляницу и др. праздники, то учебныхъ дней въ распоряженіи учителя окажется ужасно мало,—такъ мало, что надо еще удивляться, какимъ образомъ достигаютъ многіе изъ нихъ болѣе или менѣе сносныхъ результатовъ. Прибавьте къ этому то повсемѣстно встрѣчающееся явленіе, что оканчиваютъ полный курсъ нашей народной школы и выдерживаютъ экзаменъ на льготу далеко не всѣ ея ученики, а только очень незначительная ихъ часть, тогда какъ остальные ограничиваются двумя и даже однимъ годомъ обученія,—и вы увидите, что даже и 3-хъ лѣтъ (считая годъ отъ Октября до середины Апрѣля) въ распоряженіи сельскаго учителя въ сущности нѣтъ, такъ что ему приходится такъ вести дѣло, чтобы научить читать, писать и считать поступившихъ къ нему мальчиковъ въ 2 короткихъ учебныхъ года. Достигнуть этого съ полудикими мальчиками, ни отцы, ни матери которыхъ неграмотны, которые на первыхъ порахъ не умѣютъ ни слушать, ни думать, ни напрягать и сосредоточивать вниманіе,—вещь болѣе, нежели просто трудная. Но вѣдь этого, если даже допустить, что въ два года сельскій учитель и успѣетъ добиться такихъ результатовъ, слишкомъ мало. Ограничиваться этимъ народная школа не можетъ. Въ эти два года пре-

подающій въ ней долженъ часто совсѣмъ перевоспитать своихъ учениковъ, сообщить имъ полезныя въ нравственномъ, а отчасти въ житейскомъ, практическомъ, смыслѣ новыя понятія, искоренить принесенныя ими въ школу недостатки, хлопотать о томъ, чтобы усвоиваемая ими грамота просвѣтила ихъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, внесла сознаніе въ ихъ совѣсть и душу, облагородила стремленія и интересы, приучила къ труду и возбудила любознательность, пытливость, желаніе узнавать и перенимать новое, приохотила къ книгѣ и внушила уваженіе къ ней. А религиозное воспитаніе, которое непременно и прежде всего должна дать всякая школа?! Развѣ на это, на объясненіе основъ христіанской религіи, изученіе молитвъ, разъясненіе богослуженія, заповѣдей, Евангелія, мало нужно затратить и труда и времени.

О томъ, какъ трудна бываетъ учителю борьба съ тьмою, невѣжествомъ и нравственными уродствами учениковъ, знаетъ всякій, кто наблюдалъ сельскую школу сколько-нибудь близко. Учителя и учительницы, къ которымъ мнѣ приходилось обращаться съ вопросами по этому поводу, сообщили мнѣ много интереснаго, и я не могу удержаться, чтобы не подѣлиться съ читателемъ кое-чѣмъ изъ ихъ простыхъ и безискусственныхъ разсказовъ.

Можно идеализировать нашъ народъ, какъ угодно, можно видѣть въ немъ и носителя всякихъ идеаловъ прошлаго, и непочатой источникъ всякихъ богатствъ будущаго, но кто пожилъ съ нимъ, кто узналъ его не по книгамъ, а въ дѣйствительности, тотъ долженъ признать, что рядомъ съ весьма симпатичными чертами, каковы, напримѣръ, добродушіе, переимчивость, впечатлительность и отзывчивость на все доброе, въ немъ живутъ и крупныя пороки, и такіе ни съ чѣмъ несообразныя дикіе взгляды, передъ которыми совершенно станетъ въ тупикъ современный цивилизованный человѣкъ... Все это, и достоинства и недостатки, общіе своей средѣ, ученикъ приноситъ съ собою въ школу, и изъ всего этого хаоса учителю представляется выработать въ немъ человѣка, снабдить правильными и просвѣтленными воззрѣніями, дать хотя и немногія истинныя понятія объ окружающемъ его мірѣ...

Къ наиболѣе распространеннымъ среди школьниковъ въ первое время ихъ поступленія въ школу, недостаткамъ, по общему отзыву всѣхъ учителей и учительницъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, принадлежатъ ложь и склонность къ воровству. Оба эти свойства русскаго крестьянскаго мальчика заимствованы имъ изъ среды, въ которой онъ родился и росъ до вступленія въ школу, переняты отъ отцовъ и матерей, и составляютъ одно изъ самыхъ печальныхъ явленій нашей деревни. Украсть у большинства крестьянъ вовсе не позоръ, не преступленіе; понятія о чужой собственности у нихъ крайне шатки и не пустили глубокихъ корней въ сознаніе. Результатъ-ли это историческаго прошлаго, можетъ быть, отчасти, и крѣпостнаго права, когда имущество каждаго изъ нихъ было настолько-же собственностью его самаго, какъ и барина, или особаго древне-общиннаго воззрѣнія на вещи, или просто естественное слѣдствіе бѣдности, невѣ-

жества и полного душевнаго мрака, въ которомъ и до сихъ поръ живетъ деревня—не знаю, но это такъ. У русскаго крестьянина нѣтъ даже въ его обиходной рѣчи выраженія «украсть, украсть»; онъ просто говоритъ—«взялъ». Поймалъ хозяинъ такого вора, берущаго у него хомутъ изъ клѣти или кнутъ изъ телѣги, онъ безъ возраженій отдаетъ ихъ, и если тотъ послѣ этого потянетъ его въ судъ, то даже удивляется: «Вѣдь я же отдалъ ему вещи, чего-жъ ему еще надо?» Обыкновенно и жалобы относительно кражъ предъявляются потерпѣвшими въ судъ только въ случаѣ, если украденное не возвращается добровольно. Въ книгахъ этихъ судовъ сплошь и рядомъ приходится читать такія, напримѣръ, записи: «Дѣло по жалобѣ N. N. на M. M. о взысканіи съ него 2 или 3 рублей за взятый самовольно топоръ, котораго не отдаетъ». Если разобратъ въ такомъ дѣлѣ, окажется что топоръ былъ «самовольно взятъ» ночью со двора, на которомъ его забылъ хозяинъ, и не только не отданъ, но взявшій увѣряетъ, что топоръ его, и чужого топора онъ не бралъ, словомъ,—на повѣрку окажется кража, являющаяся для насъ проступкомъ, требующимъ кары закона и возмущающимъ насъ. Поэтому и взгляды родителей на мелкое воровство, къ которому зачастую обнаруживаютъ склонность ихъ дѣти, самые свободные и снисходительные. Нерѣдко, напримѣръ, что мальчикъ, похитивъ въ школѣ что-либо у своего товарища, несетъ эту вещь домой и отдаетъ родителямъ, которые преспокойно ее берутъ и еще хвалятъ его за проворство.

Одна учительница мнѣ рассказывала, какъ однажды ей удалось довести маленькаго вора, укравшаго копейку у другого школьника, до признанія и раскаянія. Онъ съ плачемъ признался ей при всемъ классѣ, что отдалъ эту копейку матери, сказавъ, что нашелъ ее, и обѣщалъ на другой-же день принести въ школу и отдать мальчику, которому она принадлежала. На другой день онъ явился въ классъ опять со слезами и объявилъ, что мать не отдаетъ копейки, хотя онъ объяснилъ ей, откуда она, а за признаніе учительницѣ, обозвала его дуракомъ.

А вотъ еще рассказъ другой учительницы. Пропала книга. Ученики указали, у кого она, и послѣ долгихъ разговоровъ по этому поводу, укравшій былъ доведенъ до признанія и обѣщалъ на другой день принести книгу въ школу. Но вмѣсто него родители прислали на утро съ одноподруженскими школьниками его учебники и дали знать, что онъ больше не будетъ ходить въ школу. Почему? «Да его matka вчера все ругалась, объяснили принесшіе книги школьники, говоритъ: вишь какая учителька законница выискалась, а и книга-то всего 3 копейки стоитъ, да мнѣ не нужда и въ школу его посылать-то; пусть, если такъ, вовсе туда не ходитъ!»

Въ одной школѣ недавно почти на моихъ глазахъ, пропалъ квадратъ. Ученики сами нашли вора, и онъ, опять-таки, въ слезахъ обѣщалъ принести его, но не принесъ. Ученикъ былъ маленькій, «звуконикъ» и на вопросъ учительницы, гдѣ квадратъ, прямо объяснилъ:—«Мамка не даетъ; она говоритъ, что онъ мнѣ дома пригодится». Тогда учительница приказала ему передать матери, чтобы та сама явилась въ школу. Она не пришла, но квадратъ возвратила.

Такихъ фактовъ можно привести изъ жизни нашихъ народныхъ школъ очень много. Родители часто наказываютъ и бьютъ своихъ дѣтей за шалости, чаще всего за порчу какой-либо вещи, такъ сказать, за убытокъ въ семьѣ, но за кражу, за пріобрѣтеніе этимъ путемъ какой-либо вещи или копейки,—не только не взыщутъ съ нихъ, а еще поощряютъ и охотно скроютъ проступокъ. Грустно, но что-же дѣлать, надо признавать истину, какова-бы она ни была. Само собою понятно, что школа должна, сколько можетъ, бороться съ такимъ зломъ, и, дѣйствительно, борется и борется не безъ успѣха,—это доказывается тѣмъ, что случаи кражъ среди учениковъ происходятъ, главнымъ образомъ, въ первый годъ послѣ поступленія, а затѣмъ или прекращаются вовсе, или становятся очень рѣдкимъ явленіемъ.

То-же слѣдуетъ сказать и о лжи. Ложь у русскаго крестьянина, положительно грѣхомъ не считается; солгать даже на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля, подъ присягою, возьмется легко и охотно большая часть изъ нихъ, особенно если это имъ выгодно (т. е. имъ за это заплатили) или надо выручить изъ бѣды сосѣда-односельчанина. Ложь господствуетъ въ первое время послѣ поступленія въ школу и среди учениковъ. Отучить отъ нея удается далеко не всѣмъ учителямъ, и много нужно съ ихъ стороны терпѣнія, любви къ дѣлу и дѣтямъ, чтобы путемъ внушеній, подбора и разъясненій литературныхъ образцовъ и рассказовъ, личнаго примѣра и т. п. искоренить въ нихъ эту изъ жизни и семьи принесенную съ собою привычку.

Рядомъ съ этимъ двумя господствующими въ крестьянской школѣ пороками необходимо упомянуть и о тѣхъ повстинѣ изумительныхъ суевѣрїяхъ, которыми до сихъ поръ полна народная жизнь. Нечего распространяться о вѣрѣ въ домовыхъ, дѣшихъ, русалокъ, колдуновъ и вѣдьмъ, столь крѣпко и повсемѣстно у насъ усвоенной всѣми, что даже преобразованный по закону 12 Іюля Волостной Судъ, состоящій изъ лучшихъ, грамотныхъ и даже до нѣкоторой степени читающихъ (наприм., газету «Сельскій Вѣстникъ») крестьянъ, нерѣдко считаетъ клеветою и присуждаетъ къ наказанію за нее, если кто обзоветъ другого колдуномъ, и угрозою, если разсерженная чѣмъ-либо баба пообѣщаетъ испортить насолившую ей сосѣдку. Все это извѣстно всякому знающему нашу деревню; но и религіозность русскаго крестьянина, та религіозность, о которой такъ много и часто склонны писать и говорить наши интеллигенты извѣстнаго лагеря, полна зачастую до ужаса темныхъ суевѣрїй и, можно сказать, вся сплошь состоитъ изъ смѣшенія истинъ и догматовъ церкви съ совершенно темными и суевѣрными представленіями о тяжелыхъ и легкихъ дняхъ, о Св. Пятницѣ, Аллилуевой женѣ, и т. д., такъ что и самая вѣра въ деревнѣ сводится не къ знанію и исполненію на дѣлѣ христіанскихъ истинъ и нравственныхъ требованій, а къ обрядности, и только къ ней одной исключительно! Помочь ближнему, простить бѣдняку долгъ, котораго онъ не можетъ отдать, видѣть въ женѣ равнаго себѣ человѣка, помнить, что обязанъ престарѣлому отцу или дѣду уваженіемъ и послушаніемъ,—все это явленія весьма и весьма рѣдкія въ современномъ крестьянствѣ. Бракъ —дѣло часто коммерческое, ложь на судѣ подъ присягой... брошен-

ные на произволь судьбы жена съ ребятишками и старики отецъ и мать... проживаніе годами въ Питерѣ или Москвѣ, не высылая оттуда ни копѣйки своей семьѣ, дѣтямъ, старикамъ... побои, нанесенные по уговору нѣсколькими лицами, трезвому и честному односельцу, показавшему правду на судѣ и т. д. и т. д. Вотъ съ чѣмъ приходится сталкиваться, вотъ что приходится видѣть и слышать на каждомъ шагѣ, живя въ деревнѣ нашей мѣстности!

Но посты при этомъ соблюдаются строго, свѣчи ставятся въ церкви излюбленнымъ Святымъ, покровителямъ деревни, исправно, а при входѣ въ комнату, хотя-бы для кражи, кладется низкій поклонъ передъ образомъ. И тутъ прійти на помощь въ лицѣ какъ священноучителя, такъ и учителя грамоты, можетъ и должна опять-таки школа. Только въ ней услышать будущій крестьянинъ опроверженіе своихъ дикихъ взглядовъ изъ компетентныхъ устъ сельскаго батюшки, или вычитаетъ его въ книжкѣ для чтенія. Только онѣ,—эта школа и эта книга,—помогаютъ ему понять истинный смыслъ и значеніе молитвы, нравственной жизни, добрыхъ дѣлъ. Только школа и книга могутъ образовывать изъ него христіанина не по имени, а и въ дѣйствительности.

Но нельзя съ горечью не признать, что всѣ добрые результаты, которыхъ удается достигать сельской школѣ въ нравственномъ отношеніи, часто также скоро стираются потомъ жизнью, въ водоворотъ которой попадаютъ ея ученики послѣ ея окончанія, какъ скоро и мимолетно проходятъ для нихъ эти одинъ или два,—а много три—года ученья... Часто, слишкомъ часто, по рассказамъ учителей и учительницъ, бывають въ деревнѣ, гдѣ уже давно существуетъ школа, рецидивы воровства и явно, завѣдомою жи среди бывшихъ учениковъ ея, какъ часты бывають среди нихъ и рецидивы безграмотности. Среда, въ которой приходится этимъ дѣтямъ, выносящимъ изъ школы кое какіе добрые навыки, кое какое сбивчивое и смутное, но все-же болѣе или менѣе усвоенное нравственное чутье, жить и дѣйствовать,—не только не способствуетъ развитію и закрѣпленію въ нихъ всего этого, но даже прямо относится къ нему со своей житейской, практической точки зрѣнія отрицательно, и всѣмъ: и ходячею моралью своей, и примѣромъ стремится вытравить изъ нихъ все вынесенное изъ школы и мало-по-малу вытравляетъ, а продолжать учиться, читать—негдѣ и нечего.

Здѣсь-же будетъ уместно указать и на частые рецидивы безграмотности, о которыхъ только-что я упомянулъ. Они, эти на каждомъ шагѣ встрѣчающіеся случаи такого полнаго возвращенія въ безграмотность, что, видя ихъ, начинаешь сомнѣваться въ какой-бы то ни было пользѣ, приносимой сельскою школою,—лучше и громче всего говорятъ о томъ, какъ плохо она у насъ поставлена, и какъ трудно учителю въ ней справиться въ незначительное имѣющееся въ его распоряженіи время, даже съ первою и самою главною своею задачею—научить письму и счету. Если намъ слѣдуетъ въ виду только что изложеннаго, хлопотать о чемъ-либо, такъ это, во-первыхъ, объ увеличеніи числа школъ, а, во-вторыхъ, объ упорядоченіи и совершенствованіи школьнаго дѣла именно въ отношеніи того развиваю-

щаго и гуманизирующаго ихъ вліянія на народъ, которое онѣ хотя имѣютъ отчасти и теперь, но еще далеко не въ достаточной степени. Свѣту, какъ можно больше свѣту должна вносить школа въ крестьянскую среду, и все, что сколько нибудь мѣшаетъ этому ея назначенію, усложняетъ эту задачу, все должно быть пока, до времени, отложено и отодвинуто на второй планъ! Не навязывать школѣ новыя задачи и цѣли въ видѣ обученія садоводству или ремесламъ, а увеличить ея средства для вліянія на нравственный и умственный ростъ деревни, увеличить всѣми способами—и расширеніемъ учебной программы, и снабженіемъ книгами, и устройствомъ при ней популярныхъ бесѣдъ и чтеній—вотъ въ чемъ ощущается, по крайней мѣрѣ у насъ, насущная и кричащая о себѣ потребность!!

Это съ одной стороны, со стороны, такъ сказать, принципиальной, вытекающей изъ положенія современной сельской школы и деревни съ присущими ей нравственными свойствами.

Но возьмемъ теперь и другую сторону вопроса, сторону чисто практическую. Смѣю увѣрить гг. учителей курсовъ садоводства для учителей и учительницъ, что съ этой стороны въ нашей (опять таки повторяю это) мѣстности ничего изъ всѣхъ этихъ затѣй полезнаго и хорошаго не выйдетъ и выйти не можетъ. Прежде всего, въ огородѣ можно у насъ начинать работу лишь со середины Мая, т. е. тогда, когда занятія въ школѣ уже прекратились, и ученики почти всѣ заняты дома: кто полевою работою, помогая отцу, кто въ пастухахъ. Позвольте узнать, кто-же изъ нихъ броситъ свою ниву или покосъ и станеть тратить рабочее время (на столько у насъ дорогое, что иной разъ при всей бѣдности населенія нельзя лѣтомъ найти подростка-поденщика за хорошую плату), на выращиваніе цвѣтовъ или уходъ за яблонями, которые, кстати сказать, при нашихъ условіяхъ климата и почвы, зачастую вымерзнуть, не успѣвъ расцвѣсти или окрѣпнуть? Какой крестьянинъ позволитъ своему сыну, трудами котораго онъ привыкъ пользоваться все лѣто, вмѣсто этого, идти въ школу и работать тамъ надъ цвѣтникомъ или яблоней?! Хороши цвѣты, кто говоритъ, хорошо имѣть въ своемъ саду и яблони, но у насъ при каторжномъ трудѣ землепашца на своей десятинѣ втеченіе всего лѣта, въ будни и даже праздники, не хватаетъ иной разъ хлѣба до ноября, и нужно его покупать. Прибавьте къ этому, что дѣти и бабы часто являются у насъ именно главными работниками въ полѣ втеченіи всей весны, такъ какъ взрослые крестьяне уходятъ въ это время на заработки. Прибавьте къ этому, что нерѣдко и изъ школы, зимой, родители берутъ у насъ своихъ дѣтей ради какой-либо представившейся имъ работы, что большинство, какъ только они научатся кое-какъ читать и писать, тотчасъ-же перестаетъ посылать ихъ въ школу, стремясь какъ можно ранѣе утилизировать ихъ силы въ домашнемъ хозяйствѣ, и даже льгота по военной повинности является въ этомъ случаѣ недостаточно сильной приманкой! Прибавьте, наконецъ, что и учитель у насъ получаетъ, обыкновенно, такое жалкое вознагражденіе за свой трудъ, что постоянно стремится такъ или иначе воспользоваться лѣтними вакаціями въ свою пользу и заработать въ это

время лишней-десятокъ рублей, то въ роли домашняго учителя у сосѣда-помѣщика, то въ роли приказчика у богача-лѣсопромышленника, то, наконецъ, въ своей семьѣ, принимая участіе въ общемъ хозяйствѣ своего отца-дьякона или причетника сосѣдняго села. Но допустимъ, что учителя найдутъ для себя выгоднымъ имѣть землю при школѣ и разводить на ней садъ и огородъ руками учениковъ въ свою пользу. Допустимъ невозможное: допустимъ, что и ученики найдутъ время работать всю весну и лѣто, а отцы ихъ, прельстясь яблонями, которыя имъ позволяютъ пересадить на свою усадьбу, позволятъ имъ это. Мыѣ представляется, что и тутъ при современномъ строѣ нашей деревенской жизни, ея возрѣніяхъ на вещи и общинныхъ отношеніяхъ, проникающихъ собою всѣ мельчайшія ея отправления, та доля пользы, которая отъ этого получится, не окупитъ собою тѣхъ опасностей и вовсе нежелательныхъ осложненій, къ какимъ все это можетъ привести. Одного сада и огорода при школѣ будетъ мало; чтобы удобрять его, нуженъ поземъ, а чтобы добыть этотъ поземъ (котораго у насъ не продадутъ ни за какія деньги), нужна солома, т. е. для собственныхъ школьныхъ запасекъ, нуженъ и скоть. И вотъ учитель, нынѣ совершенно свободный отъ всякихъ хозяйственныхъ заботъ и дразгъ, и потому стоящій среди крестьянъ довольно независимо, окажется въ положеніи, на которое такъ горько пороку жалуются лучшіе изъ сельскихъ священниковъ. Онъ станетъ землевладѣльцемъ, не достаточно богатымъ для того, чтобы обрабатывать свою землю батрачнымъ трудомъ, и не достаточно сильнымъ и способнымъ къ обработкѣ ея собственными, лично своими силами. Надо видѣть, какъ тяжело дается у насъ эта обработка даже такому привычному человѣку, какъ крестьянинъ, чтобы понять, что интеллигентный человѣкъ, (а такимъ безспорно является всякій сельской учитель, проведшій нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ городѣ, за книгами и письмомъ), не въ силахъ взять ее на себя, даже если-бы это и представляло для него извѣстныя выгоды: онъ всегда предпочтетъ другое занятіе, другой заработокъ, не требующій отъ него такого полнаго напряженія всѣхъ его физическихъ силъ. Священники и даже дьячки и пономари никогда не обрабатываютъ свою землю сами, изрѣдка только принимая личнымъ трудомъ участіе въ покосѣ и греблѣ сѣна, а они въ массѣ болѣе привыкли къ землѣ, чѣмъ большинство сельскихъ учителей. Не говорю тутъ ничего объ учительницахъ, такъ какъ личный трудъ въ полѣ для нихъ уже, конечно, немыслимъ.

И такъ, что-же остается дѣлать учителю, котораго школьная земля заставитъ волей-неволей думать о себѣ и заботиться о ея обработкѣ? Останется ему одно изъ двухъ: или отдавать эту землю въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ изъ половины прироста, какъ это дѣлаетъ у насъ духовенство и всѣ небогатые мелкопомѣстные владѣльцы земли, или-же перебиваться кое-какъ при помощи одного работника или работницы и такъ называемыхъ *толокъ* (иначе *помочь*); къ этому средству опять таки, прибѣгаютъ въ мѣстности, о которой я говорю, какъ мелкопомѣстные владѣльцы, такъ и священники, хотя многимъ изъ нихъ оно и претитъ нравственно.

Толока, или помочь, состоитъ въ томъ, что владѣлецъ земли идетъ самъ или посылаетъ кого-либо кланяться и просить по деревнямъ прійти въ праздникъ поработать у него. И вотъ собираются къ нему крестьяне изъ двухъ-трехъ сосѣднихъ деревень, какъ-бы въ гости: они работаютъ, что нужно, цѣлый день и работаютъ обыкновенно отлично, добросовѣстно, лучше, чѣмъ за деньги, а вечеромъ послѣ работъ хозяинъ угощаетъ ихъ рыбой, пирогами и водкой. Водка играетъ тутъ главную и первостепенную роль, и если-бы вы вздумали созвать толоку, не пообѣщавъ угостить водкой, къ вамъ никто не пришель-бы. За общимъ столомъ, за трапезой и ѣдой, пьется охотно, пьется легко и много, пьютъ при этомъ даже и тѣ, кто не пьетъ обыкновенно, пьютъ женщины и подростки. А на другой день голова болитъ, на работу идти трудно, нужно опохмѣляться и ужъ, конечно, на свой собственный счетъ.

Удобно-ли, хорошо-ли, полезно-ли учителю являться амфитріономъ на такой толокѣ?

Сошлюсь опять-таки на учителей и учительницъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить по этому поводу.

Многіе изъ нихъ на вопросъ, желали-бы они или нѣтъ, чтобы ихъ школа была надѣлена землею, сразу, не сообразивъ дѣла, отвѣчали, что очень желали-бы, но когда затѣмъ рѣчь заходила о необходимости для нихъ въ такомъ случаѣ вести полевое хозяйство, то большинство совершенно отказывалось отъ своего первоначальнаго мнѣнія и прямо заявляли, что лучше отказаться и отъ удовольствія имѣть при школѣ садъ и огородъ, и отъ выгодъ, которыя дастъ имъ возможность имѣть свою корову, свою муку и проч., чѣмъ становиться въ ложныя отношенія къ своимъ сосѣдямъ-крестьянамъ, безъ помощи и содѣйствія которыхъ имъ не обойтись, и съ которыми имъ неизбежно придется въ такомъ случаѣ столкнуться въ такихъ вопросахъ, отъ которыхъ теперь, при современномъ положеніи дѣла, они совершенно стоятъ особнякомъ и вдали; таковы, напримѣръ, вопросъ о межахъ и нарушеніи владѣній, о потравахъ, о цѣнахъ на рабочія руки и продукты земледѣлія, о работѣ въ праздничные и табельные дни и т. д. Повторяю, все это давно извѣдано на практикѣ нашимъ сельскимъ духовенствомъ, и прежде, чѣмъ хлопотать о надѣленіи школъ землею, не лучше-ли спросить у него, довольно-ли оно своимъ положеніемъ и не согласилось-ли-бы лучше не имѣть земли вовсе, замѣнивъ ее даже половиннымъ противъ получаемого съ нея дохода жалованьемъ, которое дало-бы ему возможность быть въ глазахъ своихъ прихожанъ только пастырями церкви и наставниками, а не нанимателями, контрагентами, истцами и отвѣтчиками на судѣ, не устроителями толокъ и хозяевами, нуждающимися въ помощи своихъ прихожанъ-сосѣдей?! Пусть-же, если ужъ духовенство наше въ силу исторически сложившихся причинъ, поставлено въ деревнѣ не такъ, какъ того требуетъ его прямое назначеніе и родъ дѣятельности, пусть хотя сельскіе учителя и учительницы остаются для деревни, въ которой работаютъ только учителями и ничѣмъ больше. Пусть они будутъ хотя сколько-нибудь свободны, и являются среди деревенскихъ дразгъ,

ссоръ изъ-за земли и нескончаемыхъ судовъ и споровъ тѣмъ элементомъ, который стоитъ внѣ всего этого и не замѣшанъ ни въ судахъ, ни въ угощеніяхъ виномъ. Пусть ихъ слово противъ своекорыстія, ябедничества, пьянства, раздающееся въ классѣ и, быть можетъ, все-же достигающее иной разъ до сердецъ ихъ юныхъ слушателей, никогда и ни въ чемъ, по крайней мѣрѣ, на глазахъ этихъ слушателей—не расходится съ дѣломъ!

Вотъ въ краткихъ словахъ сущность того, что мнѣ хотѣлось высказать по поводу современныхъ заботъ о переустройствѣ сельской школы и надеждъ, высказываемыхъ въ печати, на обученіе учителей садоводству и огородничеству. Еще разъ говорю, я имѣю въ виду мѣстность, которую знаю и въ которой жилъ. Быть можетъ въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго и столь разнообразнаго по природѣ и быту отечества—все это совсѣмъ иначе, и школьные сады имѣютъ тамъ будущность, но разсуждая о нихъ, принимаясь затрачивать деньги на курсы садоводства или ремеслъ,—не слѣдуетъ упускать изъ виду и такихъ мѣстностей, какъ та, о которой я говорю, и какихъ у насъ очень и очень много. Ни школу, ни учителей ея сады и огороды въ этихъ мѣстностяхъ не спасутъ, а принесутъ несомнѣнный вредъ и ей, и имъ. Не въ культурѣ яблонь и цвѣтовъ нуждается у насъ народъ, а въ культурѣ умовъ и сердецъ главнымъ образомъ; не сады нужны ему, а свѣтъ знанія и правильныя религіозныя понятія, не физическій трудъ въ школьномъ огородѣ, а книжки и разумная работа надъ ними въ школѣ и послѣ школы, не учителя-садоводы, а учителя—развитые, преданные своему дѣлу педагоги, нравственные руководители и борцы съ невѣжествомъ и мракомъ—при помощи слова и дѣла; не курсы садоводства нужны поэтому и имъ, этимъ учителямъ, а хорошая подготовка въ смыслѣ общаго образованія, сѣзды, учительскія библіотеки, которыя давали-бы имъ возможность продолжать свое образованіе уже на службѣ, и не только не забывать того, чему ихъ учили въ семинаріяхъ, какъ это часто случается, а приобретать еще новыя свѣдѣнія, познанія и умственное развитіе. Остальное, какъ говоритъ писаніе, «приложится»,—и будутъ современемъ у насъ и садоводы и огородники, и учителя этихъ отраслей сельскаго хозяйства, и опытные поля, и сады при школахъ, и явится все это само собою послѣ того, какъ народная школа, улучшенная и расширенная, сравнительно съ теперешнимъ ея положеніемъ, сдѣлаетъ свое дѣло и и разольетъ въ массѣ народа тотъ свѣтъ, который она должна внести и въ нее. Но пока... пока она еще слишкомъ мало успѣла внести этого свѣта, пока она еще не совершила десятой доли этого главнаго своего дѣла, и стремленіе сдѣлать изъ нея школу садоводства—есть прежде всего стремленіе крайне опасное, предостеречь отъ увлеченія которымъ долгъ всякаго, кто желаетъ добра народной школѣ и ея задачамъ, кто хочетъ видѣть дѣйствительный восходъ надъ нашимъ отечествомъ той зари просвѣщенной свободы, о которой съ томительнымъ нетерпѣніемъ мечталъ еще Пушкинъ.

Вл. Куницкій.

Этюды по философiи наукъ.

ГЛАВА I.

Наука и авторитетъ. Прогрессъ наукъ *).

13. «Въ предметахъ, подобныхъ исторiи, географiи, юриспруденци, языкамъ и, особенно, богословiю, изученiе которыхъ сводится къ изученiю авторовъ, точно также, какъ и въ предметахъ, основу которыхъ составляетъ простой фактъ, или какое-либо божественное или человѣческое установленiе, приходится, по необходимости, основываться на книгахъ, такъ какъ въ нихъ заключается все, что только можно узнать по этимъ предметамъ. Ясно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, книги доставятъ полное знанiе и, къ сказанному въ нихъ, уже нельзя дѣлать никакихъ собственныхъ добавленiй. Пусть требуется, на примѣръ, узнать, кто былъ первый французскiй король, черезъ какую точку земнаго шара проводятъ географы первый меридiанъ, какiя слова наиболѣе употребляются въ томъ или другомъ мертвомъ языкѣ и т. п. единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно все это узнать являются книги. И можно-ли прибавить что нибудь новое къ тому, что мы изъ нихъ узнаемъ, если вся задача наша именно и сводится къ изученiю содержанiя этихъ книгъ? Всѣ вопросы подобнаго рода разрѣшаются авторитетомъ. Сила авторитета всего болѣе проявляется въ области богословiя. Здѣсь онъ неразрывно связанъ съ самой истиной, познаваемой только черезъ его посредство, такъ что для совершеннаго убѣжденiя въ предметахъ, недоступныхъ человѣческому разуму, достаточно указать ихъ въ Священномъ Писанiи, потому что они выше природы и разума; умъ человѣческiй слишкомъ слабъ, чтобы постигнуть ихъ собственными усилiями; онъ можетъ вознестись къ этимъ высокимъ идеямъ не иначе, какъ всемогущей и сверхъестественной силой.

«Совершенно иначе должно относиться къ предметамъ, подлежащимъ чувствамъ и умозрѣнiю. Тутъ авторитетъ теряетъ значенiе и единственнымъ судьей является разумъ. Области авторитета и разума строго разграничены: въ одной всѣ права имѣетъ первый, въ другой нераздѣльно царитъ послѣднiй. Такъ какъ, по мѣрѣ дѣятельности разума, и предметы, подпадающiе ему, раскрываются намъ все болѣе и болѣе, то дѣятельность эта можетъ развиваться съ полнѣйшею свободой: неистощимая плодотворность разума является источникомъ непрестаннаго его творчества, и открытiя его слѣдуютъ одно

*) Окончанiе 1-ой главы. См. № 2 «Образованiя».

за другимъ непрерывно и безконечно. Вотъ почему геометрія, ариѳметика, музыка, физика, медицина, зодчество и всѣ вообще науки, подвластныя разуму, должны постоянно развиваться и стремиться къ совершенству. Древніе признали ихъ отъ своихъ предшественниковъ въ зачаточномъ состояніи. Мы передаемъ ихъ потомству въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ получили сами.

«Нельзя не удивляться господствующему у насъ благоговѣнію передъ авторитетомъ древнихъ. Противорѣчіе имъ возводится въ преступленіе, а всякое добавленіе къ нимъ считается недозволительнымъ посягательствомъ, какъ будто постъ нихъ уже не осталось истинъ еще неоткрытыхъ. Но развѣ подобное поклоненіе авторитету не унижаетъ человѣческаго разума, не низводитъ его на степень низшаго инстинкта, не уничтожаетъ главнѣйшаго различія между ними, состоящаго въ томъ, что разумъ постоянно достигаетъ все большихъ и большихъ результатовъ; дѣятельность же инстинкта остается неизмѣнною. За тысячу лѣтъ назадъ пчелиные ульи были такъ-же правильно размѣрены, какъ и нынѣ, и каждая ячейка была тѣмъ-же шестиугольникомъ, какъ и теперь. То-же самое можно сказать относительно всего, что производятъ животныя, подъ вліяніемъ таинственной силы инстинкта. Природа учитъ ихъ по мѣрѣ ихъ нуждъ, и, когда нужды минуютъ, то и все знаніе ихъ утрачивается. Получая знаніе безъ усилія, животныя въ то-же время лишены счастья ихъ сохранять, такъ что всякій разъ эти знанія являются для нихъ новыми. Совсѣмъ не такова участь человѣка, созданнаго для безконечности. Съ возрастомъ онъ постоянно пріобрѣтаетъ знанія; онъ пользуется не только личнымъ опытомъ своихъ предшественниковъ; онъ сохраняетъ всѣ пріобрѣтенныя имъ самимъ знанія, а знанія древнихъ всегда для него открыты въ книгахъ, оставленныхъ ими. Сохраняя-же свои знанія, онъ легко можетъ увеличивать ихъ запасъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время люди какъ-бы находятся въ томъ-же положеніи, въ какомъ оказались-бы древніе философы, если-бы они продолжали жить до нашихъ дней, накопляя знанія въ теченіи всѣхъ истекшихъ вѣковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ силу дарованнаго людямъ особаго преимущества, не только каждый отдѣльный человѣкъ, постоянно изо дня въ день, идетъ впередъ въ наукѣ, но и все челоѳчество, по мѣрѣ того, какъ старѣетъ міръ, непрерывно прогрессируетъ въ томъ-же направленіи, потому что оно проходитъ черезъ тѣ же фазисы развитія, какъ и каждый отдѣльный индивидуумъ. Такимъ образомъ, длинный рядъ поколѣній людей, смѣнявшихся въ теченіи всѣхъ протекшихъ вѣковъ, можно разсматривать, какъ одного человѣка, постоянно живущаго и непрестанно накопляющаго знанія» *).

14. Не смотря на все краснорѣчіе знаменитой страницы Паскаля о прогрессѣ наукъ, трудно допустить, безъ ограниченій, принимаемую имъ фатальную непрерывность въ ростѣ нашихъ знаній. Отдѣльный человѣкъ, если только онъ не подвергался какимъ-нибудь особеннымъ психологическимъ болѣзнямъ, дѣйствительно, сохраняетъ усвоенныя имъ знанія. Въ жизни же челоѳчества, напротивъ того, бываютъ колебанія: періоды расцвѣта знаній смѣняются ихъ упадкомъ, слу-

*) Blaise Pascal (1623—1662). «De l'Autorité en matiere de philosophie», article premier des «Pensées.»

чаются даже возвраты варварства и цѣлыя цивилизаціи исчезаютъ, какъ рисунки, оставленныя дѣтми на прибрежномъ пескѣ, смываемые волною морскаго прилива. Свобода слова и печати, повсемѣстное распространеніе наукъ, предельность новыхъ, быстро смѣняющихся другъ друга изобрѣтеній и открытій, скрываютъ отъ насъ эту истину. Въ наше время многіе вѣрятъ въ прогрессъ, какъ во времена Жанъ-Жака Руссо вѣрили въ Природу. Но многіе-ли останавливаются на мысли о томъ, до какой степени прогрессъ этотъ непостояненъ, подверженъ случайностямъ, съ какимъ трудомъ онъ завоевывается и сохраняется? Безъ сомнѣнія, Вольтеръ не ошибался, когда писалъ пронынутые вѣроу слова: «*La raison finira toujours pas avoir raison*» *).

Но если добро и истина всегда въ концѣ концовъ торжествуютъ, то только благодаря непрерывнымъ усиліямъ героевъ и мыслителей, — мучениковъ долга и науки. Если-бы люди перестали страстно искать истины въ надеждѣ, что ихъ знанія стали-бы развиваться сами собой, подъ вліяніемъ роковаго закона прогресса, они неизбѣжно оцѣпенѣли бы въ умственномъ застоѣ, примѣромъ котораго можетъ служить Китай, и чувствовали бы себя счастливыми, вполне удовлетворяясь сохраненіемъ той малой доли знаній, которою они уже обладаютъ. Зло и невѣжество всегда на стражѣ, всегда противодѣйствуютъ чело-вѣку и готовы вновь завладѣть имъ при малѣйшемъ проявленіи слабости. Благодаря исторической недавности, мы всё хорошо знаемъ, что представляютъ собою средніе вѣка. А сколько разъ чело-вѣчеству приходилось переживать подобныя-же и еще болѣе мрачныя періоды? Современные ученые безпрестанно находятъ у древнихъ знанія, открытія которыхъ мы приписываемъ себѣ и которыя, какъ оказывается въ дѣйствительности, нами были только съ трудомъ возстановлены. Пифагоръ училъ о движеніи земли вокругъ солнца и излагалъ систему міра, подобную системѣ Коперника. Черезъ двѣ тысячи лѣтъ та-же теорія была признана еретической, и Галилей публичнымъ покаяніемъ долженъ былъ искупить ея защиту. Цѣлыя цивилизаціи возникали, рушились и вновь возрождались, и эти періоды свѣта опять смѣнялись тьмой. *Sicut regionum, говоритъ Бэконъ, ita temporum sunt egerie et vastitates и время, подобно пространству, имѣетъ свои пустыни.* Быть можетъ, чело-вѣчество неразъ овладѣвало сокровищемъ знаній и снова утрачивало его. У всѣхъ народовъ сохранились сказанія о древнемъ раѣ, о золотомъ вѣкѣ, объ откровеніи: не отголоски ли это прежней, доисторической цивилизаціи и науки, которыя исчезли при какомъ нибудь физическомъ или нравственномъ катаклизмѣ?**) Подобныя размышленія способны поколебать слѣпую вѣру въ роковую неизбѣжность и несокрушимость прогресса. Наши современники, вслѣдъ за греческимъ историкомъ, охотно повторяютъ относительно своихъ знаній. Но это можетъ быть вѣрно только тогда, когда люди мысли и науки съ неутомимою дѣятельностью поддерживаютъ священный

*) Разумъ непремѣнно восторжествуетъ.

**) Cf. Bailly, *Astronomie et Lettres à M. de Voltaire sur le progrès des sciences.*

огонь на своемъ алтарѣ. Безъ этого, кто можетъ поручиться, что онъ не будетъ разрушенъ?

15. Мы имѣемъ, однако-же основаніе ожидать лучшей участи. Дж. В. Гершель въ послѣдней главѣ своей *Естественной Философіи* слѣдующимъ образомъ объясняетъ, въ чемъ состоятъ причины современнаго развитія наукъ, сила ихъ методовъ и тѣ способы, посредствомъ которыхъ, благодаря успѣхамъ общественности, распространяются науки, посредствомъ которыхъ, если не вполнѣ, то, все-же по крайней мѣрѣ, увеличивается ихъ долговѣчность.

«Медленные успѣхи физическихъ наукъ до конца XVI столѣтія представляють чрезвычайно рѣзкую противоположность съ послѣдовавшимъ за тѣмъ быстрымъ ихъ развитіемъ. Въ первомъ изъ этихъ періодовъ мы встрѣчаемъ только самыя незначительныя научныя открытія, слѣдующія другъ за другомъ черезъ долгіе промежутки времени; при томъ открытія эти встрѣчали полное равнодушіе и предавались забвенію или же, самое большее, принимались какъ литературные курьезы, а не какъ вещи, имѣвшія серьезный интересъ и дѣйствительную цѣну; и только вѣками появлялись великіе умы, возвышавшіеся до пониманія ихъ важности и значенія. Но при отсутствіи руководящей нити въ изслѣдованіяхъ, при неумѣнн ставитъ для нихъ точныя цѣли и цѣнить преимущество систематической, проникнутой внутреннимъ единствомъ научной работы и, въ особенности, вслѣдствіе апатичнаго отношенія общества ко всему, не имѣвшему непосредственнаго примѣненія къ практикѣ жизни, рѣдкія, случайныя попытки изслѣдователей природы пропадали и не могли дать наукѣ энергическаго импульса, способнаго вывести ее на твердый и правильный путь. Въ тому-же, наука сосредоточивалась на предметахъ очень мало доступныхъ обыкновеннымъ умамъ. Эффектныя явленія землетрясеній, кометъ, огненныхъ метеоровъ привлекали, какъ и теперь, всеобщее вниманіе, возбуждали суевѣрный страхъ и самыя странныя догадки объ ихъ происхожденіи. Но въ то время не думали, чтобы наука могла заниматься обыкновенными вещами, интересоваться механическими искусствами, спускаться въ рудники, входить въ лабораторіи и мастерскія. Едва ли, однако-же, можно допустить, что безконечно разнообразная природа ничего не раскрыла человѣку. Несравненно вѣроятнѣе, что множество прекрасныхъ наблюденій и точныхъ изслѣдованій погибли до изобрѣтенія книгопечатанія, открывшаго возможность распространять и сохранять идеи и знанія. Но настала, наконецъ, моментъ, когда едва мерцавшая электрическая искра разгорѣлась яркимъ пламенемъ. Каждая счастливая мысль, каждый фактъ, имѣвшій значеніе, стали заботливо сохраняться и накопилось научное сокровище, неожиданно пролившее повсюду яркіе лучи свѣта. Движеніе, данное умамъ, сообщилося изъ одного конца Европы въ другой. Оно было такъ сильно, достигнутые имъ результаты такъ велики и обширны, что превзошли самыя смѣлыя надежды наиболѣе пылкихъ умовъ. Удивительнѣйшія открытія и усовершенствованія быстро послѣдовали другъ за другомъ и не оказалось ни одной отрасли наукъ, которая не участвовала-бы въ этомъ движеніи.

«Одна изъ главнѣйшихъ причинъ такого счастливаго положенія вещей заключается въ громадномъ развитіи богатства и цивилизаціи, создающихъ

досугъ и развивающихъ потребность въ научныхъ изслѣдованіяхъ, которая, прогрессируя постоянно, охватила уже почти всю Европу, и которая, благодаря постоянному и повсемѣстному размноженію вспомогательныхъ ученыхъ учрежденій, вскорѣ охватитъ весь земной шаръ. Очевидно, что именно этому послѣднему обстоятельству, въ соединеніи съ усовершенствованіями въ способахъ наблюденій, съ разнообразіемъ ихъ и съ удобствами въ самомъ ихъ производствѣ, естественныя науки особенно обязаны своими послѣдними успѣхами. Совершенно ясно, что научныя данныя, которыя могутъ быть собраны и болѣе или менѣе отрывочно путешественниками, даже самыми просвѣщенными и дѣтельными, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ наблюденіями, опытами и изслѣдованіями, производимыми на мѣстѣ учеными, въ удобной научной обстановкѣ, не стѣсняемыми ни какимъ срокомъ. По мѣрѣ возрастанія числа людей науки, и распространія поля ихъ ученой дѣятельности по всему земному шару, становится существенно необходимымъ установленіе между ними правильныхъ сношеній. Чрезвычайно важно, чтобы нѣсколько лицъ не тратили силъ на одни и тѣ-же изслѣдованія. Помимо потери времени, это можетъ вызывать между людьми ревность и даже вражду, что всегда влечетъ за собой вредныя послѣдствія. Къ тому же, въ высшей степени важно, и то, чтобы завоеванія и успѣхи науки шли какъ можно быстрѣе.

«Вслѣдъ за повсемѣстнымъ широкимъ развитіемъ разнообразнѣйшихъ ученыхъ учрежденій, ничто, быть можетъ, такъ не способствовало прогрессу знаній, какъ періодическія научныя журналы. Въ Европѣ нѣтъ страны, гдѣ-бы не выходило нѣсколькихъ подобныхъ изданій, и быстрое ихъ распространеніе даетъ возможность дѣтелямъ всѣхъ странъ слѣдить за всѣми новыми открытіями, опытами и методами. Каждый ученый знаетъ, какимъ вопросомъ занять его собратья, и печатаемое время отъ времени общіе обзоры и отчеты о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ той или другой области науки даютъ возможность слѣдить за тѣмъ, что еще предстоитъ сдѣлать. Такіе періодически появляющіеся обзоры имѣютъ несомнѣнное и очень сильное вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи каждой отдѣльной отрасли наукъ, совершенно независимо отъ ихъ огромнаго значенія въ смыслѣ органовъ распространенія знаній. Наконецъ, что касается систематическихъ, полныхъ трактатовъ по цѣлымъ наукамъ, то польза ихъ для будущаго такъ очевидна, что объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Группируя, упрощая и анализируя какъ можно правильнѣе и яснѣ знанія, полученныя нами отъ нашихъ предшественниковъ, мы даемъ возможность нашимъ послѣдователямъ наилучшимъ образомъ воспользоваться тѣмъ, что завѣщаемъ имъ сами.

16. Какъ ни велики достигнутыя въ послѣднее время усовершенствованія въ выдѣлкѣ научныхъ инструментовъ и въ смыслѣ точности, и въ смыслѣ удобства пользованія ими, тѣмъ не менѣе тѣ отрасли наукъ, которыя основаны, главнымъ образомъ, на математической точности измѣреній, обязаны своими успѣхами, не столько указанному сейчасъ усовершенствованію приборовъ, сколько открытію болѣе точныхъ *методовъ* изслѣдованія. Однимъ изъ множества доказательствъ этому могутъ служить, на примѣръ, крутильные вѣсы, такъ удачно изобрѣтенныя Буломбомъ и Кавендишемъ. Вѣсы эти не только чувствительны къ силѣ, которую никомъ образомъ нельзя

было бы обнаружить на обыкновенныхъ, даже самыхъ чувствительныхъ вѣсахъ, но, что самое важное, они даютъ возможность въ точности измѣрить самыя слабыя ея проявленія.

«Оглядываясь на пройденный путь, мы можемъ сказать, что намъ удалось въ весьма немногихъ только случаяхъ дойти до познанія общихъ законовъ природы, позволяющихъ объяснить ея явленія. Въ еще меньшемъ числѣ случаевъ мы имѣемъ возможность пользоваться въ нашихъ научныхъ изслѣдованіяхъ преимуществами абстрактнаго, математическаго мышленія, столь необходимаго для исчерпывающаго рѣшенія вопросовъ. И такъ, задача науки остается все еще неизмѣримо громадной и природа неизвѣданной. Со времени открытій Ньютона прошло почти два вѣка, въ теченіи которыхъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній разрабатывались съ энергіей и усердіемъ и далеко небезуспѣшно, а между тѣмъ мы остались въ томъ-же положеніи, въ какомъ былъ и Ньютонъ; стоя на берегу громады океана, мы подбираемъ безпрестанно выбрасываемые имъ во множествѣ прекрасныя раковины, но запасъ ихъ никогда не истощается *).

«Это не должно, однако-же, ослаблять нашего мужества, а, напротивъ, должно служить источникомъ новой энергіи. Единственно правильный взглядъ на науку, обеспечивающій дальнѣйшее ея развитіе, тотъ, который видитъ и ищетъ въ ея постоянныхъ успѣхахъ лишь средство для открытія общихъ законовъ и для полученія новыхъ обобщеній высшаго порядка. Не слѣдуетъ забывать, что въ предѣлахъ нашего опыта не было сдѣлано ни одного шага въ смыслѣ обобщенія, который, въ то же время, не велъ бы и къ упрощенію. Только когда мы блуждаемъ въ мелочахъ; увлекаемся суетными и трудными попытками къ достиженію практическихъ примѣненій, при чемъ разумъ уже перестаетъ быть нашимъ руководителемъ, природа представляется намъ темной и сложной. Но, лишь только намъ удастся подняться на такую возвышенную точку зрѣнія, которая позволяетъ охватывать въ цѣломъ, хотя бы малѣйшую ея часть, мы поражаемся ея простотой и испытываемъ нравственное удовлетвореніе, доставляемое только истиной» **).

*) Это сравненіе принадлежитъ самому Ньютону.

) J. W. Herschel, *Discours sur la philosophie naturelle*, III. 6. Trad. par. В*.—Баронета Джона Гершеля (1792—1871), президента Лондонскаго Королевскаго Общества, не слѣдуетъ смѣшивать съ его отцемъ, Вильямомъ Гершелемъ (1738—1822), знаменитымъ астрономъ, открывшимъ планету Уранъ.

Новыя педагогическія движенія на Западѣ.

Подготовленіе преподавателей гимназій въ Германіи.

Въ 1892 году среднее образованіе въ Пруссіи подверглось коренной реформѣ, съ которой читатели «Образованія» уже знакомы *). Въ связи съ этой реформой находится другая, очень важная и интересная, касающаяся подготовкы учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Вопросъ о необходимости этой подготовкы очень часто поднимался въ педагогическомъ мірѣ за послѣднее время. И у насъ, а еще болѣе на западѣ и въ Америкѣ, все чаще и чаще высказывались мнѣнія, что для учителей среднихъ учебныхъ заведеній недостаточно того научнаго образованія, которое они получаютъ въ университетахъ; что, кромѣ общей научной подготовкы, будущіе преподаватели должны получить еще спеціальную—педагогическую. Мнѣнія эти мало по малу выросли въ опредѣленные убѣжденія. Послѣдній разъ вопросъ этотъ обсуждался на всемірномъ педагогическомъ конгрессѣ въ Чикаго, рѣшенія котораго разсѣяли послѣдніе остатки сомнѣній и недоразумѣній по этому поводу.

Рѣчь можетъ быть лишь о томъ, какъ выполнить эту серьезную задачу наилучшимъ образомъ, т. е. какая система подготовкы будущихъ педагоговъ приведетъ къ наиболѣе цѣлесообразнымъ и вѣрнымъ результатамъ.

Учебная реформа 1892 г. въ Пруссіи коснулась весьма многихъ сторонъ средняго образованія. Вполнѣ понятно, что рядомъ съ этимъ возникло требованіе лучшей подготовкы учителей, потому что самые совершенные учебные планы останутся лишь на бумагѣ, если для ихъ выполненія не найдется преподавателей, стоящихъ на высотѣ своего призванія, могущихъ внести въ преподаваніе новую жизнь. Поэтому, еще во время обсужденія реформы средняго образованія, а именно въ 1890 г., были учреждены въ Пруссіи семинаріи новаго типа.

Но раньше, чѣмъ перейти къ нимъ, скажемъ нѣсколько словъ о прежней организаціи подготовкы учителей среднихъ учебныхъ заведеній въ этомъ государствѣ. Большинство преподавателей подготовлялось къ своей профессіи посредствомъ такъ называемаго пробнаго

*) «Образованіе». Февраль 1893.

года (Probejahr), который заключался въ томъ, что молодые люди, окончившіе университетъ и желающіе посвятить себя педагогической дѣятельности, на одинъ годъ прикомандировывались къ какимъ-либо среднимъ учебнымъ заведениямъ, гдѣ имъ давалась возможность работать практически.

Рядомъ съ этимъ способомъ подготовки существовалъ и другой, а именно—будущихъ преподавателей готовили одиннадцать учительскихъ семинарій, которыя были устроены частью при университетахъ, частью отдѣльно. Молодые люди, выбравшіе педагогическую профессію, получали въ этихъ заведенияхъ теоретическую педагогическую подготовку; для практики-же они на время прикомандировывались къ мѣстному среднему учебному заведенію, гдѣ и занимались подъ руководствомъ директора семинаріи и непосредственнымъ надзоромъ директора заведенія. Отъ послѣдняго, главнымъ образомъ, зависѣла оцѣнка пригодности молодыхъ людей для ихъ будущей профессіи. Продолжительность какъ теоретической, такъ и практической подготовки была различна, но ни въ какомъ случаѣ не меньше года.

Еще задолго до реформы 1890 г. многіе педагоги указывали на неудовлетворительность такой постановки дѣла. Въ первомъ способѣ подготовки (Probejahr) было слишкомъ много случайнаго, неопредѣленнаго; все зависѣло, главнымъ образомъ, отъ характера заведенія, личности директора и т. п. Молодые люди, волей или неволей, вполнѣ подчинялись порядкамъ заведенія, не рѣшаясь на какое-бы то ни было критическое къ нимъ отношеніе, потому что оцѣнка практикантовъ, какъ будущихъ педагоговъ, всецѣло зависѣла отъ директора заведенія. Кромѣ того, при этой системѣ будущимъ педагогамъ не давалось никакой теоретической подготовки. Во второмъ способѣ (учительскія семинаріи) дѣлалась крупная ошибка, состоящая въ томъ, что теоретическое обученіе ввѣрялось директору семинаріи, а практическое—директору гимназіи, и, такимъ образомъ, семинаристы очень часто находились подъ вліяніемъ двухъ совершенно различныхъ направленій.

Особенно рѣзко выступилъ вопросъ о неудовлетворительности подготовки къ педагогической дѣятельности въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, когда много, вообще, говорилось о необходимости реформъ средняго образованія. Хотя всѣми одинаково сознавалась потребность лучшей организаціи подготовки учителей гимназій, но далеко не всѣ одинаково смотрѣли на средства къ достиженію этой цѣли. Одни,—теоретики, къ которымъ, главнымъ образомъ, принадлежали профессора университетовъ, требовали, чтобы существовали совершенно самостоятельныя учительскія семинаріи съ болѣе или менѣе обширнымъ курсомъ и при нихъ среднее учебное заведеніе, предназначенное специально для практическихъ занятій кандидатовъ. Другіе, считавшіе, въ своихъ рядахъ наиболѣе извѣстныхъ педагоговъ практиковъ, требовали лишь развитія и упорядоченія уже существующей организаціи, т. е. настаивали на устройствѣ семинарій при среднихъ учебныхъ заведенияхъ. Прусское правительство совершенно отвергло

предложеніе первыхъ, мотивируя свой отказъ солидными основаніями. Прежде всего оно указало, что устройство среднихъ учебныхъ заведеній при семинаріяхъ специально для практическихъ занятій кандидатовъ весьма затруднительно, если принять во вниманіе, тотъ вредъ, который претерпѣваютъ ученики отъ постоянной переменны преподавателей. Переменная-же эта неизбежна, такъ какъ въ каждой семинаріи соберется болѣе или мѣнѣе значительное число кандидатовъ, и всѣмъ имъ необходимо дать возможность упражняться въ практикѣ преподаванія. А потому трудно предположить, чтобы нашлись родители, желающіе подвергнуть своихъ дѣтей такой системѣ обученія. Вторымъ препятствіемъ для устройства учительскихъ семинарій, какъ самостоятельныхъ учреждений, послужили большія денежные затраты, которыя потребовались бы на ихъ организацію.

Такимъ образомъ оставался только одинъ выходъ: усовершенствовать уже существующую организацію. Для этой цѣли рѣшили объединить въ одну систему оба прежніе способа подготовки въ надеждѣ, что они дополняютъ другъ друга и тѣмъ самымъ исправятъ свои недостатки. Въ силу этого рѣшенія министерство народнаго просвѣщенія выработало проектъ этого объединенія, который и былъ утвержденъ въ 1890 г.

По новому положенію подготовка молодыхъ людей къ педагогическому поприщу продолжается два года. При этомъ къ пробному практическому году прибавляется еще предварительный годъ теоретическаго обученія въ семинаріи, чтобы такимъ образомъ вооружить будущихъ преподавателей, какъ теоретической, такъ и практической *зрудницею* въ области воспитанія и преподаванія. Семинаріи не представляютъ собою отдѣльныхъ учреждений, но устроены при гимназіяхъ слѣдующимъ образомъ. Кандидаты, среднимъ числомъ по шести, прикомандировываются къ тѣмъ изъ существующихъ гимназій, которыя болѣе или менѣе извѣстны компетентностью своихъ директоровъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Первый годъ эти кандидаты, по выработанному систематическому плану, знакомятся съ теоретической стороною своихъ будущихъ обязанностей: изучаютъ педагогику, дидактику, методику, посѣщаютъ образцовые уроки и проч. Второй годъ,—чисто практической, имѣющій цѣлью дать семинаристамъ возможность приобрести навыкъ въ преподаваніи. Такая постановка подготовки будущихъ преподавателей безусловно лучше старой, потому что тотъ-же годъ практическихъ занятій принесетъ кандидату, вооруженному уже необходимыми для его профессіи теоретическими знаніями, гораздо больше пользы, нежели кандидату, неимѣющему никакой теоретической подготовки. Всѣ занятія съ кандидатами какъ теоретическія, такъ и практическія, поручаются директору и двумъ самымъ опытнымъ учителямъ гимназій, которые получаютъ за это незначительное вознагражденіе. Вообще на устройство необходимаго числа семинарій этого рода прусское правительство ассигновало въ годъ 141500 марокъ (43865 р. золот.) Въ 1890 году было открыто 33 такихъ семинарій, всего-же предположено открыть 70.

Образцомъ для нихъ послужила учительская семинарія для пре-

подавателей средних учебных заведений, устроенная в великом герцогстве Гессен-Дармштадтском, в город Гиссен. Поэтому мы и позволим себе остановиться на организации этого интереснаго учреждения. Семинарія устроена при Гиссенской гимназии, которая находится под управлением опытнаго и извѣстнаго педагога-профессора Шиллера, одновременно исполняющаго двѣ должности: профессора педагогики в Гиссенскомъ университетѣ и директора Гиссенской гимназии. Пр. Шиллеръ извѣстенъ и в исторической и в педагогической литературѣ. Онъ написалъ: «Исторію Римской Имперіи» и прекрасное руководство для изученія римскихъ древностей и обогатилъ педагогическую литературу двумя солидными трудами: «Исторіей педагогики» и «Руководствомъ къ практической педагогикѣ». Кроме того, онъ много писалъ о педагогической подготовкѣ преподавателей гимназии, причемъ самымъ замѣчательнымъ его трудомъ по этому вопросу является: «Pädagogische Seminarier für den höheren Lehramt. Geschichte und Erfahrung». Leipzig 1890. Надо сказать, что всѣ труды пр. Шиллера, особенно же педагогическіе, пользуются большою и вполне заслуженною популярностью.

Гиссенская гимназія дѣйствуетъ съ 1876 г. и успѣла уже приготовить до 100 преподавателей средних учебных заведений. Число ея воспитанниковъ колеблется ежегодно отъ 6 до 15: курсъ обученія продолжается отъ одного до полутора года, смотря по способностямъ и успѣхамъ семинаристовъ. Семинарія дѣлится на пять отдѣленій: 1) отдѣленіе классическихъ языковъ, 2) новыхъ языковъ, 3) математики и физики, 4) естественной исторіи и 5) гимнастики. Къ первымъ двумъ присоединяется еще исторія, послѣднее-же обязательно для всѣхъ семинаристовъ. На этихъ отдѣленіяхъ не проходятся науки сами по себѣ, такъ какъ предполагается, что научное образование в достаточной мѣрѣ кандидаты получаютъ в университетѣ, окончаніе котораго требуется для поступленія в семинарію. Приготовляясь же къ профессіи преподавателя средних учебных заведений, семинаристы получаютъ прежде всего общее педагогическое образование и затѣмъ научаются примѣнять знанія, приобретенныя в университетѣ, къ потребностямъ средней школы. Каждое отдѣленіе находится подъ непосредственнымъ руководствомъ опытнаго специалиста, который два часа в недѣлю занимается исключительно методикой своего предмета, понимая ее в очень широкомъ смыслѣ. Напримѣръ, руководитель отдѣленія классическихъ языковъ разсматриваетъ со своими семинаристами руководство по грамматикамъ, указываетъ на самыя трудныя мѣста, на способы ихъ облегченія, разбираетъ затѣмъ авторовъ, выясняя при этомъ ихъ относительное значеніе, ихъ педагогическое вліяніе и т. п.

Но, собственно говоря, центр тяжести дѣла заключается не в этихъ специальныхъ занятіяхъ по отдѣленіямъ, а в тѣхъ, которыя обязательны для всѣхъ семинаристовъ вообще. Пр. Шиллеръ придаетъ очень важное значеніе этимъ общимъ занятіямъ и видитъ в нихъ средство для внесенія большаго единства в дѣло преподаванія и воспитанія. Онъ вообще врагъ узкой специализаціи и при-

знаеть необходимымъ, чтобы каждый преподаватель, при совершенномъ знаніи своего предмета, имѣлъ ясное понятіе о всѣхъ другихъ, входящихъ въ программу средней школы. По мнѣнію проф. Шиллера, только при выполнении этого условія учебное заведеніе можетъ представлять нѣчто единое, органически цѣлое, одухотворяемое общими принципами во всѣхъ своихъ частяхъ.

Посмотримъ теперь, въ чемъ заключаются эти общія занятія, обязательныя семинаристамъ всѣхъ отдѣленій. Дѣятельность Гиссенской семинаріи сводится къ выполнению трехъ главныхъ задачъ, изъ которыхъ первая—ознакомленіе кандидатомъ съ теоріей педагогики, дидактики и методики. Для этой цѣли самъ проф. Шиллеръ читаетъ имъ всѣмъ лекціи по исторіи педагогики, психологіи и методики, причемъ за основаніе беретъ свои университетскіе курсы, дополняя ихъ всѣмъ тѣмъ, что вызывается потребностью педагогической профессіи. Прежде всего пр. Шиллеръ посвящаетъ отъ 24 до 30 часовъ на психологію и этику. Повторивъ вкратцѣ все то, что семинаристы знаютъ объ этихъ предметахъ изъ университетскихъ лекцій, профессоръ показываетъ имъ на примѣрахъ, хорошо подобранныхъ, примѣненіе законовъ психологіи и этики къ воспитанію и образованію. Онъ не только читаетъ лекціи, но также много бесѣдуетъ объ этихъ вопросахъ съ семинаристами, и при этомъ старается пріучить молодыхъ людей мотивировать всегда свои мнѣнія, ссылаться на принципы, авторитеты и избѣгать, насколько это можно, выраженій въ родѣ: «по моему», «мнѣ кажется», «я такъ думаю» и т. п.

Отъ психологіи и этики пр. Шиллеръ переходитъ къ задачамъ и теоріямъ умственного и нравственного воспитанія, затрачивая на это 38 часовъ. Тутъ онъ разсматриваетъ подробно, какія обязанности нравственныя, общественныя и индивидуальныя надо развивать въ ребенкѣ; какое значеніе имѣетъ дисциплина въ дѣлѣ нравственного и умственного образованія; выясняетъ затѣмъ цѣль умственного образованія, воспитательное значеніе разныхъ предметовъ, входящихъ въ программу средней школы, основные принципы хорошаго метода преподаванія; разбираетъ, наконецъ, научные методы, каковы: анализъ, синтезъ, дедукція, индукція.

Слѣдующіе восемь часовъ посвящены ознакомленію семинаристовъ съ законодательствомъ, касающимся гимназій, а еще слѣдующіе десять часовъ—школьной гигиенѣ. Тутъ воспитанники семинаріи знакомятся подробно съ условіями правильнаго освѣщенія, отопленія, съ условіями правильной вентиляціи, со школьной обстановкой, удовлетворяющей требованіямъ гигиены, съ наилучшей постановкой домашнихъ работъ и наконецъ, съ физическимъ воспитаніемъ, куда входятъ: гимнастика, прогулки, купанье и проч.

Затѣмъ отъ 104 до 112 часовъ предназначены для специальной методологіи разныхъ предметовъ гимназической программы. Интересно и весьма важно, что на этихъ послѣднихъ урокахъ обязаны присутствовать семинаристы всѣхъ отдѣленій. По мнѣнію Шиллера, ознакомленіе будущихъ преподавателей съ методологіей не только своего предмета, но и всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, дастъ имъ несо-

мнѣнную возможность лучше и плодотворнѣе ориентироваться въ сферѣ ихъ будущей дѣятельности. Прошедшій такую школу преподаватель будетъ имѣть въ виду не одинъ лишь свой предметъ; онъ будетъ смотрѣть на него, какъ на звено въ цѣлой системѣ и постарается служить цѣлямъ общаго дѣла, не только не нанося ущерба, но даже способствуя успѣху преподаванія другихъ предметовъ. Весьма интересно ведется эта специальная методологія. Шиллеръ уже не читаетъ лекцій семинаристамъ, но заставляетъ ихъ работать самостоятельно. Молодые люди по его указанію знакомятся съ разными сочиненіями по общей и специальной методологіи и затѣмъ на урокахъ устно резюмируютъ содержаніе этихъ сочиненій, подвергаютъ ихъ критическому анализу и, руководимые профессоромъ, дѣлаютъ опредѣленные выводы и заключенія. Шиллеръ при этомъ очень настаиваетъ именно на устномъ разборѣ, чтобы семинаристы, приобрѣтая необходимыя сѣдѣнія, приучались въ тоже время ясно и точно излагать свои мысли, что, безспорно, имѣетъ огромное значеніе для преподаванія. Сочиненія для разбора предлагаются самыя разнообразныя. Шиллеръ не оставляетъ безъ вниманія ни одного сколько нибудь извѣстнаго сочиненія по методологіи, но не исключаетъ и дурныхъ, находя цѣлесообразнымъ приучить семинаристовъ опровергать отрицательныя теоріи, мотивируя это опроверженіе психологическими и этическими доводами. Рядомъ съ этими устными упражненіями идутъ письменныя работы по педагогическимъ вопросамъ, напримѣръ: какъ распределить время занятій и отдыха въ среднемъ учебномъ заведеніи, чтобы это распредѣленіе въ наибольшей мѣрѣ удовлетворяло современнымъ требованіемъ психологіи и гигиены? Въ какой мѣрѣ школа влияетъ на характеры ея учениковъ? Въ какой мѣрѣ полезно вводить наглядность въ преподаваніи? Какимъ образомъ въ такомъ-то классѣ связать органически преподаваніе языковъ, исторіи и географіи? Отъ этихъ письменныхъ работъ Шиллеръ не ожидаетъ ничего оригинальнаго, новаго. Онъ считаетъ себя вполне удовлетвореннымъ, если онѣ обнаруживаютъ знакомство семинаристовъ съ существующими сочиненіями по означеннымъ вопросамъ и умѣнье извлечь изъ этихъ сочиненій самое существенное. Работы эти обсуждаются на особыхъ собраніяхъ, и почтенный профессоръ пользуется ими, чтобы еще разъ повторить наиболѣе существенные принципы методологіи.

Мы позволили себѣ нѣсколько долго остановиться на курсѣ педагогики и методологіи въ Гиссенской семинаріи, имѣя виду показать, какую солидную педагогическую основу получаютъ въ ней будущіе преподаватели. На эту основу тратится болѣе 100 двухъ-часовыхъ уроковъ! Самая же программа этого курса и планъ ея выполненія указываютъ, сколько серьезной работы влагается въ ея содержаніе, какъ разносторонне понимаются въ ней необходимыя для педагога знанія!

Вторая задача Гиссенской семинаріи—полупрактическая. Она заключается въ ознакомленіи семинаристовъ съ образцовой организаціей средняго учебнаго заведенія, какъ съ матерьяльной, такъ и педагогической стороны, а также съ образцовымъ преподаваніемъ.

Прежде всего выясняется семинаристамъ, въ чемъ заключается

образцовая организація матерьяльной обстановки средняго учебнаго заведенія, удовлетворяющей требованіямъ гигиены и педагогики. Каково должно быть зданіе? Дворъ? Рекреаціонный залъ? Какъ располагаются классы? Освѣщеніе и величина ихъ? Меблировка? и прочее. Затѣмъ семинаристы подробно знакомятся съ тѣмъ, какъ надо расаживать учениковъ въ зависимости отъ роста ихъ, зрѣнія и слуха; какъ должны сидѣть ученики въ классѣ; на какомъ разстояніи отъ глазъ долженъ держать ученикъ книгу при чтеніи и т. п.

При этомъ семинаристамъ выставляется на видъ, что самая образцовая организація матерьяльной обстановки школы не принесетъ желаемыхъ результатовъ, если сами преподаватели, всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, не проникнутся глубокимъ сознаниемъ своей отвѣтственности и не будетъ принимать живѣйшаго участія въ ея претвореніи. Къ матерьяльной организаціи относятся еще бібліотеки и музеи, причѣмъ семинаристы знакомятся съ условіями ихъ устройства, наиболѣе соотвѣтствующими потребностямъ и интересамъ школы.

Что касается образцовой организаціи педагогической части учебнаго заведенія, то и тутъ вниманіе семинаристовъ направляется на слѣдующія соображенія: какъ должна быть начертана программа, чтобы при наименьшей затратѣ силъ достигнуть наибольшихъ результатовъ? Какъ наиболѣе цѣлесообразно распредѣлить время рекреаций? Какова наилучшая организація домашнихъ работъ? Какими мѣрами надо способствовать развитію физическихъ силъ учениковъ? Какъ организовать общія игры, прогулки? Какой характеръ надо придавать школьнымъ праздникамъ? Какіе общіе принципы воспитанія и образованія должны быть положены въ основу образцовой гимназіи? Въ связи съ этимъ составляются подробныя программы по каждому предмету гимназическаго курса.

Для ознакомленія съ преподаваніемъ семинаристы посѣщаютъ уроки преподавателей Гиссенской гимназіи и еще особые образцовые уроки, даваемые избранными педагогами и удовлетворяющіе всѣмъ высшимъ требованіямъ методики и дидактики. Передъ каждымъ такимъ урокомъ образцовый преподаватель знакомитъ семинаристовъ съ содержаніемъ урока, съ его цѣлью, съ общимъ планомъ, а послѣ урока слѣдуетъ его критическая оцѣнка, дѣлаемая самимъ учителемъ совмѣстно съ семинаристами.

Наконецъ, третья задача учительской семинаріи въ Гиссенѣ—чисто практическая. Она имѣетъ цѣлью дать семинаристамъ навыкъ въ преподаваніи и достигается пробными уроками, которые даются каждымъ семинаристомъ по его специальности, подъ руководствомъ пр. Шиллера и опытнаго преподавателя по этому предмету.

Прежде всего семинаристы пишутъ планъ урока и передаетъ его для просмотра преподавателю и проф. Шиллеру, если послѣдній пожелаетъ. При этомъ проф. Шиллеръ настаиваетъ, чтобы письменный планъ урока былъ набросанъ лишь въ общихъ чертахъ, безъ всякихъ подробностей, мотивируя свое требованіе тѣмъ соображеніемъ, что преподавательская слишкомъ детальная разработка урока лишаетъ его жизни и воодушевленія. Неопытный еще въ преподаваніи семина-

ристъ, затвердивъ подробный ходъ урока, теряется при всякомъ неожиданномъ вопросѣ со стороны учениковъ. Проф. Шиллеръ совѣтуетъ семинаристамъ хорошо обдумать канву каждого урока и настолько овладѣть его матерьяломъ, чтобы вполне свободно справляться со всякими случайными отклоненіями отъ намѣченного плана. Только при такихъ условіяхъ урокъ будетъ двигаться впередъ совмѣстными силами преподавателя и учениковъ и пріобрѣтетъ живой, естественный характеръ. Въ противномъ же случаѣ будетъ чувствоваться натянутость семинарской выправки. Время отъ времени, особенно вначалѣ, планъ урока разрабатывается вмѣстѣ съ преподавателемъ, который разъясняетъ семинаристу самый матерьялъ, даетъ методическія указанія, рекомендуетъ пособія и т. п.

Всякій пробный урокъ, по какому-бы предмету онъ ни давался, разбирается въ присутствіи всѣхъ семинаристовъ, преподавателя класса, въ которомъ давался урокъ и директора. Разборъ урока производится въ опредѣленномъ порядкѣ, приблизительно слѣдующемъ: 1) выборъ и расположеніе матерьяла; 2) выполненіе урока: въ какой мѣрѣ прибѣгалъ преподающій къ наглядности? Заставлялъ-ли онъ учениковъ работать самостоятельно? Хорошо-ли наводилъ на заключенія? Въ достаточномъ-ли количествѣ они приведены? Соотвѣтствовали-ли вопросы, задаваемые преподавателемъ, силамъ учениковъ? Хорошо-ли была соблюдена постепенность? 3) Поведеніе учителя въ классѣ: какъ онъ началъ и кончилъ урокъ? Вполнѣ-ли овладѣлъ онъ вниманіемъ класса? Какъ онъ говорилъ? Какъ читалъ? Хорошо-ли формулировалъ вопросы? Замѣчалъ-ли ошибки учениковъ? Давалъ-ли имъ своевременно отдыхъ? Заставлялъ-ли работать всѣхъ учениковъ въ классѣ? 4) Результаты урока: добился-ли учитель ожидаемаго результата? Подвинулись-ли ученики впередъ въ достаточной степени?

Всѣ семинаристы высказываютъ свои мнѣнія и замѣчанія по поводу этихъ вопросовъ; но, конечно, мнѣнія эти часто вслѣдствіе малоопытности шаткія; замѣчанія касаются болѣе мелочей, нежели существенныхъ сторонъ вопроса. Поэтому центръ тяжести разбора урока лежитъ на директорѣ и преподавателѣ класса. Они подробно указываютъ и достоинства и недостатки, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, но при этомъ считаются нѣсколько съ личностью дававшего урокъ: нѣкоторыхъ придется похвалить, у другихъ, напротивъ,—посбавить самоувѣренности.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ комбинируются всѣ эти разнообразныя занятія семинаристовъ.

Въ началѣ года, а именно въ первые два мѣсяца, всѣ семинаристы, какова-бы ни была ихъ специальность, присутствуютъ только въ приготовительныхъ классахъ гимназіи, и такимъ образомъ каждый изъ нихъ начинаетъ свое знакомство съ педагогической дѣятельностью непремѣнно въ сферѣ начальнаго образованія. И это не простая случайность, но вполне сознательное рѣшеніе со стороны проф. Шиллера, основанное на весьма солидныхъ соображеніяхъ. Прежде всего методы начальнаго образованія наиболѣе обоснованы. Далѣе, по несложности матерьяла они болѣе всего доступны. Наконецъ, и это самое главное,

благодаря такому началу, будущіе преподаватели гимназій поймутъ связь начальнаго образованія со среднимъ, научатся смотрѣть на нихъ, какъ на двѣ связанныя прочной цѣлью части одного цѣлаго.

Въ этотъ-же промежутокъ времени семинаристы ежедневно посѣщаютъ вышеуказанныя лекціи проф. Шиллера по теоретической педагогикѣ и занимаются специально методикой нѣмецкаго языка, начальной ариѳметики и родиновѣдѣнія. Уже на этой ступени своей подготовки семинаристы посѣщаютъ образцовые уроки, и сами даютъ пробные. Назначеніе послѣднихъ зависитъ отъ директора. Наиболѣе смѣлые и способные назначаются раньше, робкіе-же и малоспособные отодвигаются какъ можно дальше въ томъ разчетѣ, что послѣдніе, присутствуя на разборѣ уроковъ, даваемыхъ ихъ товарищами, подвинутся хоть нѣсколько впередъ въ дѣлѣ преподаванія.

Только спустя два мѣсяца семинаристы переходятъ въ самую гимназію и тутъ уже разбиваются на отдѣленія. Семинаристы отдѣленія древней филологіи присутствуютъ на урокахъ латинскаго, греческаго, нѣмецкаго языковъ и исторіи; отдѣленія математики—на урокахъ математики и физики и т. д. При этомъ всѣ они обязаны посѣщать уроки географіи, въ виду той важной роли, которую, по мнѣнію пр. Шиллера, играетъ географія въ дѣлѣ объединенія различныхъ предметовъ гимназическаго курса въ одно цѣлое. Первое время, до начала лѣтнихъ мѣсяцевъ, семинаристы посѣщаютъ уроки только въ 6, 5 и 4-мъ классахъ, а съ лѣта они переходятъ въ старшіе—третій и второй. Въ первомъ самомъ старшемъ классѣ они почти не занимаются, такъ какъ пр. Шиллеръ находитъ это неудобнымъ для дѣла. Параллельно съ этимъ идутъ методологическія занятія съ пр. Шиллеромъ, посѣщеніе образцовыхъ уроковъ, даваніе пробныхъ, специальное изученіе методики своего предмета и пр. Письменные педагогическія работы разбираются лѣтомъ.

За все время пребыванія въ семинаріи кандидаты принимаютъ дѣятельное участіе въ жизни гимназій. Они присутствуютъ на педагогическихъ совѣтахъ, на экзаменахъ, на школьныхъ празднествахъ, а также замѣщаютъ отсутствующихъ учителей.

Вотъ въ общихъ чертахъ органиція и планъ занятій Гиссенской семинаріи, послужившей образцомъ для прусскихъ семинарій новаго типа, основанныхъ въ 1890 году. Надо согласиться, что преподаватели гимназій въ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадскомъ получаютъ въ Гиссенской семинаріи весьма солидную подготовку, могущую удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ.

Прусскія семинаріи, конечно, еще во многомъ отстаютъ отъ Гиссенской, но это и немудрено, если принять во вниманіе, что первыя только еще вступаютъ въ жизнь, тогда какъ послѣдняя приближается уже къ двадцатилѣтію. Существенное отличіе прусскихъ семинарій отъ Гиссенской заключается, прежде всего, въ ихъ подвижности, а именно: согласно съ реформой 1890 года эти семинаріи пристраиваются къ тѣмъ или другимъ гимназіямъ только временно и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ могутъ быть переводимы въ другія. Затѣмъ всѣ занятія съ семинаристами вручаются директору и только

двумъ преподавателя гимназій. Наконецъ, въ Пруссіи слишкомъ рѣзко ставится разница между семинарскимъ пробнымъ годомъ, тогда какъ въ Гиссенѣ послѣдняго совсѣмъ нѣтъ, а практическія занятія идутъ рука объ руку съ теоретическими.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти отличія говорили въ пользу прусскихъ семинарій, но это и не такъ важно. Важно убѣжденіе въ необходимости спеціальной подготовки къ высокой профессіи воспитателя и преподавателя, важны попытка и готовность правительства идти на встрѣчу этому убѣжденію и общій характеръ реформы, которую нельзя не признать вполне соответствующей условіямъ нѣмецкой жизни. Молодые люди, вступающіе въ новыя учительскія семинаріи, получаютъ предварительно широкое философское образованіе въ Германскихъ университетахъ, въ которыхъ иногда читается даже особый курсъ по исторіи педагогики.

Молодые люди съ такого рода подготовкой ищутъ въ профессиональномъ учебномъ заведеніи лишь спеціальныхъ знаній, знакомства съ различными методами и практическими приѣмами преподаванія. Новыя германскія семинаріи вполне отвѣчаютъ этимъ требованіямъ. Вотъ почему въ этой странѣ они являются вполне жизненными и симпатичными учрежденіями и оказались-бы совершенно несостоятельными, на примѣръ, у насъ въ Россіи, при существующей организаціи нашихъ университетовъ, гдѣ курсъ философіи читается только на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ, да и то крайне узкій и недостаточный, такъ что русская молодежь, кончающая университеты, можно сказать, вовсе лишена солиднаго философскаго образованія, а безъ этой основы всякая семинарская выучка и дрессировка могутъ привести лишь къ самымъ прискорбнымъ результатамъ и въ конецъ испортить даже талантливыхъ молодыхъ учителей. Лучше пусть не будетъ никакой системы, чѣмъ невѣжественное и узкое шульмейстерство.

М. Страхова.

Вопросы начальной школы.

О грамматикѣ въ начальной школѣ *).

Долженъ-ли быть курсъ грамматики въ начальной школѣ? Если да, то каковы должны быть роль и характеръ преподаванія грамматики? Каковъ долженъ быть *minimum* объема грамматическаго курса начальной школы съ тремя отдѣленіями?

Цѣль нашей статьи по мѣрѣ силъ и умѣнья отвѣтить на эти вопросы, такъ живо интересующіе насъ, учащихся.

И такъ: долженъ-ли быть курсъ грамматики въ начальной школѣ? Отвѣтъ нашъ обусловливается основной задачей начальной школы—*дать первоначальное знаніе роднаго языка*. Можно-ли представить себѣ какое-бы то ни было знаніе безъ знакомства съ теоріей его, хотя-бы элементарной? Конечно, нѣтъ. Грамматика—это теорія языка. Начальная школа, полагающая основаніе знанію роднаго языка, должна дать элементарную теорію языка, элементарную грамматику.

Въ начальной школѣ, съ дѣтьми 8—12 лѣтъ, рѣчь которыхъ бѣдна и неразвита, а мыслительные процессы крайне элементарны, грамматика не должна, да и не можетъ, явиться иначе, какъ въ роли чисто служебной: она даетъ умѣнье писать безъ искаженія словъ и сознательное отношеніе къ постройкѣ письменной рѣчи. Знакомство съ фонетикой, съ этимологіей и синтаксисомъ имѣютъ цѣлью дать ученику начальной школы возможно ясное, отчетливое и толковое понятіе о строеніи отдѣльныхъ словъ и рѣчи, объ отношеніяхъ словъ между собою. Что касается грамматическихъ терминовъ (главнѣйшихъ, конечно, то знаніе ихъ и свободное употребленіе облегчатъ взаимное пониманіе учащаго и учащихся, что очень важно, напр., при исправленіи письменныхъ работъ.

Руководящій, основной принципъ **) нашъ при преподаваніи грамматики, такъ же, какъ и всѣхъ другихъ предметовъ начальной школы, таковъ: умственная дѣятельность дѣтей, ранѣе 15—16 лѣтъ, преимущественно рецептивна и весьма мало продуктивна, т. е., въ переводѣ на языкъ болѣе понятный,—умственная дѣятельность эта сводится главнымъ образомъ къ работѣ памяти. Отсюда пристекаетъ нѣсколько

*) Помѣщая эту замѣтку нашей уважаемой сотрудницы, мы желаемъ вызвать обсужденіе весьма спорнаго вопроса, на сколько должна быть допускаема въ элементарную школу грамматика. *Ред.*

**) Мы въ этомъ случаѣ являемся сторонниками почтеннаго авторитетнаго взгляда д-ра Цеандера, большого знатока дѣтской природы.

соображеній, чрезвычайно важныхъ, насчетъ характера, какой должно имѣть преподаваніе грамматики въ начальной школѣ. Такъ какъ умственная дѣятельность дѣтей, посѣщающихъ начальную школу, сводится преимущественно къ работѣ памяти, то главнѣйшая забота и священный долгъ каждаго учащаго заключается въ томъ, чтобы эту работающую память не притупить, не переутомить, обременяя лишнимъ и ненужнымъ, но укрѣпить и развить, предлагая для усвоенія матеріалъ, подходящий, доступный и въ данную минуту интересный и полезный. Грамматическій матеріалъ (впрочемъ, какъ и весь учебный матеріалъ начальной школы) необходимо располагать въ строго-обдуманной градаціи, такъ, чтобы постепенно были пускаемы въ ходъ тѣ умственные процессы, которые мы желаемъ возможно скорѣе превратить изъ сознательныхъ въ бессознательные, сдѣлать навывкомъ, привычкою, дабы открыть путь другимъ болѣе сложнымъ, высшимъ. Въ виду того, что умственная дѣятельность дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ неразвита, одностороння, а рѣчь бѣдна,—эвристическій методъ преподаванія грамматики, предполагающій самостоятельность сужденія и выводовъ,—кажется намъ несовсѣмъ умственнымъ; гораздо удобнѣе и цѣлесообразнѣе методъ догматическій, не тотъ старинный догматическій методъ, который допускалъ зубрежку необъясненныхъ и непонятныхъ вещей, нѣтъ: этотъ способъ обученія безвозвратно отжилъ свой вѣкъ, и мы не сумѣли-бы воскресить его! Мы со своей стороны предлагаемъ сообщить грамматическія правила, опираясь на возможно большее число яркихъ, рельефныхъ, характеристичныхъ примѣровъ, отчетливо и вразумительно разъясненныхъ, проанализированныхъ. При преподаваніи грамматики очень легко впасть въ слѣдующую ошибку: давать дѣтямъ много свѣдѣній, трудныхъ, сложныхъ, которыя по плечу 2—3 выдающимся по способностямъ ученикамъ, а для всѣхъ остальныхъ представляются чѣмъ-то туманнымъ, смутнымъ, чего они усвоить не могутъ и владѣть чѣмъ они не въ состояніи. Нѣтъ ничего вреднѣе и опаснѣе для ученика, какъ подобная ошибка учащаго. Прибавимъ, что печальна судьба и благодаренъ трудъ того учащаго, кому приходится имѣть дѣло съ учениками, отличающимися расплывчатостью, безформенностью мысли и рѣчи. Имѣя въ виду все это, мы настойчиво рекомендуемъ давать учащимся начальной школы грамматическій матеріалъ такого объема, вида и характера, чтобы онъ ложился въ сознаніе ясно, былъ понятъ и усвоенъ твердо и могъ бы служить точкой опоры при устныхъ и письменныхъ работахъ по родному языку. Въ виду этого необходимо установить такой минимумъ требованій по грамматикѣ, который оказался бы по плечу ученикамъ самыхъ среднихъ способностей. При установленіи этого минимальнаго курса грамматики для начальной школы слѣдуетъ руководствоваться не только тѣми психологическими принципами, на которыхъ опирается все элементарное преподаваніе, но также указаніями опыта, практики, свидѣтельствующихъ о томъ, какія именно грамматическія понятія всего доступнѣе дѣтскому уму и знаніе какихъ именно правилъ предупреждаетъ ошибки встрѣчающіяся наиболѣе часто и у наибольшаго числа дѣтей.

Теперь попытаемся опредѣлить размѣры курса грамматики для каждаго изъ трехъ отдѣленій.

Курсъ младшаго отдѣленія.

Занятія грамматикой въ начальной школѣ начинаются очень рано, въ младшемъ отдѣленіи непременно, при обученіи чтенію, ибо фонетика есть первая и основная часть грамматики. Что касается письменныхъ работъ, при которыхъ потребуются грамматика, то онѣ могутъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда дѣти твердо усвоили начертаніе буквъ и привыкли къ механизму письма. Первичной, основной письменной работой въ начальной школѣ является звуковая диктовка, которая даетъ дѣтямъ множество навыковъ, необходимыхъ для дальнѣйшихъ успѣховъ въ области русскаго правописанія. Звуковую диктовку (фонетическія упражненія) слѣдуетъ начинать со 2-го полугодія въ младшемъ отдѣленіи и въ извѣстной системѣ,—обдуманной и приуроченной къ потребностямъ школы,—вести въ теченіи всѣхъ трехъ лѣтъ обученія.

Курсъ грамматики младшаго отдѣленія заключается въ томъ, чтобы выучиться передавать на бумагѣ звуки русской рѣчи въ ихъ постепенной трудности. Звуки твердые и мягкіе, дифтонги, йотованіе звуковъ, знакомство съ удареніемъ, отсутствіе котораго измѣняетъ звукъ, твердые и мягкіе согласные звуки (ъ и ь), сочетаніе согласныхъ съ мягкими гласными, уподобленіе звуковъ*) и т. д. Фонетическихъ упражненій, нужныхъ и полезныхъ, найдется не мало и за разнообразіемъ дѣло не станетъ. По поводу курса младшаго отдѣленія находимъ нелишнимъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) При знакомствѣ съ ъ и ь, надо настойчиво указывать и напоминать, что они ставятся только послѣ *согласныхъ*, иначе,—если сказать просто, что они ставятся на концѣ слова,—дѣти будутъ писать: «ухъ», «онокъ» и т. п., какъ приходилось наблюдать весьма нерѣдко.

2. Знакома дѣтей съ дифтонгами, надо усердно добиваться (а это дается не легко), чтобы дѣти отчетливо усвоили себѣ различіе между *й* и *и* и не писали бы *Сибйръ*, какъ это нерѣдко можно встрѣтить. Приходилось видѣть дѣтей съ домашней подготовкой, которые упорно ставили краткую надъ *и* не у мѣста, неправильно вплоть до старшаго курса; и требовалось много усилій и настойчивости со стороны и учащаго и учащагося для искорененія этой дурной привычки.

Что касается этимологии, то изъ нея мы предлагаемъ дать въ младшемъ отдѣленіи не болѣе пяти правилъ: 1) употребленіе *а*, *у*, и послѣ шипящихъ; 2) употребленіе *і* передъ гласными, не упоминая о различіи словъ *міръ* и *миръ*, которыя мы оставляемъ до старшаго отдѣленія, гдѣ оно усваивается безъ труда, мимоходомъ; 3) употребленіе прописныхъ буквъ въ именахъ, отчествахъ, фамиліяхъ, въ названіяхъ городовъ и рѣкъ; 4) запоминаемъ нѣсколько (10—12) словъ съ буквой *ѣ*; 5) и нѣсколько словъ съ *ѡ*. Выражая желаніе, чтобы дѣти младшаго отдѣленія запомнили нѣсколько коренныхъ

*) Уподобленіе звуковъ—особенно трудная и важная отрасль фонетики, представляющая множество камней преткновенія для дѣтей.

словъ съ буквой ъ, мы этимъ не хотимъ сказать, что зубрежка ихъ необходима, и что за невыполненіе ея слѣдуетъ взыскивать,—вовсе нѣтъ; наше желаніе очень скромное и заключается въ томъ, чтобы дѣти исподволь, безо всякаго труда, почти мимоходомъ приобрѣтали навыкъ ставить ъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ отсутствіе этой злополучной буквы нестерпимо рѣжетъ глазъ, напр., въ словахъ: нѣтъ, ѣсть, ѣхать, дѣти, дѣло, бѣгать, бѣда и т. д.

Во многихъ курсахъ правописанія мы находимъ уже на самыхъ первыхъ ступеняхъ упражненія въ переносѣ словъ. Мы считаемъ ихъ безусловно неумѣстными въ курсѣ младшаго отдѣленія; мало того,—мы полагаемъ, что останавливаться серьезно на переносѣ словъ даже въ среднемъ, даже въ старшемъ отдѣленіи не слѣдуетъ, и вотъ на какомъ основаніи: заниматься дѣленіемъ словъ на слогі послѣ звуковаго способа обученія чтенію неудобно и нецѣлесообразно, а знакомить дѣтей съ составомъ словъ (корни, приставки, суффиксы, особенно суффиксы!) немислимо: для дѣтей начальной школы—это матеріалъ вполнѣ неподходящій. По части переноса словъ дѣтямъ можно дать только два руководящихъ правила: а) не переносить одно ъ или одного ь и вообще одной буквы; в) не отдѣлять согласной съ ъ или ь. А затѣмъ можно только совѣтовать не дѣлать переносовъ, избѣгать ихъ по-возможности, помнить, что гораздо легче выучить дѣтей избѣгать переносовъ, чѣмъ научить дѣлать ихъ правильно.

Курсъ средняго отдѣленія.

Въ среднемъ отдѣленіи къ ученію фонетики присоединяется знакомство съ синтаксисомъ и болѣе пространно съ этимологіей.

Опредѣляя размѣры курса средняго отдѣленія, надо имѣть въ виду, что на его долю приходится всего болѣе самостоятельныхъ письменныхъ работъ, ибо среднее отдѣленіе всегда нѣсколько приносится въ жертву отдѣленію младшему, безграмотному и старшему, ожидающему выпускныхъ экзаменовъ. Какъ мы уже сказали выше, кромѣ фонетики, курсъ средняго отдѣленія содержитъ въ себѣ синтаксисъ и этимологію. Синтаксисъ можно предложить въ такомъ объемѣ: знакомство съ подлежащимъ и сказуемымъ; краткое предложеніе; объяснительныя слова,—предложеніе распространенное; употребленіе точки и запятой (прописныя буквы послѣ точки, строчныя послѣ занятой). При твердомъ усвоеніи означеннаго синтаксическаго матеріала можно уже смѣло вести письменныя изложенія, конечно, нетрудныя и несложныя.

По этимологіи можно дать три части рѣчи: имя существительное, глаголь, прилагательное; умѣнье отличать и находить въ текстѣ эти части рѣчи; и дать *термины* ихъ обозначающіе. Что касается вопроса: давать-ли дѣтямъ грамматическіе термины или нѣтъ,—мы усердно стоимъ за то, что эти термины давать, если понятіе о предметѣ у дѣтей имѣется ясное и отчетливое, то термины являются какъ нельзя болѣе кстати, облегчаютъ занятіе грамматикой, а натянутое избѣганіе терминовъ только затрудняетъ и учащаго и дѣтей.

Изъ этимологическихъ правилъ,—касающихся трехъ вышеозначенныхъ частей рѣчи,—мы предлагаемъ для средняго отдѣленія слѣдующія:

Имя существительное. Учить склоненіямъ, давать названія падежей,—какъ мы убѣдились на опытѣ,—въ среднемъ отдѣленіи нельзя: тѣ этимологическія правила, какія нужны, приходится сообщать, такъ сказать, наглядно на примѣрахъ. Вотъ они.

- 1) Употребленіе *ъ* въ въ дательномъ и предложномъ падежахъ.
- 2) Окончаніе творительнаго п. множ. числа.
- 3) Прописныя буквы въ названіяхъ странъ, рѣкъ, село, городовъ, горъ и въ прозвищахъ.
- 4) Запоминаніе возможно большаго количества коренныхъ словъ съ буквой *ъ*.

Глаголь. 5) Окончанія 2-го лица ед. числа на *ь* въ настоящ. и будущемъ временахъ.

6) Окончаніе 2-го лица множ. числа на *е* въ настоящемъ, будущемъ временахъ и повелительномъ наклоненіи.

7) Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на *ь* и *ься*.

8) Глаголь на *-тъ*—*-лъ*.

9) Окончаніе 3-го лица на *тся*, которое произносится *ца* и правильное начертаніе которого дастся съ такимъ трудомъ.

Имя прилагательное. 10) Окончаніе *ій* послѣ горланыхъ.

10) Окончаніе винит. падежа женск. рода на *ю* и *ю*.

11) Окончаніе творит. и предложнаго падежа муж. и средняго рода (*имъ*—*ымъ*, *омъ*—*емъ*).

Курсъ старшаго отдѣленія.

Въ курсѣ старшаго отдѣленія центръ тяжести переносится на синтаксисъ. Дѣти знакомы уже съ предложеніями краткими и распространенными, здѣсь они узнаютъ съ предложеніями слитными полными и неполными и простѣйшіе виды предложенія сложныхъ. Знакомство съ употребленіемъ знаковъ тоже весьма расширяется: запятая въ слитномъ предложеніи, запятая между главнымъ и придаточнымъ, знаки вопросительный, восклицательный, кавычки, двоеточіе при чужой рѣчи и при перечисленіяхъ,—вотъ обширный матеріалъ дающій массу разнообразныхъ, интересныхъ и полезныхъ упражненій и примѣненій. Замѣтимъ, что знакомить съ употребленіемъ знаковъ всего удобнѣе при чтеніи и при диктовкахъ.

По этимологіи ученики старшаго отдѣленія узнаютъ всѣ части рѣчи, ихъ отличительныя свойства и термины ихъ обозначающіе,—на примѣрахъ по возможности ясныхъ и рѣзко-отчетливыхъ: надо усердно избѣгать тѣхъ случаевъ, которые могутъ повести за собой сбивчивость. Напр., говоря о прилагательныхъ не брать такихъ, какъ *нищій*, *городовой*, которые стали названіями предметовъ; знакомя съ нарѣчійми избѣгать тѣхъ, которыя слишкомъ живо напоминаютъ существительныя или прилагательныя (напр.: *дома*, *тихо*, *ясно* и т. п.)

Одна изъ великихъ трудностей правописанія состоитъ для дѣтей въ употребленіи предлоговъ. Упражненія въ употребленіи предлоговъ передъ существительными и прилагательными должны начаться рано, но вестись чисто-практически, опираясь на здравый смыслъ дѣтей. Что касается глагольныхъ приставокъ, то я предложила-бы не упоминать вовсе, что таковыя существуютъ, п. ч. упоминаніе о нихъ ведетъ

къ сбивчивости даже къ нелѣпымъ умозаключеніямъ. Усвоить, какъ слѣдуетъ, понятіе о ихъ роли и употребленіи дѣтя 8—12 лѣтъ не въ состояніи, и нерѣдко случается, что учащій, толковавшій объ этихъ приставкахъ много и долго, можетъ услышать такіе вопросы: въ словѣ идти, надо писать *и* отдѣльно? или: улица, *у* отдѣльно?

Правило-же о приставкахъ: воз, из, низ, раз, без, и чрезъ передъ буквами к, п, т, х, ф, ч, ш, щ,—мы предложили-бы разъ навсегда устранить въ курсѣ начальной школы и найти способъ обходиться безъ него.

Курсъ старшаго отдѣленія въ общемъ есть повтореніе въ нѣсколько большемъ объемѣ и самое широкое приложеніе къ дѣлу всего, что было пройдено въ отдѣленіяхъ младшемъ и среднемъ.

И такъ, много фонетики въ младшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, много синтаксиса въ старшемъ и какъ можно меньше этимологии, которая есть представительница историческаго правописанія,—вотъ каковъ долженъ быть характеръ преподаванія грамматики въ начальной школѣ.

Все сказанное можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Грамматика—теорія языка; начальная школа, полагающая основаніе знанію роднаго языка, должна дать элементарную теорію языка.

2. Грамматика въ начальной школѣ играетъ роль чисто служебную: даетъ умѣнье писать безъ искаженія словъ и сознательное отношеніе къ постройкѣ письменной рѣчи.

3. При преподаваніи грамматики, такъ же какъ и всѣхъ другихъ предметовъ въ нач. школѣ, надо взять за руководящій принципъ, что умственная дѣятельность дѣтей въ возрастѣ 8—12 лѣтъ преимущественно рецептивна, т. е., сводится преимущественно къ работѣ памяти, вслѣдствіе чего главная забота учащаго должна заключаться въ томъ, чтобы эту работающую усиленно память не переутомить, не притупить, но развить и укрѣпить, предлагая для усвоенія матеріалъ подходящій, доступный и въ данную минуту интересный и полезный.

4. Въ виду бѣдности и неразвитости какъ умственныхъ процессовъ, такъ и рѣчи дѣтей нач. школы, мы предлагаемъ сообщать грамматическія свѣдѣнія не столько эвристически, сколько догматически, опираясь на возможно большее число возможно лучше проанализированныхъ примѣровъ.

5. Грамматическій матеріалъ слѣдуетъ расположить въ такой градаціи, чтобы пускаемы была въ ходъ постепенно тѣ умственные процессы, кот. желательно видѣть перешедшими въ привычку, въ состояніе безсознательности съ тѣмъ, чтобы открыть путь болѣе сложнымъ и высшимъ умственнымъ процессамъ.

6. Необходимо свести преподаваніе грамматики къ такому объему, который могъ-бы быть усвоенъ ясно, твердо, основательно, учениками самыхъ среднихъ способностей и служилъ-бы имъ точкой опоры при занятіяхъ роднымъ языкомъ. При выработкѣ этого примѣрнаго курса грамматики надо руководствоваться, какъ общими основаніями дѣтской психологии, такъ и указаніями опыта.

7. Занятія грамматикой начинаются очень рано, съ самыхъ первыхъ дней пребыванія дѣтей въ школѣ, ибо фонетика—первая и основная часть грамматики.

8. Курсъ младшаго отдѣленія состоитъ въ изученіи звуковъ русской рѣчи и передачѣ ихъ письменно. Звуки мягкіе и твердые, дифтонги, йотованные звуки, уподобленіе звуковъ, сочетаніе ихъ и т. д.,—словомъ всё необходимыя, главныя основанія фонетики проходятся дѣтьми при звуковыхъ диктовкахъ, которыя являются первичной основной письменной работой въ курсѣ нач. школы. Начавъ фонетическія упражненія въ младшемъ отдѣленіи, слѣдуетъ вести ихъ въ предложеніе всѣхъ трехъ лѣтъ обученія. Изъ этимологии въ младшемъ отдѣленіи даемъ не болѣе пяти правилъ: 1) употребленіе *а, и, у* послѣ шипящихъ; 2) *і* передъ гласными; 3) употребленіе прописныхъ буквъ въ именахъ, отчествахъ и фамиліяхъ; 4) нѣсколько коренныхъ словъ съ буквой *ѣ*; 5) нѣсколько словъ съ *э*.

9. Въ среднемъ отдѣленіи къ изученію фонетики присоединяется знакомство съ синтаксисомъ и этимологіей. *По синтаксису*: части предложенія, главныя и второстепенныя; предложенія краткое и распространенное; употребленіе точки и запятой. *По этимологіи*: понятіе о трехъ частяхъ рѣчи и термины ихъ обозначающіе (имя существительное, имя прилагательное и глаголъ); около 15 правилъ этимологическихъ, касающихся этихъ трехъ частей рѣчи.

10. Въ курсѣ старшаго отдѣленія главную роль долженъ играть синтаксисъ, дающій основанія для правильнаго построенія рѣчи. Предложенія: слитное, полное, неполное, простѣйшія формы сложныхъ. Употребленіе запятыхъ, кавычекъ, двоеточія, знаковъ восклицательнаго и вопросительнаго. Опредѣленіе, дополненіе и обстоятельства (термины и роль ихъ въ предложеніи). *По этимологіи*: понятіе о всѣхъ частяхъ рѣчи и термины ихъ обозначающіе. Главнѣйшія правила правописанія (этимологическія) каждой изъ этихъ частей рѣчи не болѣе 12—15 правилъ за учебный годъ.

11. На переносъ словъ ни въ одномъ отдѣленіи серьезно не останавливаться, ибо ни практической пользы, ни учебно-воспитательнаго значенія за этимъ упражненіемъ признаться нельзя. Надо учить не переносу словъ, но умѣнью избѣгать его при случаѣ. О переносѣ словъ дать два правила только: 1) не оставлять и не переносить одиночной буквы и 2) не отдѣлять согласныхъ съ *ъ* и *ь*.

12. Много основательной фонетики въ младшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, много синтаксиса въ старшемъ отдѣленіи и какъ можно меньше этимологии,—вотъ каковъ долженъ быть характеръ преподаванія грамматики въ начальной школѣ.

Е. Чебышева-Дмитріева.

Воспитаніе въ Англіи.

(Ст. М. Леклерка *).

I.

Задача настоящей статьи—изложить систему домашняго и школьнаго воспитанія въ Англіи и сравнить ее съ французской воспитательной системой.

Что касается домашняго воспитанія, то здѣсь не надо забывать того значенія, какое въ Англіи имѣеть «home», т. е. семейный очагъ англичанина. Это—нѣчто священное, неприкосновенное, недоступное для постороннихъ. Ни одинъ «home» не зависитъ отъ сосѣдей: каждая семья имѣеть отдѣльный домикъ, особый входъ (исключенія мы встрѣчаемъ только въ нѣкоторыхъ лондонскихъ кварталахъ съ постоянно мѣняющимся населеніемъ); другихъ жильцовъ нѣтъ ни наверху, ни внизу,—можно располагаться на свободѣ и устраиваться, какъ хочешь. И англичанинъ глубоко чувствуетъ всю интимную поззію домашняго очага: «Это—обитель мира, убѣжище не только отъ оскорбленій, но и отъ всякихъ сомнѣній и раздоровъ. Если сюда проникаетъ житейскій шумъ, если кто-нибудь изъ супруговъ позволить людямъ чужимъ, несвязаннымъ съ семьею чувствомъ любви, перешагнуть черезъ порогъ дома, это уже не home. Но если домъ является дѣйствительно храмомъ, охраняемымъ домашними божествами, если сюда допускаютъ только тѣхъ, кого любятъ,—это настоящій home».

Глава семьи, супругъ и отецъ, полновластно царитъ въ этомъ home. Одинъ американецъ не безъ удивленія замѣтилъ, что англичанка смотритъ на мужчину, какъ на существо высшее. «Англія—рай для мужчинъ!» восклицаетъ онъ: «воля главы семьи здѣсь законъ, котораго никто не осмѣливается оспаривать. Глава создаетъ home, содержитъ его, отвѣчаетъ за него передъ обществомъ и закономъ; но за то его уважаютъ, ему повинуются. Отецъ требуетъ отъ дѣтей прежде всего уваженія, а потомъ ужъ любви, тогда какъ во Франціи онъ нерѣдко просто старшій товарищъ своихъ сыновей. Молодой англичанинъ,

*) Revue des deux mondes 15 Fevrier. Эта статья, написанная французомъ для французовъ, весьма полезна для насъ русскихъ, такъ какъ многіе недостатки, на какіе авторъ указываетъ во французскомъ воспитаніи, свойственны и нашему воспитанію. Ред.

обращаясь къ отцу, часто говорилъ ему *sir*, какъ слуга господину. Этому почтительному отношенію не мало содѣйствуетъ и то обстоятельство, что англійскій законъ даетъ главѣ семьи право полновластно распоряжаться своимъ имуществомъ. Поземельная собственность англійской семьи образуетъ какъ-бы маленькое государство и также называется «*estate*»; въ этомъ государствѣ, какъ и въ «*home*», царитъ глава семьи, который по своимъ правамъ и власти сильно напоминаетъ римскаго *pater familias*, тогда какъ во Франціи онъ похожъ на президента безпокойно и много разсуждающаго парламента. Англичанинъ не считаетъ себя обязаннымъ переносить лишнія, копить деньги, чтобъ оставить ихъ дѣтямъ. Если во Франціи законъ даетъ отцу большую власть надъ личностью дѣтей, но ограничиваетъ его права, какъ завѣщателя, то въ Англии мы встрѣчаемъ обратный порядокъ вещей: здѣсь дѣти, достигшія 21 года, не зависятъ болѣе отъ отца, но за то онъ можетъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ и завѣщать его, кому хочетъ (исключеніе составляютъ майораты).

Англійская женщина—больше супруга, чѣмъ мать; у французенки материнское чувство стоитъ на первомъ планѣ. Англичанка, какъ жена, существо покорное, даже пассивное; мужественная, терпѣливая, она слѣдуетъ всюду за мужемъ, дѣлитъ всѣ его труды, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, не тревожась мыслями о будущемъ; тогда какъ французенка вся поглощена заботами о матеріальномъ благосостояніи и постоянно стремится окружить себя роскошью или хотъ достичь комфорта; она теперь не требуетъ отъ мужчины великихъ подвиговъ, какъ въ прежнія времена. Англичанка мать любящая, но спокойная; она добросовѣстно исполняетъ свои обязанности и почти всегда сама кормитъ ребенка (исключеніе составляютъ аристократки). Заботливо относясь къ дѣтямъ, но не выказывая ни излишней чувствительности, ни страстной нѣжности, она старается рано познакомить ихъ съ жизнью, такъ что юный англичанинъ еще въ дѣтствѣ узнаетъ всѣ житейскія трудности, тогда какъ маленькій французъ окруженъ непрерывными заботами, и сталкивается съ суровыми требованіями жизни ему не приходится. Мать-англичанка посылаетъ 10-лѣтняго сына одного въ школу, которая находится въ 4 километрахъ отъ дому, и ни мало за него не безпокоится; мать-французенка сама ведетъ 11-лѣтняго мальчика въ училище, хотя отъ него до дома всего 300 метровъ. Отъ такого воспитанія англійскій мальчикъ рано мужаетъ, закаляется, дѣлается самостоятельнымъ, а его французскій сверстникъ остается робкимъ и хрупкимъ, и въ важныхъ случаяхъ жизни ему недостаетъ хладнокровія и рѣшимости. Да и какъ ему пріобрѣсти эти качества, если за него думаютъ и дѣлаютъ другіе: мать старается облегчить ему настоящее, отецъ выбивается изъ силъ, чтобъ обезпечить ему спокойную будущность. Нельзя отрицать, конечно, что французенка можетъ иногда возвышаться до героизма, но въ обыденной жизни она похожа на ребенка. Сколько карьеръ бываетъ разбито, сколько предпріятій остановлено только потому, что «мать не захотѣла разстаться съ сыномъ!» Когда Мильнъ-Эдвардсъ былъ лѣтъ 20 тому назадъ въ

Оксфордѣ, онъ прогуливался тамъ разъ въ обществѣ одного главы вивговъ; съ ними былъ также профессоръ геологіи, извѣстный своими научными трудами. «Какимъ образомъ», спросилъ Мильнъ-Элвардсъ: «изъ тѣхъ самихъ молодыхъ людей, которые слегка занимаются древними языками, а большую часть времени отдають игрѣ въ крокетъ и разнообразному спорту, выходятъ потомъ замѣчательные государственные дѣятели, Пальмерстоны, Гладстоны и др.? На это профессоръ отвѣтилъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ: «Да вѣдь у нихъ матери англичанки!» — Дѣйствительно, слишкомъ страстная материнская любовь французенки изнѣживаетъ ребенка, разслабляетъ его и подвергаетъ въ будущемъ тысячѣ опасностей. «Во Франціи дѣти—душа семьи. Мы живемъ только въ нихъ и для нихъ Gréard. L'éducation morale et physique. Revue Bleue. 20 juillet 1889)». Все приносится въ жертву ребенку: и спокойствіе родителей, и весь домашній строй. Онъ постоянно съ родителями; его сажаютъ за столъ съ большими, какъ только онъ научится сидѣть. Гости должны имъ любоваться, терпѣливо сносить его капризы и слезы. Отецъ послѣ ежедневныхъ трудовъ еще находитъ время забавлять ребенка, мать гордится имъ, завиваетъ и наряжаетъ его. Онъ то игрушка, то тиранъ родителей. Этотъ тиранъ злоупотребляетъ своимъ могуществомъ, а лишь только онъ достигнетъ такого возраста, когда ужъ умѣетъ отличить добро отъ зла, родители стараются предупредить мажѣйшую ошибку, каждый маленькій проступокъ, не оставляя ничего на долю случая и природы. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ результатъ получается эгоистичный и трусливый челоуѣкъ, лишенный всякой инициативы.

Не то мы встрѣчаемъ въ Англии. Англійскія семьи въ противоположность французскимъ бываютъ обыкновенно многочисленны, и дѣти составляютъ здѣсь точно маленькій отрядъ, рано приучающійся къ извѣстной дисциплинѣ. Первые годы жизни ребенка проходятъ въ «nursery» (дѣтской); это его владѣнія; здѣсь онъ не царствуетъ, но живетъ свободнымъ гражданиномъ подъ бдительнымъ окомъ матери и няни, «nurse». Для дѣтской, говорятъ англичане, необходимы три вещи: мать, няня и воздухъ. Вся обстановка здѣсь очень проста: колыбель не разукрашена кружевами, кровати жестки, пища тоже проста, но полъ и стѣны ослѣпительно чисты. Въ дѣтской ребенокъ рѣзвится на свободѣ, не боясь разбить какую-нибудь дорогую вещь, помѣшать отцовской работѣ или побезпокоить больную мать, т. е. дѣтей въ англійскихъ семьяхъ помѣщаютъ отдѣльно, въ первомъ этажѣ дома. Необходимая принадлежность дѣтской—ванна. Въ одеждѣ дѣтей мы видимъ ту же простоту, ихъ одѣваютъ отнюдь не на показъ и стремятся къ тому, чтобы платьѣ сидѣло свободно и ловко и, не стѣсняя движеній, предохраняло ребенка отъ холода и непогоды. Такимъ образомъ дѣтскимъ играмъ не мѣшаетъ вѣчная боязнь смять ленту или разорвать дорогія прошивки. Извѣстно, что въ Англии дѣти обѣдаютъ отдѣльно отъ взрослыхъ и всегда въ опредѣленные часы. Въ опредѣленные-же часы ихъ водятъ на прогулку и даютъ имъ гулять подолгу, причемъ во время игръ они бывають предоставлены самимъ себѣ и рано узнають, какъ невыгодно быть неловкимъ или неосторожнымъ.

Такой режим не мѣшаетъ молодому существу долго оставаться нѣжнымъ и розовымъ ребенкомъ, въ которомъ, однако, кроются задатки будущаго отважнаго и смѣлаго человѣка.

Основой воспитанія служитъ *доверіе*. Ребенка учатъ довѣрять собственнымъ силамъ, считать себя отвѣтственнымъ за свои поступки; воспитатели не стараются предупреждать его ошибокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не подсматриваютъ, чтобъ уличить его въ проступкѣ. Ему внушаютъ отвращеніе ко лжи и всегда вѣрятъ на слово; онъ знаетъ, что заслуживаетъ такого довѣрія, приучается рассчитывать на собственные силы.

За исключеніемъ старшихъ сыновей богатыхъ и знатныхъ фамилій, англійскіе юноши только лѣтъ до 16—17 получаютъ содержаніе отъ отца (если только они не выбрали себѣ какой-нибудь либеральной профессіи, требующей продолжительной подготовки *); затѣмъ онъ ужъ долженъ самъ пробивать себѣ дорогу и тѣмъ скорѣе принимается за это, что на наслѣдство онъ рассчитывать не можетъ, а въ выборѣ специальности его никто не стѣсняетъ. Впрочемъ, эта воспитательная система отражается на самой англійской семьѣ, понятіе о которой не переходитъ за предѣлы «home»: обычная для француза свита тетушекъ и кузинъ не существуетъ для англичанина. «Зачѣмъ столько кузиновъ?» говорятъ они: «это стѣснительно. Настоящіе друзья тѣ, которыхъ мы выбираемъ сами. Въ Англии не рѣдкость встрѣтить родныхъ братьевъ, которые никогда не ссорились, но не живутъ вмѣстѣ и никогда не пишутъ другъ другу.

Авторъ статьи зналъ семью, глава которой постоянно жилъ въ Лондонѣ; одинъ изъ сыновей управлялъ имѣніемъ, отстоявшимъ на часъ ѣзды отъ столицы, но почти не посѣщалъ отца; другой сынъ поселился въ колоніи Ноталь и разъ въ годъ писалъ матери. Сестры ихъ, жившія въ Лондонѣ, правда, иногда вспоминали объ отсутствующихъ, но не выражали сожалѣнія по поводу того, что тѣ рѣдко пишутъ. **)

И такъ, *self-help* (самопомощь)—принципъ каждаго англичанина, онъ учится ему въ дѣтства; уже въ nursery онъ готовится быть дѣятелемъ, а затѣмъ все его побуждаетъ поскорѣе приняться за дѣло.

II.

То же самое закаляющее воспитаніе ребенокъ продолжаетъ получать и въ школѣ; тамъ онъ находитъ уже знакомую ему атмосферу. Образованіе и воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова для каждаго англичанина понятія нераздѣлимые: по его мнѣнію, каждый образованный человѣкъ долженъ быть и хорошо воспитаннымъ.

Въ жизни ребенка физическая и моральная стороны развиваются

*) Иногда даже отецъ требуетъ уплаты суммы, затраченной имъ на воспитаніе сына.

**) Изъ этого примѣра видно, что разсудочность и холодность англійскаго воспитанія имѣетъ и свою вредную сторону, доходя до крайности.

Примѣчаніе переводч.

раньше умственной; этому порядку вещей должно слѣдовать и воспитаніе.

Первое условіе успѣха въ жизни «быть здоровымъ животнымъ»; нація, состоящая изъ такихъ здоровыхъ животныхъ, можетъ вполне разсчитывать на процвѣтаніе». Проводя такой взглядъ Г. Спенсеръ лишь выразилъ мнѣніе большинства своихъ согражданъ. Объявивъ, что забота о здоровьѣ—нашъ долгъ, и всякое нарушеніе этого долга—*физическій грѣхъ*, онъ прибавилъ: «Немногіе сознають, что есть своего рода *физическая нравственность*». Его слова не прошли даромъ. Англійскій народъ теперь проникся этой истиной и относится съ величайшей заботливостью къ своему тѣлу. Здѣсь подали примѣръ высшіе классы общества, а остальные послѣдовали за ними, насколько это позволила имъ степень ихъ благосостоянія и образованія: точное соблюденіе правилъ гігіены въ климатѣ неблагоприятномъ требуетъ и развитія, и денегъ *).

Поэты, доктора, гігіенисты,—всѣ единогласно проповѣдуютъ необходимость ухода за тѣломъ. «Сила и предпримчивость націи, «говоритъ одинъ докторъ: «зависятъ отъ состоянія здоровья молодаго поколѣнія въ періодѣ развитія. Одинъ изъ наиболее утонченныхъ поэтовъ находитъ, что «тѣло въ молодости надо сдѣлать настолько прекраснымъ и совершеннымъ, насколько это возможно».

Какъ далеко все это отъ той системы, которая господствовала до сихъ поръ во всѣхъ школахъ Франціи, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, и ставила принципомъ обращать какъ можно менѣе вниманія на потребности организма. Этотъ принципъ обязанъ своимъ происхожденіемъ отдаленной средневѣковой эпохѣ, когда предписывалось умерщвлять плоть ради духа. Еще не такъ давно многіе уважаемые преподаватели осыпали сарказмами тѣхъ изъ своихъ учениковъ, которыхъ они заподозрѣвали въ излишней склонности къ гимнастикѣ, фехтованію или верховой ѣздѣ.

Въ Англии-же тѣлесныя упражненія такъ-же высоко ставятся, какъ и гігіена: не только школьникъ, но и взрослый человѣкъ въ часы досуга охотно предается играмъ на чистомъ воздухѣ. Поэтому всюду въ странѣ вы найдете обширныя площадки, лужайки, предназначенныя для игръ въ cricket, въ tennis и т. п., на рѣкахъ весель-

*) Каждый англійскій домъ, какъ-бы скромнѣе онъ ни былъ, имѣетъ ванну. Въ рабочихъ-же кварталахъ всѣхъ промышленныхъ городовъ вы увидите образцово устроенныя бани. Считаая ихъ и бібліотеки предметами первой необходимости, городскія управленія устраиваютъ и тѣ, и другія на собственный счетъ и дозволяютъ населенію бесплатно пользоваться и читальными, и банями.

Съ улучшеніемъ гігіеническихъ условій смертность въ Англии за послѣдніе годы уменьшилась съ 22, 52 (1870) до 17, 9 (1889) на 1000 человѣкъ. Если бы Франція приняла такія-же мѣры, она бы сберегала себѣ ежегодно до 150 тысячъ человѣкъ (*Mangin. Éléments d'hygiène*). Всѣ англійскія школы снабжены ваннами, тогда какъ во французскихъ лицейхъ вы найдете только убогіе краны, откуда сочится тоненькая струйка воды. Не только въ маленькихъ, но и въ большихъ городахъ Франціи общественныя бани рѣдки и мало посѣщаются, а въ частныхъ домахъ ванна не часто встрѣчающаяся роскошь.

ныя лодки для гонокъ, въ гаваняхъ яхты для продолжительныхъ поѣздокъ; по всѣмъ направлѣніямъ пересѣкаютъ страну велосипеды. Здѣсь нѣтъ южнаго солнца; которое помогло-бы созрѣванію молодого поколѣнія, а потому юношамъ, какъ нѣжнымъ растеніямъ съ обильными, но водянистыми соками, слѣдуетъ, по мнѣнію людей компетентныхъ, побольше дышать чистымъ воздухомъ, привыкать къ дождю и непогодѣ,—въ тепличной атмосферѣ они бы зачахли.

Изъ сказаннаго видно, что за послѣднее время произошелъ значительный переворотъ въ нравахъ того самаго народа, который еще 50 лѣтъ тому назадъ былъ грубъ, недалеко отъ животнаго, предавался обжорству и пьянству. Это новое движеніе получило свое начало въ public schools и въ университетахъ, однимъ словомъ, какъ уже сказано, примѣръ былъ поданъ аристократіей, а въ 1860 году ему послѣдовалъ и средній классъ, который тогда былъ напуганъ перспективою войны съ Франціей. Съ тѣхъ поръ мода на атлетовъ стала всеобщей; каждый англичанинъ хочетъ приобрести себѣ мускулы, а съ тучностью борется, какъ съ своего рода бичемъ. Свойственное англичанамъ упорство принесло здѣсь свои плоды, и теперь только гдѣ-нибудь въ глухой провинціи можно встрѣтить британца стараго типа, т. е. оплывшаго, съ отвислыми щеками и апоплексическимъ сложеніемъ, изъ тѣхъ, какихъ мы видимъ на карикатурахъ временъ Георга III *).

Национальныя англійскія игры какъ нельзя лучше содѣйствуютъ удаленію ядовитыхъ веществъ, накопившихся въ организмѣ отъ сидячей жизни, и окисляютъ кровь, обдѣлывшую въ душной атмосферѣ большаго города. Онѣ требуютъ, кромѣ того, хладнокровія, извѣстной дисциплины и развиваютъ въ англичанинѣ то замѣчательное умѣнье владѣть собою, которому не напрасно дивятся иностранцы. Тутъ необходимы рѣшимость, духъ инициативы, мѣткость взгляда, точное соблюденіе правилъ игры и повиновеніе избранному начальнику, «капитану». Власть вручается самому сильному, ловкому и опытному,—однимъ словомъ, наиболѣе достойному **). Нравственное вліяніе игры несомнѣнно. Сравните, напримѣръ, 2 школы въ Манчестерѣ, гдѣ учатся дѣти изъ одной и той же среды, но одна школа

*) Вотъ что рассказываетъ Рескинъ о своихъ дебютахъ въ одной изъ оксфордскихъ коллегій: Въ 1837 году я присутствовалъ на первомъ студенческомъ ужинѣ въ Оксфордѣ. На столѣ возвышались огромные кубки вина, похожія на дѣлныя ведра, такъ что мы черпали оттуда разливательными ложками. Такое начало было обязательно для каждаго новичка. Я выбралъ себѣ пуншъ вмѣсто кларета, да и тотъ выливалъ потихоньку, такъ что къ концу ужина чувствовалъ себя еще бодрѣе и помогалъ сносить съ лѣстницы моихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ былъ сынъ директора.

Съ прогрессомъ атлетизма эти нравы исчезли въ Англій, но они еще держатся въ германскихъ университетахъ, гдѣ студенты боятся физическихъ упражненій и въ 25 лѣтъ уже начинаютъ толстѣть.

**) Англичане всю жизнь остаются вѣрными этой любви къ физическимъ упражненіямъ. Когда извѣстный Фаусетъ ослѣпъ, онъ продолжалъ кататься на конькахъ и ѣздить верхомъ, а романистъ Троллопъ и въ старости охотился на лисицъ. Лордъ Пальмерстонъ никогда не пропускалъ Ипсомскихъ скачекъ: ему уже трудно было садиться на лошадь, но, почувствовавъ себя на сѣдлѣ, онъ забывалъ слабость и принимался скакать во всю прыть.

находится за городомъ и располагаетъ площадкой для игръ, а другая расположена въ центрѣ, гдѣ игры устраивать невозможно. Оказывается, что въ первой школѣ духъ лучше, чѣмъ во второй—игры улучшаютъ дисциплину.

Во Франціи прежде существовала любовь къ играмъ на чистомъ воздухѣ, по нѣкоторымъ признакамъ видно, что французы къ нимъ возвращаются, но для этого имъ нужно совершенно перевоспитать себя. Однако, по словамъ англичанъ, а это компетентные судьи, у ихъ сосѣдей есть для этого извѣстныя способности. «Въ раннемъ дѣтствѣ,» говоритъ одинъ англичанинъ: «французы замѣчательно умѣютъ устраивать игры и забавлять себя». Но искорѣ родители начинаютъ мѣшать этимъ дѣтскимъ забавамъ изъ боязни, что ребенокъ ушибется, опарается или разорветъ себѣ нарядное платье. Еще недавно въ нѣкоторыхъ скверахъ дѣтямъ запрещалось играть на лужайкахъ. Если французскіе воспитатели и расходятся съ родителями во взглядѣ на физическое воспитаніе, то все-же не дозволяютъ шумныхъ игръ изъ боязни материнскихъ упрековъ и сценъ. Даже въ арміи это чувствуется, и кавалерійскіе офицеры запрещаютъ вольноопредѣляющимся скачку въ галопъ, боясь въ случаѣ паденія кого-нибудь изъ нихъ «навлечь на себя непріятности со стороны ихъ родственниковъ».

Сами по себѣ молодые французы не были-бы робкими, но ихъ родители и воспитатели вѣчно дрожатъ за нихъ.

III.

Укрѣпить, закалить животное—вотъ цѣль физическаго воспитанія, задача-же воспитанія нравственнаго вложить въ это животное душу тоже сильную, но простую, открытую, честную и независимую. Оба эти воспитанія тѣсно связаны между собой; средствомъ для перваго служатъ физическія упражненія, орудіемъ втораго является такъ-называемая *тьюторская система* (systeme tutorial), или система «наставничества», которая, служа вмѣстѣ съ тѣмъ продолженіемъ воспитанія домашняго, проходитъ чрезъ среднюю школу и самый университетъ.

12 лѣтъ англійскій ребенокъ поступаетъ въ училище. Здѣсь онъ находитъ человѣкъ 30 товарищей, которые, подобно ему, на пять или на шесть лѣтъ, т. е. до самаго выхода изъ школы, дѣлаются приемными дѣтьми одного общаго учителя, ихъ tutor'a, наставника, который помѣщаетъ ихъ въ своемъ домѣ и управляетъ ихъ умами. Въ началѣ нынѣшняго вѣка школьные нравы въ Англіи были чрезвычайно грубы,—первенство принадлежало самымъ безцеремоннымъ и буйнымъ школьникамъ, и неограниченно царилъ fagging, т. е. особаго рода зависимость младшихъ учениковъ отъ старшихъ, такъ что 12-лѣтній мальчикъ долженъ былъ прислуживать 18-лѣтнему дѣтину, чистить ему сапоги и исполнять всѣ его порученія. Fagging до сихъ поръ существуетъ, но въ болѣе смягченной формѣ.

Школьная реформа была произведена докторомъ Томасомъ Арнольдомъ. Въ 1828 году онъ сдѣлался начальникомъ (headmaster) въ

Регби, и съ этого времени для англійскаго воспитанія начинается новая эра. Арнольдъ задался цѣлью создать новый типъ *христианна джентльмена*. Это удалось ему, главнымъ образомъ благодаря вліянію собственной личности. Серьезный, даже съ виду суровый священникъ, онъ при первой встрѣчѣ внушалъ не только уваженіе, но и нѣкую боязнь; зато потомъ его простое обращеніе, откровенная рѣчь, отеческое довѣріе, съ которымъ онъ относился къ дѣтямъ, завоевывали ему ихъ сердца. Арнольдъ интересовался не одними занятіями, но и играми дѣтей, какъ средствомъ изучить индивидуальность каждаго. Онъ самъ произносилъ воскресныя проповѣди въ церкви, и онѣ служили ему могучимъ орудіемъ нравственнаго воспитанія. Кромѣ того, онъ чутко прислушивался ко всякой житейской злобѣ дня, писалъ журнальныя статьи, работалъ надъ римской исторіей, издавалъ Фукидиду и всюду вносилъ съ собою дѣятельность и оживленіе. «Чѣмъ болѣе я занятъ важными вопросами политики и морали», говорилъ онъ: «тѣмъ полезнѣе это для школы».

Въ новой воспитательной системѣ господствовала централизація,— все исходило отъ одного человѣка; но ему необходимы были помощники, и онъ нашелъ ихъ въ лицѣ учителей, которые прежде занимались только обученіемъ, а теперь, каждый изъ нихъ сталъ во главѣ известной, отдѣльно помѣщенной группы воспитанниковъ, и сдѣлался ихъ *наставникомъ* (tutor *).

Др. Арнольдъ обратилъ особенное вниманіе на старшихъ воспитанниковъ; онъ назначалъ ихъ *помощниками учителей* (monitors), ввѣнивъ имъ въ обязанность наблюдать за дисциплиной и сдѣлавъ ихъ лицами отвѣтственными. Такимъ образомъ, онъ воспользовался старымъ институтомъ, видоизмѣнивъ его къ лучшему. Арнольдъ относился къ дѣтямъ съ величайшимъ довѣріемъ, но взаимно требовалъ отъ нихъ полной откровенности. Онъ внушилъ послѣдующимъ поколѣніямъ отвращеніе ко лжи: ложь самый ужасный проступокъ для англійскаго школьника; назвать англичанина лжецомъ значитъ нанести ему самую смертельную обиду, какая только возможна.

Таковы главныя реформы Арнольда, и съ тѣхъ поръ воспитаніе въ public schools основано на слѣдующихъ элементарныхъ принципахъ: 1) слѣдуетъ изучить характерныя особенности каждаго ребенка и пользоваться ими; 2) надо всегда обращаться къ лучшимъ чувствамъ дѣтей и дѣйствовать именно на эти чувства.

Public school—англійское государство въ миниатюрѣ. Съ одной стороны мы видимъ правительство, дѣйствующее осторожно, скорѣй вліяющее, чѣмъ приказывающее; агентами его являются *мониторы*, которые въ младшихъ классахъ привыкли повиноваться разумнымъ приказаніемъ и теперь сами ихъ отдають, стараясь служить хорошимъ примѣромъ для другихъ и постоянно справляясь съ общественнымъ мнѣніемъ: они уважають независимость каждаго, если она не вредитъ

*) Раньше интерны размѣщались у частныхъ лицъ, известныхъ школьной администраціи, но такой порядокъ оставалъ желать многого, потому что въ подобныхъ пансіонахъ преслѣдовались не педагогическія, а коммерческія цѣли.

общему благу. Съ другой стороны видимъ толпу мальчиковъ съ значительно развитымъ чувствомъ уваженія къ собственной личности и къ личности другаго; въ нихъ крѣпко сознание необходимости извѣстной солидарности и подчиненія общепринятымъ правиламъ.

Бываютъ, правда, случаи, что мониторы злоупотребляютъ своей властью, и, по словамъ Дьюкса (Dukes. Health ut school), служившаго когда-то въ Регби, Арнольдская система претерпѣла много нежелательныхъ измѣненій, но за нее говорить ужъ самая возможность слѣдующихъ фактовъ. Въ 1892 г. въ снѣжную бурю на Монбланѣ погибъ нѣкто Неттльшипъ, членъ (fellow) одной изъ оксфордскихъ коллегій, извѣстный ученый и первоклассный воспитатель. Въ появившихся по этому случаю некрологахъ особенно подробно рассказывалось о его дѣятельности, какъ главнаго монитора (старшаго помощника), въ той школѣ, гдѣ онъ получилъ среднее образованіе, о его благотворномъ влияніи на своихъ сотоварищей.

Въ университетахъ принята та же система «наставничества», и даже по окончаніи курса молодыми людьми *тьюторы* остаются не рѣдко ихъ лучшими друзьями.

Въ англійскихъ школахъ рѣдко прибѣгаютъ къ наказаніямъ, стараясь дѣйствовать скорѣе на чувство чести у воспитанника, на сознание ответственности за свои поступки. Такая система введена, какъ уже сказано, Арнольдомъ, но раньше, въ началѣ вѣка, розга и хлыстъ считались универсальными средствами исправленія, учитель безъ хлыста былъ немислимъ. Теперь хлыстъ остался еще въ немногихъ школахъ и то, какъ *ultima ratio*; къ нему прибѣгаютъ только въ случаяхъ лжи или проступковъ противъ нравственности. Зато практикуется открытое или тайное исключеніе, и страхъ быть исключеннымъ сильно дѣйствуетъ на учениковъ, потому что каждый изъ нихъ гордится честью принадлежать къ той или другой извѣстной школѣ.

Если работа небрежно сдѣлана, или урокъ плохо выученъ, ученикъ обязанъ приняться за нихъ снова, его не запираютъ для этого въ карцеръ, не лишаютъ права играть съ товарищами, но онъ знаетъ, что долженъ найти время для этой работы. Карцеръ, къ счастью, неизвѣстенъ въ Англии, и на французскихъ воспитателяхъ лежитъ всецѣло стыдъ изобрѣтенія этого наказанія, лишающаго ребенка воздуха и движенія только за то, что преподаватель не сумѣлъ заинтересовать его своимъ предметомъ. Сажая своихъ питомцевъ, то и дѣло, въ карцеръ, они сами признаются въ собственной несостоятельности. По словамъ министра народнаго просвѣщенія, г. Буржуа, дисциплина въ школахъ стала мягче; на дѣлѣ-же это смягченіе ограничивается тѣмъ, что репетиторы и профессора небольшихъ лицеевъ лишены права наказывать сами и должны за утвержденіемъ обращаться къ директору.

Религія, какъ извѣстно, играетъ важную роль въ каждой англійской школѣ—до сихъ поръ остались девизомъ слова Арнольда: школа должна давать христіанъ-джентльменовъ. Всюду старательно изучается и комментируется Библия; при поступленіи въ университетъ необходимо сдать экзамень по Закону Божію. Англійское духовенство до сихъ

поръ крѣпко держать школы въ своихъ рукахъ, и headmaster' (или директорами) школъ являются по большей части лица духовныя, впрочемъ, за послѣднее время эта традиція нѣсколько поколебалась. Въ 1886 г. изъ 21 школы въ 19 были начальниками священники. Англичане полагають, что самый санъ служителя Божія содѣйствуетъ авторитету. Большинство этихъ духовныхъ лицъ принадлежитъ къ господствующей церкви и именно къ главной ея сектѣ, такъ называемой Высокой церкви, придающей значеніе обрядовой сторонѣ; въ духѣ этой церкви и ведется религіозное обученіе. Ревизіи 1862 и 1865 год. обнаружили, что господствующая церковь, завладѣвъ повсюду средними школами, основанными на пожертвованныя деньги, не допускала въ нихъ совсѣмъ диссидентовъ, лишивъ такимъ образомъ значительную часть населенія возможности пользоваться училищами. Поэтому актами 1868 и 1869 годовъ было постановлено, что подобныя школы должны быть открыты для всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданій, если жертвователъ не сдѣлалъ на этотъ счетъ особаго распоряженія.

Такова въ общихъ чертахъ организація англійскихъ школъ.

Безъ сомнѣнія, было-бы желательно, чтобъ и дѣти среднихъ классовъ проходили чрезъ ту-же систему «наставничества», какъ и аристократы, но, къ сожалѣнію, это—роскошь, доступная только богачамъ. Стало быть, демократической Франціи здѣсь, повидимому, нечего заимствовать. Но дѣло въ томъ, что всѣ англійскія школы проникнуты аристократическимъ духомъ, и хоть дешевыхъ интернатовъ нѣтъ, и дѣти небогатыхъ родителей посѣщаютъ школы для приходящихъ, но тамъ господствуетъ та-же дисциплина, что и въ public schools.

IV.

Изъ сказаннаго видно, какъ мало выигрываютъ, и какъ много проигрываютъ французы, не обращая вниманія на физическое и нравственное воспитаніе молодежи. Еще недавно одинъ бывшій профессоръ, взглянувъ на дѣло, какъ отецъ семейства и философъ, такъ выразился по этому вопросу: «Наше воспитаніе не образуетъ гражданъ. Напротивъ того, здѣсь все сводится къ тому, чтобы убить всякую энергію, всякій духъ инициативы». Тѣмъ въ своихъ прекрасныхъ отдѣлахъ о французской школѣ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: «Чтобы получить среднее образованіе, наше молодое поколѣніе проводитъ свои школьные годы въ свѣтскихъ или духовныхъ интернатахъ, гдѣ царитъ казарменный или монастырскій режимъ. Слѣдуетъ, чтобъ юноша, вступая въ жизнь, умѣлъ-бы хотѣть, умѣлъ настоять на своемъ; но вѣдъ свойство не можетъ развиваться безъ упражненія, а интернатъ старается убить его въ воспитанникѣ. Отсюда и возникаетъ все возрастающій разладъ между школой и жизнью. Не давая своимъ питомцамъ самаго важнаго, простого здраваго смысла, крѣпкихъ нервовъ, твердой воли, школа дѣлаетъ ихъ негодными для будущаго.

Втеченіе XIX вѣка Франція перемѣнила нѣсколько конституцій, но воспитательная система, установленная Бонапартомъ, пережила

всѣ политическія бури. 20 лѣтъ тому назадъ Франція возстановила республику, она воображаетъ себя свободной, но какъ-же приготовляются къ свободѣ тѣ, которые родились послѣ 1870 года?

Если июльская монархія не осмѣлилась, а республика 1848 года не успѣла отдѣлаться отъ опаснаго наслѣдія Наполеона, то почему-же не предприметь этого третья республика, у которой есть достаточно досуга для этого? Понимаетъ-ли она, какой опасности подвергается, воспитывая гражданъ для свободы съ помощью той-же педагогической системы, которая была изобрѣтена лишь въ видахъ подержанія тиранніи? Въ нашихъ лицахъ мы видимъ чисто военную дисциплину, и воспитанники являются кикими-то человѣческими молекулами, которыя съ помощью огромнаго жернова, управляемаго министромъ, перемалываются въ ничтожный прахъ (*poussière d'humanité*),

Большинство нашихъ учителей видятъ зло, но не въ силахъ измѣнить его: всякая личная попытка наталкивается на циркуляръ.

«Лицей», пишетъ одинъ изъ молодыхъ университетскихъ преподавателей *); «долженъ быть скорѣе школой характера, чѣмъ ума. Цѣль обученія—нравственное воспитаніе, образованіе должно служить только средствомъ. Слова учителя должны заводновать наши сердца, одушевлять ихъ благородными чувствами, возмущать души учениковъ». Прекрасныя слова, но какъ осуществить ихъ съ помощью тѣхъ средствъ, которыя находятся въ рукахъ у профессора? Втѣченіе школьныхъ мѣсяцевъ онъ только по нѣскольку разъ въ недѣлю видитъ учениковъ. Ученикъ переходитъ изъ рукъ въ руки, но ни одна рука не протянется ему дружески. На какую сторону склонится дѣтская слабая и неопытная душа? Что произведетъ на нее болѣе впечатлѣнія? Слова ли учителя, который съ высоты кафедръ обращается ко всему классу, такъ что вліяніе *человѣка на человѣка* здѣсь не можетъ имѣть мѣста, или жизнь, которая охватываетъ его всюду, на дворѣ, на улицѣ, въ дортуарахъ, въ общей столовой, не говоря уже о знакомствахъ, о случайныхъ дружескихъ связяхъ? Можетъ-ли быть благотворно нравственное вліяніе, если преподаватель одно лицо, а воспитатель другое, если тотъ, кто развиваетъ умъ, не обязанъ слѣдить за развитіемъ характера? Въ сущности, это одна и таже задача, и она должна быть ввѣрена одному и тому-же лицу.

Но какъ выполнить эту задачу въ нашихъ переполненныхъ интернатахъ? И съ другой стороны, не будетъ-ли несправедливо, увеличивъ плату, уменьшить число тѣхъ, кому можетъ быть доступно среднее образованіе? Вопросъ объ интернатахъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ социальный. Не трогайте ихъ, а тогда вы закроете мелкой бужуапѣ, главному слою французскаго населенія, доступъ къ образованію. Мы не предполагаемъ ничего подобнаго, но возстаемъ противъ переполненія интернатовъ, переполненія, при которыхъ никакое нравственное вліяніе на учениковъ невозможно. Мы желаемъ, чтобы родители — французы пришли къ убѣжденію, что лицей—казарма наихудшее изъ

*) Ch. Bondhors. Revue Bleue. 19 septembre 1891.

воспитательныхъ учреждений. Въ этомъ вопросѣ заинтересована вся нація. Рискаю лишиться нѣсколькихъ интеллигентовъ, мы должны всѣмъ пожертвовать, чтобы только создать твердые характеры и здоровые организмы. Вотъ какъ одинъ проникательный мыслитель характеризуетъ духъ и результаты англійскаго воспитанія (мы цитируемъ его послѣднимъ, потому что онъ какъ-бы резюмируетъ всѣ приведенные нами аргументы): «Англійское воспитаніе дѣлаетъ изъ человѣка сначала великолѣпнаго дикаря, но дикаря, способнаго воспринять и двинуть впередъ любую цивилизацію. У него сохраняются любовь къ живымъ и ощутительнымъ истинамъ, сознательная, стойкая честность, стремленіе не беречь свои силы, но дать имъ полный ходъ. Онъ не предназначается специально для одной какой-нибудь профессіи, но получаетъ такой физическій и моральный складъ, который даетъ ему возможность вступить на какое угодно поприще. Это воспитаніе создало націю, которая владѣетъ цивилизаціей, но не даетъ ей себя портить».

Сначала должно подвергнуться реформѣ семейное воспитаніе: пусть мѣсто безпокойной, разнѣживающей родительской заботливости заступитъ закаляющая свобода (*le laisser faire*); просвѣщенное довѣріе замѣнитъ собою вѣчный подозрительный надзоръ. Надо, чтобы вся нація прониклась убѣжденіемъ, что свобода не создается экспромтомъ, не предписывается декретами, а приобретається и преподається постепенно, посредствомъ опыта и воспитанія.

Переводъ Н. Леонтьевой.

Важный пробѣлъ въ женскомъ воспитаніи.

(Докладъ въ «Обществѣ содѣйствія физическому развитію», читанный 19-го февраля 1894 года).

Уставъ «Общества содѣйствія физическому развитію» начинается слѣдующими словами: «Общество имѣетъ цѣлью разработывать вопросы, относящіеся къ физическому воспитанію и образованію, въ видахъ установленія правильнаго взгляда родителей и воспитателей на этотъ предметъ». Эта задача—установленіе правильнаго взгляда родителей и воспитателей—является, по моему мнѣнію, самою важною, самою капитальною стороною дѣятельности нашего Общества, и въ то же время самою трудною въ смыслѣ осуществленія на дѣлѣ. Высказывались мнѣнія, что вопросы физическаго воспитанія уже разработаны всесторонне, дебатировались и въ специальныхъ и въ общихъ журналахъ, и что ознакомиться со взглядами современной науки на эти вопросы каждый можетъ самъ по себѣ, безъ всякаго содѣйствія со стороны Общества, которое должно направить всѣ свои силы главнымъ образомъ на другую задачу, выраженную въ уставѣ: «практически содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, физическому развитію дѣтей и молодыхъ людей обоого пола». Но такъ-ли это? Дѣйствительно-ли, центр тяжести дѣятельности нашего Общества лежитъ въ практической сторонѣ?

Между дѣтьми и молодыми людьми обладающіе хорошимъ физическимъ развитіемъ встрѣчаются въ меньшинствѣ; большинство-же развито неудовлетворительно. Поддержаніе развитія первыхъ и достиженіе еще болѣе совершенныхъ результатовъ, какъ мнѣ кажется, является задачею далеко не столь существенною, какъ поднятіе развитія тѣхъ, у кого оно недостаточно. Присмотритесь къ нашимъ дѣтямъ. Большинство изъ нихъ имѣетъ неправильно сформированный скелетъ, болѣе или менѣе ясно выраженное искривленіе позвоночника, неодинаковую высоту плечъ, остатки перенесенной въ раннемъ дѣтствѣ англійской болѣзни; мускулатура ихъ слаба и дрябла, органы чувствъ не развиты, глаза, большею частью, успѣли пріобрѣсти близорукость, глазомѣръ не развитъ, нѣтъ ни ловкости, ни увѣренности въ движеніяхъ и,—что всего хуже,—нѣтъ привычки къ движенію, нѣтъ и желанія расправить свои вялыя мышцы. Попадаются гимназисты, которые уже страдаютъ гемороемъ.

И вотъ такому-то юношеству мы идемъ на помощь, даемъ ему возможность поиграть, подблать физическія упражненія, побѣгать на конькахъ, совершить загородную прогулку. Все это прекрасно; но все, что мы, т. е. Общество, можемъ дать юношеству, это сводится главнымъ образомъ на лучшее развитіе мускулатуры и на приобрѣтеніе умнѣнья пользоваться ею. Правда, это вызоветъ лучшее развитіе дыхательнаго аппарата, сдѣлаетъ организмъ вообще крѣпче, устойчивѣе, сильнѣе въ борьбѣ съ внѣшними вліяніями, но все-же не охватитъ всей совокупности того, что понимается подъ физическимъ развитіемъ, не исправитъ цѣлаго ряда недостатковъ; не измѣнитъ всей картины, которую мы набросали раньше. Другими словами, въ существующемъ уже молодомъ индивидуумѣ только нѣкоторыя недостатки и погрѣшности физическаго развитія могутъ, такъ сказать, заднимъ числомъ быть исправлены, остальные уже останутся при немъ на всю жизнь. Что же изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, что для юношества гораздо важнѣе съ самаго начала получать правильное физическое воспитаніе, а не переживать сперва рядъ всевозможныхъ воспитательныхъ ошибокъ, а затѣмъ воспитательныхъ исправленій. Но отчего-же, какъ оказывается, въ общемъ такъ дурно воспитываются дѣти, и кто въ этомъ виновать?

Прежде всего, конечно, каждый укажетъ на учебное заведеніе: дурно провѣтриваемые классы, неправильные школьные столы, игнорированье физической стороны воспитанія и т. д. и т. д. Съ этимъ нельзя не согласиться, но можно-ли сваливать всю вину на школу и даже не задумываться о возможности и другихъ причинъ. Что-же въ семьѣ-то, развѣ въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно? Далеко нѣтъ. А между тѣмъ вѣдь физическое воспитаніе начинается съ самаго рожденія ребенка, и до 10-лѣтняго возраста онъ всѣмъ, что у него есть, всѣмъ своимъ здоровьемъ и развитіемъ обязанъ исключительно семейному воспитанію. Въ немъ, въ его неудовлетворительности и лежитъ корень зла, и на него я и хочу обратить ваше вниманіе. Учебное заведеніе только поддерживаетъ то зло, начало котораго уже заложено въ семьѣ и успѣло дать свои результаты.

Говоря о домашнемъ воспитаніи, я припоминаю цѣлый рядъ иллюстрацій изъ жизни, ясно подтверждающихъ всю несостоятельность этого воспитанія. Каждому дѣтскому врачу приходится наталкиваться въ интеллигентныхъ семьяхъ на такія нелѣпости, на такія несообразности въ воспитаніи дѣтей, что многіе случаи могли-бы быть приняты за анекдотъ. Но чѣмъ же это объяснить? Вѣдь, у насъ нѣтъ недостатка въ популярныя книги для матерей, составленные очень компетентными и добросовѣстными специалистами; у насъ есть педагогическія журналы, читаемые не только педагогами, но и матерями; въ Петербургѣ наконецъ есть «Родительскій вѣстникъ», специально существующій для матерей. Значитъ, казалось бы, каждая мать, желающая познакомиться съ вопросами воспитанія, не должна бы встрѣчать препятствій въ достиженіи своей цѣли. Все это такъ; дѣйствительно, при *сознаніи* необходимости въ самообразованіи каждая мать можетъ достигнуть очень хорошей подготовки для роли воспитательницы; и

я долженъ сказать, что встрѣчаются такія матери, которыя ведутъ ребенка замѣчательно правильно, имѣютъ всѣ основныя понятія о главныхъ заболѣваніяхъ дѣтей. Какъ пріятно бываетъ, когда указанія врача падаютъ на такую почву, и во сколько разъ плодотворнѣе дѣятельность врача въ такой семьѣ! Но, къ сожалѣнію, такія матери составляютъ исключеніе. Большинство же изъ нихъ совершенно не подготовлены къ своему дѣлу и вовсе не умѣютъ за него взяться, хотя бы и искренне желали дать ребенку наилучшее воспитаніе. И происходитъ это потому, что женщина обыкновенно не смотритъ на воспитаніе дѣтей какъ на такую дѣятельность, которая требуетъ большихъ знаній, и потому и не готовится къ ней. И вотъ результаты на лицо. У 6-мѣсячнаго ребенка сдѣлался родимчикъ; позвали доктора. Родимчикъ скоро прекратился, докторъ осмотрѣлъ ребенка. «Вашъ сынъ, говоритъ онъ, не гарантированъ отъ повторенія родимчиковъ; у него сильно выражена англійская болѣзнь и рѣзкое размягченіе затылочной кости. Расскажите подробно, какъ вы кормите ребенка». Оказывается, что со 2-го мѣсяца ребенка прикармливаютъ, потому что у матери мало молока. Докторъ свидѣтельствуетъ мать и находитъ, что у нея молока совершенно достаточно. Недостатокъ молока—это видумка няньки, не разбирающей, конечно, что ребенокъ кричалъ вовсе не отъ голоду, а отъ боли въ животѣ. Нянька сказала, что пора прикармливать ребенка, и молодая мать ее послушалась. Началось кормленіе кашкой со 2-го мѣсяца. «Кто же вамъ посоветовалъ давать кашку, вѣдь на 2-мъ мѣсяцѣ она не можетъ перевариться?» «Да я, право, не знаю; а что же ему слѣдовало давать?» Дальнѣйшая бесѣда показываетъ, что у ребенка все время была такъ наз. диспепсія, но что на это не обращалось вниманія, такъ какъ родственницы говорили, что это не важно, что ребенокъ ходитъ «зелено»; съ вѣмъ, дескать, этого сначала не бываетъ. Устройство дѣтской и другія подробности—все оказывается неудовлетворительно.

Такимъ образомъ первое основаніе будущаго развитія заложено уже неправильное. Ребенокъ, родившійся очень здоровенькимъ, выглядить слабоватымъ, блѣднымъ, поздно начинаетъ ходить; скелетъ получаетъ пѣлый рядъ неправильностей, свойственныхъ англійской болѣзни; сонъ у ребенка беспокойный, развивается повышенная нервная раздражительность и т. д. За что-же страдаетъ ни въ чемъ неповинный ребенокъ? Мать, вполне интеллигентная женщина, просто не знаетъ, что кормить ребенка надо по правиламъ, выработаннымъ наукой, что обо всемъ, что ей рассказалъ докторъ, позванный по случаю появленія родимчика, она могла-бы своевременно прочесть въ книгахъ, и тогда правильное воспитаніе предупредило-бы и всѣ возникшія послѣдствія. Въ нашемъ примѣрѣ все кончилось еще сравнительно благополучно, но чаще воспитаніе отъ начала до конца такъ и ведется кое-какъ; а то бываетъ и такъ, что потеря перваго ребенка заставляетъ мать задуматься надъ тѣмъ, что ей слѣдовало-бы знать раньше. И все это я говорю, имѣя въ виду интеллигентныя семейства. Но отчего-же происходитъ такое легкомысленное отношеніе къ любимому ребенку? Дѣвушка, закончившая свое воспитаніе, прошедшая

въ учебномъ заведеніи полный курсъ наукъ, а дома получившая всё наставленіи, какъ надо себя вести въ обществѣ, совершенно не имѣтъ понятія о той роли, которая выпадетъ на ея долю, когда она станетъ матерью. Существующій теперь курсъ педагогики этого пробѣла не восполняетъ по многимъ причинамъ; учебники по педагогикѣ не удовлетворяютъ своему назначенію, не говоря уже о томъ, что о физическомъ воспитаніи тамъ трактуется такъ поверхностно, что, какъ это и подтверждаетъ жизнь, результаты оказываются незамѣтны *). Но возможно-ли вообще знакомить дѣвушекъ въ учебномъ заведеніи съ воспитаніемъ ребенка? На это есть нѣсколько возраженій. Одни говорятъ, что на это нѣтъ времени. Если это правда, то лучше отнять время отъ другого предмета, но не лишать дѣвушекъ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣютъ такое огромное значеніе какъ для нихъ, такъ и для дѣтей, а слѣдовательно и для государства.

Вѣдь времени нужно вовсе не много; вѣдь свѣдѣнія, которыя можно сообщать въ средне-учебномъ заведеніи, имѣютъ цѣлью готовить не женщинъ-врачей, а будущихъ матерей. Важно дать понятіе объ основахъ воспитанія, поселить серьезное отношеніе къ этому дѣлу, пробудить потребность потомъ, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, пополнять эти свѣдѣнія,—словомъ, скорѣе положить начало къ приобрѣтенію этихъ знаній, чѣмъ дать ихъ въ размѣрѣ, не соотвѣтствующемъ возрасту старшихъ гимназистокъ.

Второе возраженіе противъ введенія въ курсъ женскихъ учебныхъ заведеній основъ физическаго воспитанія—это неудобство, это какъ-бы неприличіе учить 16-лѣтнихъ дѣвушекъ воспитывать дѣтей и тѣмъ развивать въ нихъ преждевременно инстинктивное желаніе самимъ сдѣлаться матерями.

Въ этомъ вопросѣ бесполезно вести споръ отвлеченно. Скажу только, что въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ, правда, семьяхъ встрѣчается такое отрадное явленіе, что старшія дочери помогаютъ матери въ воспитаніи самыхъ младшихъ членовъ семьи. Дѣвушка лѣтъ 15—16 и купаетъ, и одѣваетъ малютку, и даетъ ему лѣкарства, и замѣняетъ мать, когда надо посидѣть ночью около больнаго ребенка. Могу сказать, что такія дѣвушки производятъ самое отрадное, самое симпатичное впечатлѣніе. Приучившись жить одною жизнью со всѣми интересами, горестями и радостями семьи, онѣ и въ свою семью внесутъ духъ семейнаго единства, онѣ будутъ на опытѣ знать все значеніе такого духа. Что касается до инстинктовъ материнства, то современная дѣвушка такъ окружена атмосферой всякихъ дурныхъ вліяній, такъ много слышитъ и видитъ всякихъ ухаживаній, такъ много получаетъ чувственныхъ впечатлѣній, что, конечно, въ ней преждевременно пробуждаются нежелательные инстинкты. Мнѣ кажется, что если дѣвушка будетъ знать, что ей предстоитъ трудная, отвѣтственная, но очень важная дѣятель-

*) Въ Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ, какъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ какъ читаются специалистками, обыкновенно женщинами-врачами, небольшіе курсы физиологии и гигиены во II, т. е. предпоследнемъ классѣ.

ность воспитательницы своих дѣтей, если объ этой роли ей будутъ говорить въ надлежащемъ серьезномъ тонѣ, то это должно скорѣе имѣть глубоко-нравственное значеніе и даже служить противовѣсомъ другимъ дѣйствительно вреднымъ влияніямъ.

Третье возраженіе: дѣвушки кончаютъ средне-учебныя заведенія въ такомъ возрастѣ, когда онѣ слишкомъ юны, чтобы вполне справиться съ такимъ курсомъ.

Посмотримъ, что показываетъ опытъ. Въ Екатеринославскомъ желѣзнодорожномъ общеобразовательномъ училищѣ въ программу включены слѣдующіе пять предметовъ: гигиена, уходъ за больными, подачіе первой помощи до прибытія врача, уходъ за дѣтьми и физиологія питанія. Каждый предметъ беретъ по 1 часу въ недѣлю. Дѣвушки вполне справляются съ курсомъ и во всякомъ случаѣ, если бы онѣ и не усваивали себѣ нѣкоторыхъ частностей, то онѣ, навѣрно, не проявятъ такого легкомыслія, какъ та образованная мать, о которой я говорилъ раньше.

Во всякомъ случаѣ, я лично считаю, что возраженіе насчетъ возраста безусловно имѣетъ извѣстное значеніе, и что введеніе въ курсъ средне-учебныхъ заведеній основъ физическаго воспитанія еще не въ состояніи сломать ту полную неподготовленность матерей, которая теперь составляетъ чуть-ли не общее правило. Вообще воспитаніе ребенка—это такой предметъ, который трудно вмѣщается въ рамки учебника. Учебное заведеніе можетъ обогащать знаніями, тогда какъ въ столь юномъ возрастѣ важнѣе не знаніе деталей, а пріобрѣтеніе сознанія о томъ, что изученіе этихъ деталей составляетъ долгъ каждой женщины.

Когда и какъ, однако, получить эти знанія?

Для выполненія этой задачи возникли попытки созданія «школъ для матерей». Такія школы имѣются въ Миланѣ, въ Туринѣ, и, вѣроятно, рано или поздно найдется возможность основать подобную школу и у насъ. Мысль эта заслуживаетъ полнаго сочувствія, но вѣдь извѣстно, какъ медленно, какъ туго прививаются у насъ всякія новыя благія начинанія.

И такъ къ чему-же мы пришли? Учебныя заведенія могутъ оказать извѣстную пользу, но большихъ надеждъ на это нельзя возлагать. Единственно, что можетъ вселить въ женщинѣ стремленіе къ серьезному изученію основъ физическаго воспитанія, это влияніе семьи. Пусть каждая мать, помня о своихъ ошибкахъ, воспитывая дочерей, прежде всего держитъ ихъ въ кругу интересовъ семьи, пусть ихъ, еще подростковъ, приучаетъ помогать себѣ въ уходѣ за дѣтьми.

Пока дѣти еще учатся въ гимназіи, учебное заведеніе тоже можетъ оказать извѣстную долю пользы, если дастъ соотвѣтственно составленный курсъ. Но не въ этомъ дѣло. Пусть учебное заведеніе поможетъ матери тѣмъ, что не будетъ давать на домъ слишкомъ много работы. Вѣдь, при настоящемъ количествѣ задаваемыхъ уроковъ дѣти поневолѣ все сидятъ за учебниками, и привлеченіе ихъ въ кругъ семейныхъ интересовъ прямо невыполнимо при всемъ желаніи.

Когда дѣвочки станутъ взрослыми дѣвушками, пусть мать прило-

жить все стараніе, чтобы поселить въ нихъ уваженіе къ предстоящей имъ роли, никогда не отзываясь насмѣшливо «о пеленкахъ, о распашенкахъ» и т. д., пусть напоминаетъ почаще, что на ребенка нельзя смотрѣть, какъ на предметъ для забавы, пусть сдѣлаетъ указанія, что необходимо прочесть по главнымъ отраслямъ педагогики. Каждое слово, каждое наставленіе матери не пропадетъ даромъ и будетъ оцѣнено и помянуто съ признательностью дочерью, когда у нея будутъ свои дѣти. Говоря здѣсь о физическомъ образованіи, считаю своимъ долгомъ сказать, что въ кругъ обязательной подготовки каждой матери я считаю необходимымъ включить, конечно, свѣдѣнія и о воспитаніи нравственномъ, умственномъ, эстетическомъ и т. д. Свѣдѣнія этого рода еще важнѣе, чѣмъ свѣдѣнія о физическомъ воспитаніи. Но здѣсь я затрогиваю только эту сторону дѣла. Только тогда, когда воспитаніе ребенка будетъ поставлено правильно съ момента его рожденія, тогда произойдетъ подъемъ физическаго и нравственнаго благосостоянія будущихъ поколѣній. Каждый, кто сочувствуетъ задачамъ физическаго развитія, долженъ глубоко проникнуться мыслью, что вся сила—въ правильномъ семейномъ воспитаніи, въ подготовленныхъ матеряхъ.

Кончивъ курсъ, дѣвушка большею частью имѣетъ много свободного времени, ищетъ какихъ-либо занятій, иногда убивая досуги самымъ непроизводительнымъ образомъ, и вотъ тогда-то она можетъ заняться чтеніемъ, тѣмъ болѣе, что и по возрасту ей будутъ уже доступны всѣ книги. Всѣ неудобства изученія педагогики въ гимназій здѣсь уже не имѣютъ мѣста, и это время является наилучшимъ періодомъ для того, чтобы позаняться вопросами о воспитаніи. Первый годъ замужества, пока еще нѣтъ дѣтей, а мужъ проводитъ полъ дня на службѣ, тоже бываетъ не мало времени. Послѣдніе годы стали получать все большее распространеніе т. наз. «ясли» т. е. дневные приюты для дѣтей рабочаго класса. Если бы всѣ дѣвушки и молодыя женщины, располагающія временемъ, примыкали къ этимъ учрежденіямъ и принимали въ нихъ непосредственное участіе! Сами онѣ причались бы къ уходу за дѣтьми, привыкали бы къ нимъ вообще, принося въ то же время весьма большую пользу бѣдному люду. Я не говорю уже о томъ воспитательномъ и нравственномъ значеніи, которое имѣетъ эта работа на пользу нуждающагося класса. Вѣдь сколько людей живутъ, никогда не видавъ бѣдности, не имѣя понятія о томъ, какая страшная вещь—нужда!

Все, что я говорю сегодня, конечно, не разъ уже высказывалось въ печати. Мнѣ хотѣлось только обратить ваше вниманіе на то, что хотя у насъ есть очень образованныя матери, но что общій ихъ уровень не соответствуетъ требованіямъ, которыя должно предъявлять къ интеллигентной женщинѣ. Для общества настоятельно необходимо поднять этотъ общій уровень, и распространять надлежащій взглядъ на необходимость женщинамъ готовиться къ поприщу матери. Конечно, это должно составлять предметъ воспитанія и при томъ вслѣдъ за окончаніемъ гимназическаго образованія. Получивъ сперва всѣ свѣдѣнія, входящія въ кругъ общеобразовательнаго курса, каждая дѣвушка

должна завершить свое воспитаніе, получить спеціальныя знанія, необходимыя каждой женщинѣ, могущей не только производить на свѣтъ дѣтей, но и давать имъ разумное воспитаніе.

Поэтому, всѣ, кто имѣетъ какое-бы то ни было отношеніе къ подростяющему женскому поколѣнію,—въ качествѣ ли матери, воспитательницы, учителя и т. д.,—пусть непрестанно старается пополнить тотъ важный пробѣлъ въ воспитаніи женщинъ, который такъ тяжело отзывается на ихъ будущихъ дѣтяхъ. Всѣ наставленія, поученія, статьи, лекціи достигаютъ ушей только тѣхъ лицъ, которыя сами успѣли заинтересоваться вопросами физическаго воспитанія. А такихъ лицъ мало. Старайтесь пробудить этотъ интересъ въ тѣхъ, въ комъ его еще нѣтъ, и тогда подымется общій уровень матерей-воспитательницъ въ глубокомъ значеніи слова. Никогда не думайте, что воспитать дѣвочку гораздо легче и проще, чѣмъ мальчика. Отъ этой дѣвочки зависитъ здоровье, благосостоянье, счастье цѣлой семьи.

Вторая половина XIX-го столѣтія ознаменовалась большимъ движеніемъ въ смыслѣ появленія женщины на многихъ профессиональныхъ поприщахъ. Но главное поприще женщины, какъ матери и воспитательницы, *не должно быть низводимо на что-то низкое, на что-то только терпимое, допустимое въ силу человѣческой слабости.* Нерѣдко приходится слышать, какъ при дѣвушкахъ въ обществѣ, толкуя о дѣтяхъ, называютъ ихъ обузой. Что можетъ быть возмутительнѣе этого? Воспитаніе дѣтей въ семьѣ—это такая важная задача, передъ которой блѣднѣетъ большинство мужскихъ профессій.

А между тѣмъ многія дѣвушки наивно воображаютъ, что служеніе обществу мыслимо только до замужества. Стоитъ только дѣвушкѣ выйти замужъ и стать матерью, съ этихъ поръ она неизбежно погружается въ міръ мелкихъ заботъ, сфера идей для ея кругозора чрезвычайно суживается, и на смѣну интересовъ общественныхъ являются интересы исключительно семейныя. Надо ли говорить, насколько такое мнѣніе ошибочно, и что замужество открываетъ женщинѣ новые горизонты и даетъ ей широкую возможность приложить всѣ старанія, чтобы сдѣлать изъ дѣтей людей, здоровыхъ тѣломъ и духомъ, воспитать въ нихъ лучшія, гуманнѣйшія начала и даже содѣйствовать разработкѣ психологическихъ и физиологическихъ вопросовъ, относящихся къ дѣтскому возрасту? XIX-ое столѣтіе останется навсегда памятно въ исторіи женскаго вопроса. Пусть же XX-ый вѣкъ подниметъ значеніе женщины-воспитательницы и, внося въ это ея поприще побольше свѣту, окажетъ великую услугу человечеству!

Д-ръ С. А. Острогорскій.

Натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ.

Натуральнымъ методомъ преподаванія языка называютъ такой, при которомъ изученіе языка совершается съ помощію приемовъ, не сочиненныхъ а priori, а заимствованныхъ, такъ сказать, у самой природы, приемовъ, указываемыхъ требованіями природы и условіями дѣйствительной жизни. Натуральный методъ подражаетъ тому процессу, путемъ котораго каждый ребенокъ научается своему родному языку, и каждый иностранецъ—языку той чужой страны, въ которой онъ поселяется.

Характеристическими особенностями натурального метода должно признать слѣдующія: изученіе языка преимущественно въ качествѣ орудія для обмѣна мыслей; поставленіе лексическихъ упражненій въ тѣснѣйшую зависимость отъ чувственныхъ воспріятій и наблюденій; устраненіе пособія роднаго языка при изученія чужого.

На этихъ особенностяхъ натурального метода необходимо нѣсколько остановиться.

Очевидно, что при изученія чужого языка цѣли этого изученія могутъ быть весьма разнообразны. При этомъ овладѣніе языкомъ въ качествѣ орудія для обмѣна мыслей можетъ и не входить въ задачи обученія. Такъ, напримѣръ, можно изучать извѣстный языкъ для уясненія себѣ свойствъ другого языка, для разрѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ исторіи и археологіи, для вывода тѣхъ или другихъ законовъ психологіи и т. д. и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ степень овладѣнія языкомъ, какъ орудіемъ обмѣна мыслей, можетъ представляться обстоятельствомъ совершенно неинтереснымъ. Между тѣмъ въ преподаваніи по натуральному методу указанная сторона дѣла всегда сохраняетъ первостепенное значеніе. Натуральный методъ есть путь къ вѣрнѣйшему, быстрѣйшему и удобнѣйшему овладѣнію языкомъ, какъ орудіемъ обмѣна мыслей. Этою особенностію метода, какъ само собою очевидно, опредѣляются тѣснѣе и область, и предѣлы изученія. Въ виду указанной особенности натурального метода его называютъ также, хотя и неполнѣе точно, *разговорнымъ*.

Наблюденія надъ дѣтьми показываютъ, что совершенствованіе ихъ языка происходитъ параллельно прогрессируванію ихъ умственного развитія вообще. Лексиконъ ребенка тѣмъ сложнѣе, чѣмъ богаче міръ его понятій и представленій, но понятія и представленія ребенка, въ свою очередь, тѣмъ разнообразнѣе и отчетливѣе, чѣмъ шире и глубже

кругъ его чувственныхъ воспріятій; такимъ образомъ ребенокъ тѣмъ лучше говоритъ, чѣмъ правильнѣе мыслить, чѣмъ больше и внимательнѣе онъ наблюдаетъ. Въ виду такой связи языка съ дѣятельностію внѣшнихъ чувствъ, при натуральномъ способѣ преподаванія чужого языка дается самое широкое мѣсто элементу наглядности. Стараются о томъ, чтобы слово никогда не было только звукомъ, но вызывало живые образы, напоминало прожитыя впечатлѣнія. По такой связи натурального метода съ обученіемъ предметнымъ, методу даютъ также названіе *реального*.

Такъ какъ натуральный методъ не сочиняетъ приемовъ обученія языку, а переноситъ ихъ изъ жизни практической; въ жизни же языкъ изучается изъ него самого, безъ посредства какого-либо иного языка, то и преподаваніе по натуральному методу исключаетъ такое посредство. Натуральный методъ не терпитъ перевода. Онъ учитъ думать на изучаемомъ языкѣ.

Если сравнить натуральный методъ преподаванія языка съ обычнымъ и общепринятымъ въ учебныхъ заведеніяхъ, то нельзя не усмотрѣть между ними слѣдующихъ важныхъ практическихъ различій. Натуральный методъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ живой языкъ устной рѣчи; общепринятый же школьный методъ—языкъ книжный, литературный. Тамъ существо дѣла заключается въ практическихъ упражненіяхъ, здѣсь—въ законахъ языка и рѣчи. Тамъ—разговариваютъ и переписываются, здѣсь—читаютъ, переводятъ и учатъ грамматику.

Едва-ли имѣется надобность доказывать педагогическую состоятельность натурального метода обученія языкамъ. Всякое правильное обученіе прежде всего должно быть природосообразно. Но «природосообразность» не есть-ли то-же, что «натуральность»? Слѣдовательно, если методъ характеризруется какъ натуральный, то этимъ сказано все относительно его педагогическаго достоинства. Будучи натуральнымъ, этотъ методъ избираетъ пути, наиболѣе сообразныя съ законами развивающагося духа и наиболѣе соответствующіе свойствамъ изучаемаго матеріала. Будучи натуральнымъ, онъ представляетъ воспроизведеніе того естественнаго процесса, при помощи котораго образуются и накапливаются наши лексическія знанія.

Въ чемъ-же заключается этотъ естественный процессъ образованія языка? Первые проявленія способности къ рѣчи отличаются безформенностію. Но съ теченіемъ времени ребенокъ чаще и чаще начинаетъ произносить звуки, составляющіе очевидное воспроизведеніе тѣхъ словъ, которыя онъ чаще всего слышитъ около себя. Такъ ребенокъ тысячу разъ слышитъ «мама», «папа» и научается воспроизводить эти звуки. Между тѣмъ, наряду съ органомъ слуха, у ребенка дѣйствуетъ органъ зрѣнія. Постоянное совпаденіе извѣстныхъ звуковыхъ ощущеній съ впечатлѣніями зрительными мало-по-малу наводитъ ребенка на представленіе связи между предметомъ и его звуковымъ обозначеніемъ. Тогда ребенокъ, видя предметъ, вспоминаетъ и воспроизводитъ его звуковое обозначеніе, и, наоборотъ, слыша извѣстное слово, вспоминаетъ зрительный образъ, ему соответствующій.

Такъ полагается основаніе сознательной рѣчи. Съ дальнѣйшимъ накопленіемъ представленій и понятій и соотвѣтствующихъ имъ словъ, является ихъ группировка, ихъ разнообразное комбинированіе, является способность сужденія. Способность эта вырабатывается тѣмъ-же опытнымъ путемъ, какимъ получила способность словообразованія. Сужденія составляются сначала автоматически, во всемъ по подобію слышанныхъ образцовъ. Зрительныя и вообще внѣшнія ощущенія продолжаютъ играть свою выдающуюся роль, какую они имѣли при формированіи элементовъ рѣчи. Часто значеніе сужденій, выражаемыхъ окружающими людьми, становится понятнымъ ребенку лишь благодаря сопровождающей ихъ мимикѣ или другимъ внѣшнимъ сопутствующимъ условіямъ (напр., одобренію или порицанію).

Уяснивши существенныя черты и теоретическія основанія натурального метода, перейдемъ къ практической его сторонѣ. Чтобы получить понятіе о томъ, въ какого рода обработкѣ сообщается лексическій матеріалъ по натуральному методу, обратимся къ извѣстнѣйшимъ руководственнымъ изданіямъ специалистовъ. Робертъ Ничке въ своей брошюрѣ (*Theoretisch-practische Anleitung für das erste Lehrverfahren nach der natürliehen Methode*. Breslau, 1889) для первой ступени обученія предлагаетъ слѣдующій приблизительный планъ уроковъ.

1) *Названія предметовъ, находящихся въ классной комнатѣ.*

Учитель, находясь предъ классомъ съ указкою въ рукахъ, поворачивается къ двери, и, проводя по ней указкою, громко и отчетливо нѣсколько разъ произноситъ на изучаемомъ чуждомъ для дѣтей языкѣ: «это—дверь». Затѣмъ, вновь обращаясь къ классу и указывая на дверь, спрашиваетъ «что это такое»? Вопросъ повторяется сначала однимъ ученикамъ, потомъ другимъ и т. д., при чемъ учитель не перестаетъ указывать на дверь. Отвѣта нѣтъ. Тогда учитель еще разъ громко произноситъ вопросъ и отвѣчаетъ, указывая на дверь: «это—дверь». Во все это время ученики, съ напряженіемъ слѣдящіе за рѣчью учителя, выраженіемъ его лица, тономъ его голоса, его мимикой и жестикюляціей, догадываются конечно, о чемъ учитель спрашиваетъ, и отвѣчаютъ. Ученики уже увѣренно и осмысленно повторяютъ вопросъ и отвѣтъ. Начало дѣла сдѣлано. Тогда безъ особаго труда, при помощи указыванія предметовъ и той-же простѣйшей катехизаціи, даются названія окна, стула, стола, парты, печи и т. д.

Для того, чтобы описанныя упражненія, по существу своему однообразныя, не утомляли дѣтей, необходимо чередовать ихъ съ другими упражненіями или разнообразить введеніемъ новыхъ выраженій, въ такомъ, напр., родѣ, «что такое столъ? Столъ есть предметъ. Какъ называется этотъ предметъ? Какіе предметы есть въ классѣ?»

Непремѣнно нужно упражнять учениковъ не только въ отвѣтахъ, но и въ спрашиваніи. Время отъ времени учитель вполне устраняетъ себя отъ бесѣды, предоставляя продолжать ее назначаемымъ ученикамъ.

2) *Да, нѣтъ. Гдѣ, здѣсь, вотъ, тамъ. Покажи.*

Учитель, показывая окно, спрашиваетъ «это—окно?» и отвѣчаетъ: «да, это—окно». Повтореніе хоромъ и въ одиночку. «Это—стулъ?»

«Да, это—стулъ». Тотъ же вопросъ, но съ показаніемъ на столъ. Отвѣтъ: «Нѣтъ, это не стулъ, это—столъ».

Учитель, озираясь и ища глазами предметъ, спрашиваетъ: «гдѣ шкапъ?» Отвѣтъ: «шкапъ—тамъ» «Гдѣ столъ?» «Столъ здѣсь».

«NN, укажи мнѣ печь!» Учитель подходитъ къ ученику, вручаетъ ему указку, и направляя ее въ сторону печи, произноситъ за ученика «печь тамъ». Тоже обращеніе къ двумъ ученикамъ, потомъ къ классу.

3) *Имена учениковъ. Мальчикъ, дѣвочка. Кто, что. Я, ты, мы, вы.*

Учитель, взявъ за руку мальчика NN, выводитъ его на середину класса. «Это—NN, мальчикъ». «Кто это?» «Кто NN?» Тоже продѣлывается съ другимъ мальчикомъ, потомъ съ дѣвочкой, съ другой, наконецъ, съ мальчикомъ и дѣвочкой вмѣстѣ. «Кто ты?» «Какъ тебя зовутъ?» «Кто вы?»

4) *Названія одежды. Мой, твой.*

Называемую одежду учитель кладетъ на столъ или вывѣшиваетъ на доску.

Учитель беретъ свою шляпу и, указывая на нее, говоритъ: «это—моя шляпа». Къ ученику «гдѣ твоя шляпа?» «Гдѣ твои сапоги?» Указывая на ту или другую одежду ученика,—«Что это такое?» «Это твое платье?» «Гдѣ твой галстухъ?» «Покажи, покажите».

5) *Цвѣта. Какъ? Какой? И, также, но.*

Учитель приноситъ большую тетрадь, сшитую изъ разноцвѣтной бумаги. Тетрадь помѣщается на полочкѣ классной доски. Учитель начинаетъ перевертывать листы, называя цвѣта. «Это—черный цвѣтъ, это—бѣлый, это—красный» и т. д. «Какой это цвѣтъ?» «гдѣ желтый цвѣтъ?» «Покажи мнѣ синій цвѣтъ». Опредѣляются цвѣта предметовъ, находящихся въ классѣ. «Доска черна» «Чернильница тоже черна». «Сапоги черны».

Сначала показываются только основные цвѣта, оттѣнки-же впоследствии.

6) *Части человеческого тѣла. Вашъ, нашъ; разъ, два, оба; направо, налево.*

Учитель, обхватывая руками голову, говоритъ: «Это—голова». Тоже продѣлываютъ ученики. Учитель проводитъ рукою отъ лба до подбородка и говоритъ, «это—лицо» и т. д.

«Покажи, гдѣ ротъ, носъ, глаза»...

Учитель обращаетъ вниманіе на парные члены. «Это—одна рука». «Это—двѣ руки». «Одинъ глазъ». «Оба глаза». «Правая нога, лѣвая нога». «Покажите ваши руки». «Вотъ наши руки». «Покажите ваши губы, зубы, волосы, правое ухо, лѣвый глазъ, обѣ руки». «Какого цвѣта губы, зубы» «Какого цвѣта волосы у NN, а глаза?»

7) *Счетъ на пальцахъ, сначала до 5, потомъ до 10. Много (больше, чѣмъ 10), Я имѣю, ты имѣешь, онъ имѣетъ; мы имѣемъ, вы имѣете, они имѣютъ.*

Сюда можетъ быть введенъ полный курсъ счисленія въ предѣлахъ 10.

Всѣ вычисленія производятся на предметахъ.

8) *Долгій, короткій; толстый, тонкій; широкій, узкій; большой, малый; ли, или; ни, на.*

На классномъ столѣ лежатъ двѣ палочки различной длины, но равной толщины; за тѣмъ—равной длины, но различной толщины; наконецъ—нѣсколько неравныхъ лоскутковъ бумаги. Для уясненія понятія о величинѣ служатъ разныхъ размѣровъ книги, разнаго роста ученики, доска аспидная и классная.

Учитель беретъ лѣвою рукою длинную палочку и, указывая правою рукою ея протяженіе, говоритъ: «это—палочка длинная». Потомъ откладываетъ ее въ сторону, беретъ короткую палочку, мѣряетъ ее и говоритъ: «это—палочка короткая».

«Этотъ длинный карандашъ—краснаго или чернаго цвѣта?» «Нѣтъ, —ни краснаго, ни чернаго; онъ—синяго цвѣта»

9) *Который, ая, ое; этотъ, эта, это; тотъ, та, то; длиннѣе, нежелми... также длиннѣе, какъ...*

«Который палецъ называется указательнымъ?» «Который палецъ длиннѣе,—мизинецъ или указательный?»

Учитель беретъ два карандаша, длинный и короткій, и затѣмъ одинъ изъ нихъ откладываетъ далеко отъ себя. «Который карандашъ—длинный, и который—короткій?»

Учитель беретъ нѣсколько линейекъ. «Эта линейка длиннѣе, чѣмъ та». «Эта линейка такъ-же длинна, какъ та». На ученикахъ: «N больше, NN» «NN меньше, чѣмъ N».

«Который палецъ толще, большой или средній?» — «мизинецъ или указательный?» «Которая рука длиннѣе, правая или лѣвая».

Сравненіе разныхъ классныхъ принадлежностей по длинѣ, толщинѣ, ширинѣ.

10) *Въ, на, подъ, предъ, за, возмъ, между; теперь.*

Учитель, имѣя на рукѣ кусокъ мѣлу, спрашиваетъ «что это такое?» «Это—мѣлъ». Сжимая мѣлъ въ рукѣ: «Гдѣ теперь мѣлъ?» «Мѣлъ въ рукѣ». Кладя мѣлъ на столъ: «теперь?» «Теперь мѣлъ на столѣ».

Учитель ставитъ стулъ передъ собой, подлѣ себя и за собой. Соотвѣтственные вопросы и отвѣты.

Между двухъ карандашей кладется ножикъ. Бесѣда.

11) *Что изъ чего сдѣлано?*

Показываются сначала куски дерева, стекла, желѣза и т. д. Показываются важнѣйшія свойства разнаго рода матеріала, напр., дерево легко, плаваетъ въ водѣ, горитъ; желѣзо тяжело, въ водѣ тонетъ; стекло прозрачно, хрупко.

«Изъ чего сдѣланъ этотъ столъ, эта чернильница, это ведро?» «Столъ сдѣланъ изъ дерева». «Столъ—деревянный». «Это—деревянный столъ». «Какія еще вещи въ классѣ сдѣланы изъ дерева?» «Изъ чего сдѣлана линейка?»

12) *Части предмета. Принадлежатъ.*

«Покажите ваши глаза», «Гдѣ находятся глаза?» «Глаза составляютъ часть лица». «Носъ есть часть лица». «Перечислите части лица, руки, пальца».

Части стола, стула, окна, печи.

«Это—ножка отъ стола». «Это—заслонка отъ печи». «Этотъ шарниръ отъ окна». «Книга принадлежитъ мнѣ». «Книга моя».

13) *Давать, класть, брать.*

Учитель беретъ у дѣтей различныя вещи. «Кому принадлежить этотъ ножикъ?» «Я даю этотъ ножикъ NN». «Что я дѣлаю?» «Я даю». Потомъ, обращаясь къ NN и протягивая къ нему руку. «Дай мнѣ этотъ ножъ». «Что ты дѣлаешь?» «Я даю». «Что дѣлаешь NN?» «Х и Z, дайте мнѣ ваши грифельныя доски». «Что вы дѣлаете?» «Мы даемъ». «Что дѣлаютъ X и Z?» «Кто дастъ мнѣ книгу?». «Кто дастъ мнѣ карандашъ?»

Если дѣти, по недостаточному пониманію вопросовъ, замедляютъ отвѣтами, полезно давать ихъ рукамъ соотвѣтственныя движенія.

«Я беру мѣлъ со стола». «Что я дѣлаю?». «Я беру». «Я даю тебѣ мѣлъ, а ты что дѣлаешь?» «Я беру». «Что онъ дѣлаетъ?» «А и В., я вамъ даю эти книги» «Что вы дѣлаете?» «Мы беремъ». «Берите же, берите». «Ты, А., возьми книгу, и ты, В., возьми книгу».

«Я кладу эти тетради на столъ». «А, положи свою тетрадь на на парту» «В и С, положите ваши тетради въ сумку». Если исполненіе въ томъ или другомъ случаѣ замедляется, можно, взявъ ученика за руку, его рукой произвести требуемое движеніе.

14) *Смотрѣть, слышать, говорить, стучать; громко, тихо.*

Учитель, обводя глазами классъ, говорить: «Я смотрю»; потомъ, закрывши глаза: «Я не смотрю». Опять открывши глаза: «Я смотрю». «Я смотрю глазами». Стуча по столу: «Я слушаю» «Я слушаю ушами». Показывая на ротъ: «я говорю языкомъ». «Я стучу». «Слышите ли вы мой стукъ?» «Чѣмъ вы слышите?» «Чѣмъ вы видите?» «Чѣмъ вы говорите?»

«Я говорю громко». «Я говорю тихо». «Скажемте вмѣстѣ «ура!» «Говорите еще громче».

15) *Ходить, идти, выходить, входить; скоро, тихо (медленно); оттирать, затирать.*

Учитель, ходя по классу: «я хожу». «Что я дѣлаю?» «Я хожу» «NN, иди» (Учитель беретъ NN за руку и выводитъ на средину класса).

«Что дѣлаешь ты?» «Что онъ дѣлаетъ?» «N. N. и я идемъ». «А. и В. идите!» «Что вы дѣлаете?» «Что дѣлаютъ А. и В.?» «Я иду скоро». «Я иду медленно». «Кто идетъ?» «Гдѣ?» «Куда?»

«Стучать». «Кто идетъ?» «Войдите!» «Я иду къ двери скоро». «Я открываю дверь». «Здравствуйте, любезнѣйшій!» «Прошу васъ войти». «Я даю ему деньги». «Онъ беретъ и говоритъ: благодарю васъ». «Онъ уходитъ». «Онъ тихо затворяетъ дверь». «Откройте окно?» «Мы слышимъ музыку».

Все это продѣлывается въ классѣ на урокахъ; но этимъ не ограничивается обученіе языку. Оно продолжается также на переменахъ, и при томъ съ особенно благоприятными шансами на успѣшность, потому что практикуемая во время перемены подвижныя игры даютъ наилучшій матеріалъ для сложныхъ упражненій по натуральному методу. Игра есть міръ дѣтей. Здѣсь силы дѣтей проявляются съ полною свободою, и впечатлѣнія, получаемыя при этомъ, принадлежать къ наиболѣе глубокимъ. И какъ эти впечатлѣнія могутъ быть разнообразны, при цѣлесообразной постановкѣ игры! Маршировка, бѣгъ, ска-

канье; упражненія съ мячемъ, обручемъ, веревкой, кружкомъ, палкой; игры, воспроизводящія бытъ трудовой среды; игры, основанныя на подраженіи животнымъ—какой это изобильный и благодарный матеріалъ для образованія представленій и обогащенія лексикона дѣтей. Образовательное вліяніе игръ поддерживается присоединеніемъ пѣнія, которое еще болѣе оживляетъ дѣтей и содѣйствуетъ интенсивности работы. Послѣдователи натурального метода усиленно рекомендуютъ подвижныя игры въ качествѣ вспомогательнаго средства при обученіи языку и отводятъ имъ самое широкое мѣсто. По мнѣнію Ничке, игры должны занимать ¹/₄ часть всего учебнаго времени ребенка, и при томъ падать на срединные часы занятій.

Юліусъ Фальцъ, авторъ руководства подъ заглавіемъ «Anleitung und Stoffvertheilung für das Anschauungsunterricht in sprachgemischten Schulen (Danzig, 1891)», правительственный инспекторъ народныхъ училищъ, рекомендуетъ для первыхъ двухъ лѣтъ обученія слѣдующую программу занятій по нѣмецкому языку для польскихъ дѣтей.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Первое полугодіе.

Классная комната.

Уроки 1—6. Названія предметовъ, находящихся въ классной комнатѣ. Урокъ 6—10. Качества предметовъ. Урокъ 11—13. Дѣйствія предметовъ. Урокъ 14. Множественное число. (Примѣрно такъ «это—книга, и это—книга, и это—книга». Потомъ, проводя рукой по всѣмъ книгамъ «это—книги»). Урокъ 15—17. Части предметовъ. Урокъ 18—19. Матеріалъ предметовъ.

Второе Полугодіе.

Человѣкъ

Урокъ 20—23. Части тѣла. Урокъ 24—27. Одежда.

Четыре времени года: зима.

Бесѣды по картинамъ.

Урокъ 28. Люди по полу, по возрасту, по занятіямъ. Урокъ 29—30. Части тѣла. (Повтореніе). Урокъ 31—34. Одежда. (Повтореніе и развитіе уроковъ 24—28). Урокъ 35. Названія животныхъ, изображенныхъ на картинѣ. Урокъ 36. Дѣйствія животныхъ. Урокъ 37. Части тѣла животныхъ. Урокъ 38. Знанія, изображенныя на картинѣ. (Домъ, конюшня, мельница, церковь, фабрика). Урокъ 39. Орудія, изображенныя на картинѣ. Формы земной поверхности. Ландшафтъ. Урокъ 40. Кто что дѣлаетъ?

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Четыре времени года: весна.

Бесѣды по картинѣ.

Урокъ 41. Названія лицъ, изображенныхъ на картинѣ. Урокъ 42. Какъ онѣ одѣты. Урокъ 43. Перечисленіе животныхъ, изображенныхъ на картинѣ, съ указаніемъ частей ихъ тѣла. Урокъ 44—45. Другіе предметы, изображенные на картинѣ. (Деревня, садъ, лѣсъ, поле). Урокъ 46. Качества предметовъ. Урокъ 47—49. Дѣйствія предметовъ. (Упражненія имѣютъ въ виду ознакомить съ главными формами глаголовъ). Урокъ 50. Семья. (Приблизительный планъ: А. А. сидитъ на стулѣ. Ея мужъ, крестьянинъ, въ полѣ; онъ сѣетъ пшеницу. А. А. держитъ на рукахъ ребенка. Она—мать этого ребенка. Крестьянинъ есть отецъ этого ребенка. Ребенка зовутъ N. Мальчикъ съ корабликомъ въ рукахъ тоже сынъ крестьянина и А. А. Сколько же у нихъ сыновей? X, У, Г,—ихъ дочери. Сколько у нихъ дочерей? Что дѣлаетъ каждая изъ нихъ. Сколько дѣтей имѣетъ крестьянинъ? Кто отецъ и мать этихъ дѣтей.

А ты имѣешь также и отца, и мать? Какъ зовутъ твоего отца, мать? Кто твой отецъ? Сколько дѣтей въ вашей семьѣ? Какъ ихъ зовутъ? и т. д.)

Лѣто.

Бесѣды по картинамъ.

Урокъ 51. Лица, изображенные на картинѣ. Урокъ 52. Животныя и другіе предметы. Урокъ 53. Качества предметовъ. (Прилагательное въ качествѣ сказуемаго). Урокъ 54. Качества предметовъ. (Прилагательное въ качествѣ опредѣленія). Урокъ 55. Качества предметовъ. (Для общаго упражненія въ употребленіи прилагательныхъ). Урокъ 56. Дѣйствія предметовъ. (Глаголъ, какъ сказуемое, одинъ и съ дополненіемъ). Урокъ 57—58. Жатва. (Описаніе). Урокъ 59—60. Усадьба. (Описаніе).

Осень.

Бесѣды по картинамъ.

Урокъ 61. Названіе предметовъ. Урокъ 62. Повтореніе и развитіе уроковъ 53—55. Урокъ 63. Бесѣды для практики въ степеняхъ сравненія. Урокъ 64. Повтореніе и развитіе урока 56. Урокъ 65—66. Бесѣды объ охотѣ. Урокъ 67. Уборка овощей. Урокъ 68. Сборъ фруктовъ. Урокъ 69. Осеннія работы въ полѣ. Урокъ 70. Спусканіе змѣя.

Зима.

Бесѣды по картинамъ.

Урокъ 71. Четыре времени года. (Упражненія въ склоненіи именъ существительныхъ). Урокъ 72. Повтореніе уроковъ 53—55 и 63. Урокъ 73. Повтореніе 40 и 56 для упражненія въ спряженіяхъ. Урокъ 74. Озеро зимою. Урокъ 75. Катанье на конькахъ. Урокъ 76. Вѣзда на саняхъ. Урокъ 77. Дѣтскія игры на снѣгу. Урокъ 78. Нищій. Урокъ 79. Дровосѣкъ. Урокъ 80.

Зимнія работы сельскаго хозяина. Уроки 74—80 должны представлять достаточный матеріалъ для практики въ глагольныхъ формахъ.

И такъ первую ступень обученія по натуральному методу составляетъ преподаваніе на предметахъ, а вторую—бесѣды по картинамъ. Обученіе грамотѣ должно бы составлять дальнѣйшую ступень обученія, однакожь въ силу практической необходимости почти всегда приходится вводить чтеніе и письмо уже на второй ступени. Какъ азбука, такъ и первыя классныя книги для чтенія непременно должны быть иллюстрированными. Въ такомъ случаѣ чтеніе сохраняетъ свою связь съ предметнымъ и картиннымъ обученіемъ, которое во всякомъ случаѣ должно продолжаться до овладѣнія языкомъ; за тѣмъ начинаются упражненія въ изложеніи мыслей на бумагѣ. Учащійся долженъ быть доведенъ до умѣнья написать все то, что онъ можетъ изложить словесно. Грамматическія правила изучаются практически, путемъ соответственнаго подбора словесныхъ и письменныхъ упражненій, какъ это замѣтно уже на программѣ Фальца. Но при заключеніи курса полезно приобрѣтенные такимъ образомъ навыки освѣтить необходимѣйшими положеніями теоріи.

Изъ предложеннаго очерка теоріи и практики натурального метода преподаванія языковъ нельзя не усмотрѣть весьма существенныхъ его достоинствъ. Во первыхъ, этотъ методъ отличается общедоступностію и общепримѣнимостію. Онъ не требуетъ отъ ученика никакой предварительной подготовки, никакого развитія. Всякій, кто владѣетъ внѣшними чувствами и не лишень элементарной разсудительности, можетъ съ успѣхомъ обучаться языку по натуральному методу. Съ другой стороны, и отъ учителя онъ не требуетъ ничего, кромѣ пракческаго знанія языка и зауряднаго здраваго смысла. Такая удобоприложимость метода составляетъ несомнѣнное достоинство тамъ, гдѣ *могъ бы быть серьезно поставленъ вопросъ о распространеніи знанія государственнаго языка въ массахъ разноплеменнаго инопородческаго населенія.*

Не менѣе цѣнное достоинство натурального метода заключается въ пріятности формы обученія, свойственной ему. Этотъ методъ не требуетъ ни скучнаго заучиванія вакабулъ, ни утомительныхъ грамматическихъ упражненій, какъ и вообще—ни долбни, ни корпѣнья. Разносторонне затрогивая умственные силы дѣтей, привязывая отвлеченное къ живой дѣйствительности, методъ этотъ въ высокой степени благопріятствуетъ бодрому и свѣтлomu построенію учащихся. Преподаваніе, веденное по натуральному методу, не ощущается, какъ трудъ, а, скорѣе, какъ удовольствіе. Столь выгодное обстоятельство даетъ возможность посвящать изученію языка гораздо болѣе времени, чѣмъ это возможно при другомъ способѣ обученія, пользоваться для цѣлей и обученія часами досуга, рекреаціи, играми, экскурсіями т. п. Г. Фюмель, авторъ курса французскаго языка для русскихъ по натуральному методу, въ предисловіи къ своему руководству, говоритъ, что когда онъ преподавалъ французскій языкъ обычнымъ схоластическимъ методомъ, то ученики избѣгали съ нимъ встрѣчаться на улицѣ или въ корридорахъ училища; когда же перешелъ къ натуральному методу, то, на-

оборотъ, ученики стали выискивать случаевъ встрѣчи съ нимъ, чтобы лишній разъ поговорить по-французски.

Вполнѣ понятно, на сколько объясненные условия благоприятствуютъ успѣшности обученія; ибо не можетъ быть сомнѣнія, что чѣмъ больше времени посвящается занятію и чѣмъ глубже оно затрогиваетъ дѣтей, тѣмъ вѣрнѣе и быстрѣе достигаются цѣли занятія. Но относительной быстротѣ обученія содѣйствуетъ еще и то, что естественный методъ обученія исключаетъ переводъ. Тамъ, гдѣ обученіе ведется помощію переводовъ, половина времени, назначеннаго на изучаемый языкъ, пропадаетъ даромъ; потому что здѣсь все продумывается вдвойнѣ,—на родномъ, и на изучаемомъ языкѣ. А если принять во вниманіе, что ученикъ можетъ погрѣшать и въ родномъ языкѣ, то за тѣмъ значительное количество времени должно быть удѣляемо еще на исправленіе погрѣшностей этого рода, уже въ рѣшительный ущербъ изучаемому чужому языку.

Наряду съ достоинствами, необходимо указать и на недостатки метода. Въ приведенныхъ выше примѣрныхъ учебныхъ планахъ преподаванія языка по естественному методу усматривается нѣкоторая произвольность въ выборѣ учебнаго матеріала, неясность границъ обученія, отсутствіе должной послѣдовательности и закругленности курсовъ. Этотъ недостатокъ принадлежитъ однакожъ къ легко устранимымъ. Слѣдуетъ для каждой ступени обученія составить полный списокъ словъ, которыя должны быть проработаны, а также сводъ тѣхъ правилъ языка, которыя должны быть уяснены практикой. На этомъ пути стоятъ уже нѣкоторые методологи, какъ, напр., г. Сигъ, авторъ курса нѣмецкаго языка для русскихъ по естественному методу. Другое слабое мѣсто метода заключается въ чрезвычайной трудности практическимъ путемъ сообщить дѣтямъ нѣкоторыя отвлеченныя понятія. Но и противъ этого недостатка имѣется свое средство. Не нужно быть фанатикомъ, ибо фанатизмъ даже при возвышеннѣйшихъ намѣреніяхъ ничего кромѣ вреда не приноситъ. Естественный методъ справедливо отвергаетъ систему переводовъ при изученіи языка; но было бы фанатизмомъ не прибѣгнуть иной разъ къ простому переводу затрудняющаго классъ отвлеченнаго слова, вмѣсто того, чтобы непроизводительно затрачивать часы на уясненіе значенія этого слова практическимъ путемъ. Такъ и поступаютъ нѣкоторые преподаватели, напр., г. Шельцель, авторъ «Методическаго руководства для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ».

Сопоставляя достоинства и недостатки метода, мы видимъ, что первые несомнѣнны и безспорны, а вторые легко устранимы, а потому нельзя не желать широкаго примѣненія естественнаго метода преподаванія языковъ въ нашей школѣ. Конечно, какъ нѣтъ панацеи отъ всѣхъ болѣзней, такъ нѣтъ и метода обученія, примѣнимаго одинаково вездѣ и всегда. Методъ долженъ быть не только состоятеленъ самъ по себѣ, но и соображенъ съ задачами обученія въ каждомъ данномъ случаѣ. Смотра на дѣло съ этой точки зрѣнія, область примѣненія естественнаго метода обученія языкамъ можно опредѣлить слѣдующими границами. Естественный методъ является вполнѣ умѣст-

нымъ при начальномъ обученіи всякому живому языку, не исключая и тѣхъ училищъ, которыя имѣютъ въ виду литературное образованіе воспитанниковъ, къ каковому разряду принадлежатъ среднія учебныя заведенія. На грамматику нельзя не смотрѣть какъ на философію языка. Посему грамматическое направленіе обученія языку педагогически допустимо только въ извѣстномъ возрастѣ и при извѣстномъ развитіи учащихся, котораго не можетъ быть у учениковъ низшихъ элементарныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ потребностямъ учениковъ этихъ классовъ въ высшей степени соотвѣтствуетъ тотъ наглядноопытный характеръ обученія, который составляетъ свойство натурального метода. Отсюда само собою вытекаетъ, что ни о какомъ иномъ способѣ преподаванія языковъ не можетъ быть и рѣчи въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ литературнаго образованія воспитанниковъ не имѣется въ виду, и гдѣ самое введеніе иностранныхъ языковъ можетъ быть оправдываемо лишь требованіями практической жизни. Но самую твердую почву натуральный методъ преподаванія языка имѣетъ въ начальной инородческой школѣ, гдѣ требуется не только научить дѣтей государственному языку, но и совершить это въ возможно кратчайшій срокъ. Не менѣе умѣстно примѣненіе натурального метода при обученіи взрослыхъ, когда имѣется въ виду пріобрѣтеніе практическихъ навыковъ въ языкѣ; потому что и въ этомъ случаѣ существуетъ крайняя необходимость въ экономіи времени: занятіе обыкновенно вынуждено настоячивыми житейскими условіями, а обучающееся лицо, занятое своимъ прямымъ дѣломъ, можетъ удѣлять на него лишь немногіе часы.

Необходимо прибавить, что опыты примѣненія натурального метода преподаванія языковъ, произведенные на нашихъ глазахъ, сопровождались результатами, вполне соотвѣтствовавшими ожиданіямъ. Въ одесскихъ городскихъ по положенію 1872 училищахъ, одесскомъ казенномъ еврейскомъ дѣвичьемъ училищѣ и частномъ училищѣ В. А. Агишева уже третій годъ практикуется преподаваніе французскаго и нѣмецкаго языковъ по натуральному методу. Благопріятный поворотъ, сказавшійся въ успѣшности дѣтей, не остался незамѣченнымъ родителями и вызвалъ въ обществѣ интересъ къ методу. Когда при городскомъ 6-ти классномъ училищѣ объявлены были курсы французскаго и нѣмецкаго языковъ для взрослыхъ, то училище оказалось не въ силахъ вполне удовлетворить спросу, почему вслѣдъ за тѣмъ такіе-же курсы были открыты еще при трехъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ настоящую пору подобные курсы открыты и по итальянскому языку.

Не менѣе отрадными результатами сопровождалось примѣненіе натурального метода къ преподаванію русскаго языка въ нѣмецкихъ училищахъ Херсонской губерніи. Здѣсь дѣло поставлено такимъ образомъ, что въ теченіи перваго учебнаго мѣсяца (сентября) учитель занимается съ одними вновь поступающими учениками только русскимъ языкомъ по натуральному методу. Обыкновенно по истеченіи этого мѣсяца дѣти настолько осваиваются съ русской рѣчью, что затѣмъ является уже возможность вести дальнѣйшее обученіе на рус-

скомъ языкѣ совершенно въ общемъ порядкѣ. Результаты примѣненія метода и здѣсь также оцѣнены не только вдохновителями и руководителями дѣла, что конечно можно-бы приписать увлеченію и самооболенію, но и мѣстнымъ населеніемъ. Въ газетѣ «Odessaer Zeitung» вполне независимой и представляющей органъ мѣстнаго образованнаго нѣмецкаго общества, очень впрочемъ заинтересованнаго успѣхами русскаго обученія въ колоніяхъ, мы встрѣчаемъ самые сочувственные отзывы о результатахъ примѣненія натурального метода. Такъ въ № 170, отъ 31 іюля 1893 г., читаемъ слѣдующее: «Что касается реального метода, то практика и опытъ показываютъ, что этотъ методъ не только прилоденъ и удобопримѣнимъ, но представляетъ лучшее, прѣвосходнѣйшее и удобнѣйшее средство къ тому, чтобы вѣрно, быстро и интереснымъ путемъ привести нашихъ дѣтей къ усвоенію русскаго разговорнаго языка». Въ № 193, отъ 28 августа 1893 г.: «Оглядываясь на прошлое, удивляешься и не вѣришь, какимъ образомъ столь долго могъ держаться (оставленный теперь) непрактичный (переводный) методъ. Какъ это не могли додуматься, что кромѣ натурального метода нѣтъ иного способа обученія рѣчи. Вѣдь, надо только имѣть глаза и уши, чтобы знать, что никакая мать не учитъ свое дитя родной рѣчи по книжкѣ, по тетрадкамъ и при помощи грамматики, а единственно—путемъ разговора». Послѣ такихъ отзывовъ, едва-ли заподозримъ въ увлеченіи инспектора народныхъ училищъ г. Шпановскаго, который по поводу занятій на Гроссъ-Либентальскихъ педагогическихъ курсахъ 1893 г. писалъ слѣдующее: «Опыты показали, что обученіе русскому языку учениковъ, вновь поступающихъ въ школу, можно и должно начинать съ перваго дня обученія въ школѣ, если это обученіе вести по натуральному методу. Путемъ занятій по этому способу уже въ теченіи перваго мѣсяца можно сообщать дѣтямъ настолько значительный запасъ словъ и оборотовъ рѣчи, что къ концу перваго-же мѣсяца уже можно приступать къ изученію русской азбуки и чтенью по-русски. Дальнѣйшее изученіе русскаго языка можетъ идти съ успѣхомъ посредствомъ того-же натурального метода, а также при помощи чтенія, а равно и другихъ занятій, входящихъ въ программу перваго года обученія письма: счета и въ особенности предметныхъ уроковъ. На сколько успѣшны занятія языкомъ по натуральному методу, можно было видѣть по ученикамъ, изъ которыхъ образована была старшая группа школы при курсахъ. Группа эта, состоявшая изъ 9 дѣвочекъ и 6 мальчиковъ, посѣщавшихъ школу въ теченіи одного года, обнаружила знаніе значительнаго числа словъ, такъ что первая книга для чтенія Вольпера, въ статьяхъ еще не прочитанныхъ, представляла для нихъ очень мало непонятныхъ словъ. Можно сказать, что знанія дѣтей этой группы были не менѣе тѣхъ знаній, какія можно встрѣчать у большинства нѣмецкихъ колонистовъ, вынужденныхъ необходимостью сношеній изучать русскій языкъ. Въ виду такихъ несомнѣнныхъ преимуществъ натурального метода изученія языка, методъ этотъ и принять былъ въ занятіяхъ русскимъ языкомъ на курсахъ съ учениками младшаго отдѣленія» (Цирк. Одесск. уч. окр. 1894 № 2 стр. 96—97).

Вл. Фармаковскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Учебники, учебныя пособія и пр. книги.

Фалькенбергъ. Исторія Новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени съ приложеніемъ краткаго философскаго словаря. Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. 1894 г.

Виндельбандтъ. Исторія древней философіи, переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. 1893.

Въ прошломъ году появилась «Исторія древней философіи» Виндельбанда въ переводѣ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго; теперь же—«Ист. нов. философіи Фалькенберга» подъ тою-же редакціей, но въ переводѣ студентовъ С.-П.Б. университета. Оба эти труда—весьма отрадное явленіе: они представляютъ самыя полныя и обстоятельныя руководства по древней и новой исторіи философіи на русскомъ языкѣ; притомъ обѣ эти книги находятся въ тѣсной связи между собою, благодаря приложенію къ труду Виндельбанда, его-же очерка «Августинъ и средніе вѣка» и статьи Фулье—«Исторія схоластики». Мы сказали, что названныя книги представляютъ наиболѣе обширныя руководства на русскомъ языкѣ: первая заключаетъ въ себѣ 380 страницъ довольно убористой печати, а вторая—580. Такой объемъ книгъ даетъ возможность ихъ авторамъ не ограничиваться лишь сухимъ конспектомъ и отрывочными афоризмами, а излагать развитіе философскихъ ученій съ болѣе строгою послѣдовательностью, что въ такомъ предметѣ, какъ исторія философіи, безспорно—дѣло первостепенной важности.

Хотя обѣ книги предназначены для учащейся молодежи, но пользоваться ими можетъ и всякій мыслящій человѣкъ, желающій познакомиться съ исторіей философіи. Фалькенбергъ, желая по возможности приспособить свою книгу къ двоякой цѣли, т. е., чтобы она могла служить руководствомъ для учащейся молодежи и для чтенія любознательнаго читателя, указываетъ, какія главы могутъ пропустить при чтеніи тѣ лица, которыя жалуются на слишкомъ обширный матеріалъ книги. Обстоятельный научный разборъ этой книги, конечно, не замедлитъ появиться на страницахъ большихъ и специальныхъ журналовъ; мы же ограничимся въ виду цѣлей и размѣровъ нашего журнала лишь указаніемъ на обѣ названныя книги, какъ на весьма цѣнное пособіе для изученія исторіи философіи. Весьма лестная репутация

книгъ Виндельбанда и Фалькенберга въ Германіи,—этой странѣ философовъ,—а равно также и имя нашего ученаго, подъ редакціей и по рекомендаціи котораго сдѣланъ переводъ этихъ трудовъ, могутъ уже служить достаточнымъ ручательствомъ высокаго ихъ достоинства. Нельзя также не отмѣтить и того обстоятельства, что обѣ книги являются результатомъ коллективнаго труда, первая—слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, (всѣ сотрудницы переименованы въ предисловіи, при чемъ выдѣляется Е. П. Максимова, на которой, кромѣ участія въ переводѣ, лежали хлопоты по изданію, составленіе указателя древнихъ философовъ и чтеніе корректуръ), — вторая (Ист. нов. философіи) представляетъ совокупная работа студентовъ историко-филологическаго факультета (Главный-же трудъ по корректурѣ и изданію взялъ на себя А. П. Нечаевъ). Такое приученіе молодыхъ людей къ чтенію и переводу серьезныхъ трудовъ—дѣло, достойное похвалы, а также и благодарности, потому что даетъ возможность сравнительно недорого издавать цѣнные труды, при томъ въ очень тщательномъ переводѣ; такъ какъ въ коллективной работѣ многихъ лицъ на долю каждого приходится сравнительно небольшое число страницъ, надъ которыми можно не спѣша тщательно поработать. При этомъ, правда, работа редактора значительно усложняется, такъ какъ ему приходится позаботиться, кромѣ обычной редакторской работы, еще и о томъ, чтобы подвести подъ одну норму слогъ нѣсколькихъ переводчиковъ. Но проф. Введенскій, какъ видно, не только не затруднился этой работой, но нашелъ возможность принести ее вполне въ жертву благимъ цѣлямъ; въ концѣ предисловія къ книгѣ Виндельбанда читаемъ: *«Вся прибыль съ этой книги назначена въ пользу философскаго отдѣла библіотеки Высшихъ женскихъ курсовъ»*, а въ предисловіи къ книгѣ Фалькенберга находимъ слѣдующее: *«Вся прибыль отъ распродажи этой книги назначена въ пользу Общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета»*

Отъ души желаемъ успѣха книгамъ.

С.

Руководство къ обученію письму и скорописи, согласованное съ современными требованіями школьной гигиены. Пособіе для учащихся въ школѣ и дома. Составилъ И. Дмитріевъ, преподаватель С.-Петербургскаго Николаевскаго Сиротскаго института, Васильевской женской гимназіи, 8-й гимназіи и др. учебныхъ заведеній. Спб. 1894. Цѣна 30 к.

Въ недавнее время вопросъ объ обученіи письму сдѣлался вопросомъ моднымъ, между прочимъ, и благодаря извѣстной статейкѣ, помѣщенной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и трактованшей о преимуществѣ прямого шрифта, такъ-называемаго Steinschrift'a, передъ косымъ, давно приобрѣвшимъ право гражданства. Поэтому вышеупомянутое руководство, написанное специалистомъ своего дѣла обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ интересующихся дѣломъ первоначальной школы. Авторъ стоитъ за косое письмо, прекрасные образцы котораго и даетъ въ своемъ пособіи, составленномъ чрезвычайно систематично. Книжка снабжена замѣтками для учащихся о томъ, какъ слѣдуетъ ученикамъ сидѣть, держать перо и тетрадь. Эти указанія,

не находившія себѣ мѣста въ старинныхъ прописяхъ, далеко не лишни: красивый, четкій почеркъ—дѣло не послѣдней важности, которымъ не будетъ пренебрегать воспитатель, заботящійся о всестороннемъ развитіи способностей своего питомца; но въ интересахъ дѣтскаго здоровья необходимо слѣдить, чтобъ первоначальное обученіе письму отвѣчало правиламъ школьной гігіены.

Нашъ отзывъ о несомнѣнно полезномъ руководствѣ г. Дмитріева заключимъ слѣдующимъ маленькимъ замѣчаніемъ: не мѣшало-бы упростить начертанія нѣкоторыхъ буквъ, которыя у составителя являются съ различными украшеніями и фигурными придатками, излишними, по мнѣнію людей компетентныхъ.

Н. Л.

Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы 1893 года. Вып. I. СПб. 1893, цѣна 10 коп.—Вып. II. СПб. 1893, цѣна 10 к. (Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе»).

Можемъ сказать, что нашего полку прибываетъ. Редакція «Дѣтскаго Чтенія», если только она не остановится на этой первой, только-что повившейся попыткѣ, начала дѣло, которому дай Богъ развиваться и крѣпнуть на пользу нашему обществу и подрастающимъ поколѣніямъ. Въ приложеніи къ своему журналу (въ «Педагогическомъ Листкѣ») редакція съ начала прошлаго года расширила отдѣлъ библіографіи, внося тѣмъ свою лепту въ дѣло оцѣнки дѣтскихъ книгъ и ознакомленія съ ними cadaго, кто только интересуется этимъ важнымъ и серіознымъ вопросомъ. Мы съ особеннымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ это новшество «Педагогическаго Листка». Читателямъ нашимъ небезызвѣстно, какое значеніе придаемъ мы этому дѣлу въ «Образованіи», гдѣ помѣщаются рецензіи почти обо всѣхъ выходящихъ дѣтскихъ книгахъ (не бываетъ рецензій только о тѣхъ книгахъ, которыхъ не оказалось возможнымъ добыть въ Петербургѣ). Поэтому же рады мы отмѣтить и каждое проявленіе того-же желанія, которое всегда руководитъ нами,—указывать, по возможности, всѣ книги, выходящія для дѣтей и вообще предназначенныя къ сильной разработкѣ вопросовъ воспитанія. И въ самомъ дѣлѣ, эта область, столь, казалось-бы, важная и подлежащая постоянному и неукоснительному наблюденію прессы, какъ педагогической, такъ и общей,—только въ послѣдніе годы стала оживляться и обогащаться: какъ только начали появляться критическіе указатели дѣтской литературы («Что читать народу», «Обзоръ» Гаршина и Герда, «Къ елкѣ» Соболева и др.), какъ только педагогическіе журналы расширили и сдѣлали у себя строже, жестче по тону контролирующій отдѣлъ библіографіи, какъ только начали примыкать къ нимъ и нѣкоторые общіе журналы («Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ»), удѣляя значительное и притомъ довольно строгое вниманіе дѣтскимъ книгамъ,—и самая дѣтская литература начала упорядочиваться. Очевидно, явились и указующіе пути, явился и страхъ обличенія, стали являться и лица, способныя работать для дѣтской литературы, но только прежде брезговавшія этою запущенною дебрью. И вотъ съ каждымъ годомъ появляются все болѣе обширные указатели воспитательной литературы, къ како-

вымъ принадлежитъ и тотъ, который лежитъ въ настоящее время передъ нами. Достоинствъ у него немало: по содержанію это довольно полный сборникъ рецензій книгъ, вышедшихъ въ 1893 году,— рецензій, хорошо провѣренныхъ, проводящихъ правильные взгляды, съ опредѣленнымъ, яснымъ критеріемъ; разобраны въ указателѣ книги по беллетристикѣ, исторіи и біографіи, географіи и путешествіямъ, учебники и книги для родителей и воспитателей; рецензіямъ предпослана живая, умная руководящая статья о дѣтскихъ книгахъ и ихъ указателяхъ, вообще объ обзорѣваніи педагогическихъ изданій. Изложеніе статейъ также живое, ясное, удобочитаемое. И при всемъ томъ, цѣна указателя очень дешева, что дѣлаетъ книжку доступною для любого покупателя, желающаго пользоваться ею. Все сказанное даетъ намъ полное основаніе рекомендовать этотъ указатель, какъ заслуживающій довѣрія и распространенія.

Н. П.

Второй стѣнной календарь Петербургской весны. Сост. Дм. Кайгородовъ, 1894 г. (ц. 20 коп.).

Профессору Кайгородову пришла счастливая мысль въ видѣ таблицы представить въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣ явленія природы въ мірѣ животныхъ (птицы и насѣкомыя) и растеній, которыми знаменуется наступленіе весны и ея постепенное развитіе. 1-ый такой календарь появился въ прошломъ году; настоящій *второй* стѣнной календарь Петербургской весны весь вновь пересмотрѣвъ, съ пріятіемъ въ расчетъ наблюденій прошлаго года. Передвиженія чиселъ произошли главнымъ образомъ въ явленіяхъ растительнаго міра, вслѣдствіе чрезвычайно поздняго развитія въ прошлую весну древесной растительности. Новое изданіе выходитъ съ дополненіемъ Русско-Латинско-Нѣмецко-Французскаго словаря животныхъ и растеній, о которыхъ упоминается въ «Календарѣ весны».

Жители большихъ городовъ по большей части до такой степени равнодушны къ природѣ и такъ отвыкаютъ что-либо видѣть въ ней, что названный календарь для нихъ несомнѣнно представитъ много новаго и интереснаго. Особенно-же желательно, чтобы онъ былъ принадлежностью всякой школы, чтобы онъ распространялся среди подростковъ, которые могли-бы повсюду, въ городскихъ скверахъ, въ маленькихъ садахъ при домахъ, приучаться хотя сколько-нибудь наблюдать за вполне доступными для нихъ явленіями въ природѣ. Было-бы очень недурно, если-бы проф. Кайгородовъ издалъ объяснительную книжку къ своему календарю съ изображеніями менѣе извѣстныхъ птицъ и растеній; а то, мы увѣрены, для многихъ даже и вполне образованныхъ людей названія: *птычки-теньковки*, *лѣсные коньки*, *мухоловки-пеструшки*, *золотничка* и т. д. представляютъ слова, не связанныя ни съ какимъ представленіемъ. Такая книжка была-бы въ высшей степени полезна и для весеннихъ экскурсій.

В. С.

Какъ читать книги, чтобы онѣ приносили намъ пользу? Ч. Ричардсона. Переводъ А. Валуевой (Мунтъ). Изданіе М. М. Ледерле и Ко. («Моя библиотека», № 62). СПб. 1893, цѣна 40 коп.

Въ основу этого труда г-жа Валуева-Мунтъ взяла извѣстную книгу американскаго критика Чарльса Ричардсона «Выборъ книгъ», хотя и имѣющуюся въ русскомъ переводѣ ужъ нѣсколько лѣтъ, но не пользовавшуюся извѣстностью. Составительница сдѣлала въ ней нѣкоторыя сокращенія и прибавила къ ней извѣстный списокъ Джона Леббока «Сотня лучшихъ книгъ», съ нѣсколькими отвѣтами, вызванными этимъ спискомъ въ «Pall Mall Gazette» и въ «Literary Worde». Истинная польза чтенія выяснена въ этомъ трудѣ такъ: цѣль чтенія заключается въ высшемъ развитіи мышленія и нравственныхъ качествъ человѣка и въ благотворномъ воздѣйствіи его на окружающихъ съ цѣлью способствовать ихъ умственному и нравственному усовершенствованію; но посредственные писатели и читатели не достигаютъ этой высокой цѣли; литература высшаго направленія играетъ видную роль въ усовершенствованіи человѣчества и переживаетъ вѣка при всемъ разнообразіи историческихъ формъ цивилизаци; кто понимаетъ значеніе литературы въ этомъ смыслѣ, тотъ извлекаетъ изъ нея наибольшую пользу, какъ для себя, такъ и для другихъ. Итакъ, только хорошею книгою слѣдуетъ пользоваться: книги—это наслѣдіе, завѣщанное гениемъ человѣчеству, книги—лучшее, что есть въ жизни, если только умѣть ими пользоваться; при неумѣнн онѣ могутъ обратиться и во вредъ. Убить хорошую книгу—такое-же преступленіе, какъ убить человѣка. Словомъ, при выборѣ книгъ каждый читатель долженъ избрать своимъ девизомъ слова: «Ad majorem Dei gloriam» («для высшей славы Творца»).

Можно однако пожалѣть, что составительница, приложивъ сюда списокъ Леббока «Сто лучшихъ книгъ», имѣющій, собственно, далеко не полное значеніе для русскаго читателя, не помѣстила тутъ-же списка *лучшихъ книгъ для русскаго юношества*: это придало-бы ей труду характеръ практичности и прибавило-бы книгѣ еще болѣе интереса.

Н. П.

Книги для дѣтей и для юношества.

Стихотворенія для дѣтей. В. Л. Величко. (Рисунки: И. С. Панова, В. М. Максимова, барона М. П. Клодта, М. Е. Малышева и Е. И. Григорьева). Изданіе М. М. Ледерле и Ко. СПб. 1894. Ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

Сборникъ стихотвореній г. Величко отмѣченъ печатью истинной поэзіи. Можно привѣтствовать, какъ пріятное явленіе, то, что талантливый поэтъ, недавно еще выступившій, но уже успѣвшій заявить себя своимъ дарованіемъ, удѣлилъ долю своихъ вдохновеній и дѣтской литературѣ, столь нуждающейся въ истинныхъ талантахъ и столь небогатой ими. Хорошее впечатлѣніе производитъ эта книжка, и много пріятныхъ, отрадныхъ минутъ доставитъ она юнымъ читателямъ. Я не говорю—маленькимъ, говорю—юнымъ: многіе мотивы въ ней слож-

ны и недоступны для дѣтей младшаго возраста, но тѣ, которые по-старше, поймутъ ее и—полюбятъ.

Помѣщенные въ сборникъ, безъ рубрикъ, стихотворенія г. Величко однако рѣзко распадаются на двѣ группы—на лирическія и эпическія. Первыхъ по количеству больше, да они и по достоинствамъ несравненно выше вторыхъ. Среди стихотвореній, представляющихъ собою поэтическіе отълики на красоты природы, есть положительно очень выдающіяся по красотѣ описаній и звучности стиха.

Призраки, думы, сомнѣнья во мглѣ меня долго томили...
Утро багряное встало при пѣньи свирѣли и птичекъ:
Мигомъ въ душѣ встрепенулись надежды, желанья и пѣсни,
А привидѣнья исчезли съ волшебницей—черною ночью...

Таково четырехстишное стихотвореніе *Утро*, и оно, при своей краткости, такъ много говоритъ, что, несомнѣнно, весьма выразительно свидѣтельствуемъ о талантливости поэта, умѣющаго высказывать мысль и чувства въ сжатыхъ словахъ и яркихъ образахъ. Если этого мало, прочитайте еще стихотвореніе *Тишь*:

Взгляни: въ далекой неба синевѣ
Сіяютъ звѣздъ алмазныхъ вереницы!
Заснуло все: умоляли въ роцѣ птицы
И блещетъ искрами роса въ травѣ.
Лишь вѣтерокъ вдругъ набѣжитъ порывомъ
И садъ листвою на мигъ зашелеститъ,
Да шепотомъ о чемъ-то говорить
Рѣка, бѣгущая по соннымъ нивамъ...
Какая тишь! Какъ-будто сонъ сковалъ
Все, что вокругъ шумѣло и боролось,
Нарочно, чтобъ слышнѣй былъ сердца голосъ
И громче намъ о счастьѣ повторалъ!..

Такими-же достоинствами обладаютъ и многія другія лирическія стихотворенія, навѣянные на автора природой: *Домой! Утесъ, Деревцо, Весенняя сказка* и др. Не имѣю возможности выписать тутъ же и ихъ; но они, положительно, этого заслуживали-бы.

Лирическіе мотивы не ограничиваются у г. Величко одною природою. Сюжеты семейные также возбуждаютъ вдохновеніе нашего поэта, хотя и не всегда такъ удачно, какъ первые. Изъ такихъ стихотвореній укажу: *Молитва ребенка, Могила няни* (разсказъ), *Маленькій нищій* (на мотивъ изъ В. Гюго, хотя это и не обозначено при стихотвореніи) и *Бабушка и внукъ*. Всѣ они отличаются теплотою, такъ и шевелятъ сердце; особенно поэтично послѣднее: въ немъ поцѣлуй старушки и внука сравнивается такъ:

Голову съдую съ дѣтскою, златокудрой,
Въ чистомъ поцѣлуѣ слилъ Господь премудрый.
Такъ порой весенней сѣверныя зори
Шлютъ привѣтъ другъ другу въ голубомъ просторѣ:

Съ тихою улыбкой западъ угасаетъ,
А востокъ ужъ ярко рдѣть и пылаеть...

Но не только теплотою отличаются стихотворенія г. Величко: во многихъ звучитъ сильный, честный призывъ къ добру, къ правдѣ, выраженный нерѣдко остроумно и оригинально. Въ сказочкѣ *Дитскій сонъ* рассказано, какъ ребенку приснилось, будто двѣ змѣйки жалятъ ему сердце и ихъ ужаленіе ему чрезвычайно пріятно; старикъ объясняетъ мальчику, что этихъ змѣекъ надо прогнать, — онѣ пагубны: это—лѣнь и ложь, знакомство съ ними пріятно, но губительно... Въ рассказѣ *Чудодѣй* старикъ очень просто разрѣшаетъ недоумѣніе пѣллага города: всѣ въ переполахъ, собака перепугала всѣхъ — «шныряетъ, воеетъ день и ночь»; ужъ они въ нее стрѣляли, гнали ее— все нейметса, и жители подозрѣваютъ, не колдунья-ли она... но старикъ справился съ собакой, усмирилъ ее,

И всѣ кричатъ:—«Ты чудодѣй!»...
Абдуль смѣется:—«Вы стрѣляли,
Вы били, гнали—не прогнали!
А я... далъ просто хлѣба ей!».

Въ рассказикѣ *Выборъ* султанъ отвергаетъ кандидатовъ въ правители—мощнаго дикаря и хилаго мудреца, и останавливаетъ свой выборъ на скромномъ, вдохновенномъ, добромъ юношѣ.

Къ сожалѣнію, большинство изъ эпическихъ стихотвореній не лишено анекдотическаго характера. Нѣкоторыя, впрочемъ, авторъ и самъ называетъ анекдотами. Нужно признаться, что не всѣ они одинаково остроумны, хотя въ большинствѣ одинаково грубоваты, особенно: *Ложь*, *Аза* и *Меджидъ*. Лучшие анекдоты: *Пилавъ* и *Ахметъ на минаретъ*.

Н. П.

Не принятый подарокъ. Рассказъ изъ школьной жизни, для дѣтей. И. К. Лабутина. Рисунки барона М. П. Клодта. Спб. 1894. Ц. 30 к.

Совсѣмъ ученичeskій рассказъ изъ школьной жизни! Какъ ученичeskій, притомъ вполне грамотный и гладко изложенный, рассказъ, конечно, заслуживалъ-бы полнаго балла; но, какъ литературный, онъ, не обладая достоинствами, кромѣ вышеуказанныхъ, не производитъ вовсе впечатлѣнія и поэтому не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Авторъ мужчина (если это не псевдонимъ) пишетъ рассказъ изъ жизни женскаго учебнаго заведенія. Не потому-ли отчасти и получилось у него нѣчто сочиненное и далеко нежизненное?

Содержаніе рассказа такое. Какая-то благодарная ученица какой-то изъ петербургскихъ женскихъ гимназій вспоминаетъ о своей бывшей классной дамѣ—персонѣ всевозможныхъ добродѣтелей, но, въ освѣщеніи автора, особѣ скучной, расчетливой въ каждомъ своемъ поступкѣ, рассудительной до педантичности, дѣйствующей въ силу курьезнаго, quasi-педагогическаго принципа, будто «наставница должна (?) наказывать провинности ученицъ» (стр. 6-я),—особѣ, разражающейся передъ классомъ длинными, сухими рѣчами (стр. 21,

22 и 23-я),—особѣ безжизненной и вообще несимпатичной. Дѣтишки, любя свою классную даму, въ простотѣ своей сердечной и въ порывѣ добраго чувства, сдѣлали добровольную складчину, купили хорошенькую бомбоньерку, наложили въ нее конфетъ и послали это, при поздравительной записочкѣ, своей наставницѣ въ день ея Ангела. Но учащимъ принимать подарки отъ дѣтей запрещено. Что-же дѣлаетъ моралистка у г. Лабутина? Она не нашла болѣе деликатной, личной формы для объясненія дѣтямъ несоотвѣтственности ихъ поступка, какъ вернуть имъ этотъ скромный «вещественный знакъ невещественныхъ отношеній»—вернуть черезъ вахтера и при этомъ разразиться длинною рѣчью о *непослушаніи* и потокомъ слезъ... Плачетъ она передъ дѣтьми не потому, чтобы ее тронуло ихъ вниманіе (какъ-бы оно, собственно, слѣдовало), а потому, будто-бы ее сокрушаетъ ихъ непослушаніе... Вотъ-то, ужъ подлинно, глаза на мокромъ мѣстѣ!

Н. П.

Дѣдъ-годовикъ (стихотвореніе). Мѣры времени. П. Е. П.—го. Тула. 1893. Ц. 10 коп.

Какой-то стихотворный отчетъ о четырехъ временахъ года. Каждая изъ четырехъ частей этого отчета заканчивается докладывающею строчкой:

Трудовое веселое времечко это
Называется красное *лѣто*...
Нами *осенью* время такое зовется...
У насъ время такое зовется *зимою*...
Это время въ году есть *весна*...

Желая быть аккуратнымъ и точнымъ въ своемъ отчетѣ, авторъ, куда-бы ни заглянулъ, сейчасъ-же начинаетъ докладывать читателю обо всемъ, что онъ видѣлъ. Попалъ онъ на огородъ,—и вотъ ужъ у него цѣлая страница занята перечнемъ всевозможныхъ огородныхъ овощей (стр. 4-я); но вотъ забрелъ онъ въ лѣсъ,— и опять цѣлая страница съ перечисленіемъ грибовъ, ягодъ и прочей лѣсной снѣди (стр. 6-я), и т. д. до 20-й страницы. Покончивъ наконецъ съ стихотворнымъ отчетомъ и подписавъ его полною своею фамиліей, авторъ (должно быть, для вѣщей аккуратности) прибавляетъ къ своимъ стихамъ подробный перечень мѣръ времени, откуда дѣти, между прочимъ, къ радости своей, узнаютъ, что «весна бываетъ между зимою и лѣтомъ и наступаетъ вслѣдъ за зимою» и что «1000 лѣтъ составляютъ собою тысячелѣтіе».

Н. П.

Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ. № 11. Петръ Пахтусовъ. Н. А. Борисова. Изданіе М. М. Ледерле и Ко. Спб. 1894. Ц. 30 к.

Въ серію «Рассказовъ о хорошихъ людяхъ» издатели начинаютъ включать и русскихъ путешественниковъ. Первый опытъ, съ описаніемъ изслѣдованій Петра Кузьмича Пахтусова, очень удаченъ. Книжка составлена лицомъ, очевидно, близко знающимъ морское дѣло во-

обще, а въ частности изучившимъ съ большимъ вниманіемъ экспедиціи Пахтусова. Для юныхъ читателей личность этого путешественника имѣетъ неотразимую прелесть: «человѣкъ твердой воли и несокрупимой энергии,—такъ заканчиваетъ г. Борьсовъ свой очеркъ—онъ, помимо всегдашней доброты и готовности помочь страждущему и нуждающемуся, оставилъ по себѣ память добродушной прямоотой и неуклонной послѣдовательностью своимъ убѣжденіямъ, выказывая эти качества въ общеніи со всѣми, съ кѣмъ только ему приходилось встрѣчаться». Хотя дѣла его не громки и не видны, но далеко не такими скромными представляются они, если взять въ соображеніе, что въ первомъ своемъ путешествіи, будучи еще совѣтъ неопытнымъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи столь бѣдныя средства, что съ ними могъ-бы справиться только человѣкъ, вполнѣ освоившійся съ трудами полярныхъ экспедицій; слѣдовательно, все, что сдѣлалъ Пахтусовъ, должно особенно усугубиться въ глазахъ cadaго, желающаго быть справедливымъ.

Н. П.

Общедоступная бібліотека Ступина. Пѣсня о купцѣ (про купца) Калашниковѣ. М. Ю. Лермонтова. Съ рисунками художника Нестерова. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1893. Ц. 5 коп.

Положимъ, пятачекъ—цѣна общедоступная; но если взять въ соображеніе, что пятачекъ назначенъ за книжечку въ 29 страничекъ *разномыстаго шрифта*, и что есть *трехконтное* изданіе этой поэмы, *тоже иллюстрированное*, то въ данномъ случаѣ пятачковая цѣна едва-ли соотвѣтствуетъ общедоступности этой бібліотечки г. Ступина.

Н. П.

Общедоступная бібліотека Ступина. Семейный крестьянскій раздѣлъ. Изъ рассказовъ бабушки, Е. Погожевой. 2-е изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. Москва. 1893. Ц. 20 коп.

Двугривенный за книжечку въ 86 страницъ, да еще безъ рисунковъ, также не соотвѣтствуетъ понятію объ общедоступности книги. Брошюры такого объема въ изданіи «Посредника» и Сытина стоятъ копейки по 3, не дороже. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе неумѣстно, что повѣсть г-жи Погожевой, по своей наивности и поучительному нарочито только для деревни содержанію, предназначена для читателей такого круга, гдѣ двугривенный за книжку составляетъ цѣлый капиталъ. И еще тѣмъ болѣе неумѣстна высокая цѣна книжки, что распространеніе этой повѣсти въ крестьянской средѣ весьма желательно: не будучи, правда, художественной, она поучительна своимъ содержаніемъ, указывающимъ на вредъ семейнаго раздѣла для крестьянскаго хозяйства. Пока въ семьѣ Борзовыхъ не дѣлились, все шло у нихъ благополучно; но только произошелъ раздѣлъ, какъ уже все въ хозяйствѣ стало быстро приходить и пришло къ упадку; стоило однако семьѣ вновь сплотиться,—и хозяйство, а съ нимъ и благосостояніе всей семьи мало-по-малу возстановились.

Н. П.

Общедоступная бібліотека Ступина. И. А. Крыловъ и его басни. Составилъ Аркадій Сосницкій. (Съ рисунками). Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. Москва. 1893. Ц. 10 коп.

Указываемъ на эту брошюрку, какъ на составленную толково и изложенную живо, отлично: въ ней удачно соединяется біографическій очеркъ писателя съ характеристикой его литературной дѣятельности; припечатанъ тутъ-же и цѣлый рядъ лучшихъ басенъ съ краткими поясненіями, противъ чего онѣ направлены и что должны сказать собою. Книжечка эта можетъ служить отличнымъ пособіемъ въ школъ при ознакомленіи дѣтей съ Крыловымъ и его поэзіей; даже ученики и ученицы старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній при прохожимомъ у нихъ курсѣ литературы XIX вѣка найдутъ въ очеркѣ г. Сосницкаго не мало біографическаго и критическаго матеріала.

Н. П.

Русская поэзія. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ 3-й. Спб. 1883. Цѣна 1 руб.

Новый выпускъ «Русской поэзіи» содержитъ въ себѣ произведенія трехъ поетовъ прошлаго вѣка: Хемницера (полное собраніе басенъ), Хераскова («Россиада») и Богдановича (полное собраніе оригинальныхъ стихотвореній). Къ этимъ собраніямъ припечатаны критическія статьи: Я. К. Грота (о Хемницерѣ), М. Д. Хмырова (о Херасковѣ) и А. И. Незеленова (о Богдановичѣ). Итакъ, «Русская поэзія» во всѣхъ трехъ выпускахъ представляетъ уже собраніе произведеній 10 поетовъ XVIII вѣка, съ критическими объ нихъ статьями.

Вновь указываемъ на это прекрасно задуманное и отлично выполняемое изданіе, которымъ юноши, любящіе собирать и составлять себѣ бібліотеку, поистинѣ украсятъ ее.

Н. П.

Птичница Агаѣя. Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Изданіе С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества. Спб. 1893, цѣна 50 к.

Волшебница-Весна. Разсказъ Н. Ѳ. Плахова. Съ рисунками К. В. Изенберга. Изданіе С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества. Спб. 1893, цѣна 50 коп.

Оба эти разсказа получили преміи Фребелевскаго общества на послѣднемъ конкурсѣ, и оба они доказываютъ ясно, какъ скудно современное наше творчество, если изъ полтора ста почти разсказовъ, представленныхъ на соисканіе преміи, лучшими оказались эти. Долженъ, впрочемъ, признать, что, пожалуй, они недурны и противъ нихъ ничего сказать нельзя, но и за нихъ-то скажешь немного: ничего выдающагося, ничего такого, что заслуживало-бы особаго отличія, — въ нихъ нѣтъ. Грамотно, гладко, доступно для самыхъ маленькихъ дѣтей, не безъ содержанія, не безъ мысли, но не тепло, не талантливо, не увлекательно. Въ дѣтскихъ журналахъ зачастую попадаются статейки несравненно лучше этихъ, и однако никакихъ премій за нихъ никто не выдаетъ. Кромѣ того, если припомнить то обстоя-

тельство, что бывали случаи, когда конкурсъ Фребелевскаго общества не могъ состояться, и изъ ста слишкомъ представленныхъ рассказовъ ни одинъ не удостоивался преміи, то невольно задаешь себѣ вопросы: почему настоящіе, «заправдашные» авторы не присылаютъ своихъ произведеній на конкурсъ, а присылаютъ только лица, совершенно невѣдомыя въ литературѣ? или они боятся потерпѣть фіаско? или они, быть можетъ, и присылаютъ, но комиссіи не удается различить, что лучше, и выборъ ея падаетъ на слабѣйшее? (что, впрочемъ, трудно допустить, такъ какъ жюри въ обществѣ этомъ обыкновенно состоитъ изъ лицъ, близко стоящихъ къ воспитанію и въ частности къ педагогической литературѣ). Объ этомъ вообще слѣдовало-бы подумать авторамъ, могущимъ писать и пишущимъ для дѣтей. Дѣло въ томъ, что если отличать лучшіе рассказы, издавать ихъ такъ роскошно и по такой дорогой цѣнѣ, какъ это дѣлаетъ Фребелевское общество, то лучше ужъ распространять что-нибудь выдающееся. Когда-то были премированы этимъ обществомъ прелестные, художественные рассказы гг. Авенаріуса, Мамина, Вучетича, г-жъ Роговой, Куликовой, Сергіевской; теперь-же счастье перешло къ авторамъ, пишущимъ хоть и грамотно, но вяло и безцвѣтно. Право, объ этомъ слѣдовало-бы подумать господамъ дѣтскимъ писателямъ нашимъ.

Въ «*Птичницъ-Агабѣ*» г-жа Лукашевичъ изображаетъ цѣлую жизнь человѣка, проведенную на птичьемъ дворѣ, *Цѣлая жизнь—на нѣсколькихъ страничкахъ!* Однообразно текла эта жизнь. Птичница ходила за птицами, кормила ихъ, ласкала, жила съ ними, можно сказать, одною жизнью; но вотъ новый помѣщикъ отставилъ ее отъ птичьяго двора (это—единственное крупное событіе въ цѣломъ вѣкѣ человѣка!); заскучала старушка, а когда черезъ годъ оказалось, что новая птичница ходила за птицей плохо, взяли опять Агабю, и она вновь процвѣла. Авторъ хочетъ показать, что Агабю чрезвычайно предана своему дѣлу, что она живетъ только своими птицами, что птицы—вся и притомъ единственная страсть ея; но въ рассказѣ всего этого не видно, нѣтъ никакихъ событій, нѣтъ никакого дѣйствія со стороны героини рассказа (даже смѣшно назвать эту сентиментальную, безцвѣтную старушку «героиней»). Приходится вѣрить автору на слово. Итакъ, за рассказомъ этимъ можно признать и содержаніе, и недурное изложеніе; но художественности, которая сдѣлала-бы его сколько-нибудь выдающимся, признать въ немъ нельзя.

Написана лучше—живѣе и ярче сказочка г. Плахова. «*Волшебница Весна*». Однако, она-же вмѣстѣ съ тѣмъ и хуже въ отношеніи правдивости: въ ней есть существенные недостатки въ самой основѣ, свидѣтельствующіе, что и она не изъ выдающихся. Ребенокъ скучаетъ; зимой ему пришлось сидѣть дома, потому что было холодно; становится теплѣй, а его все-таки не пускаютъ гулять, потому что мокро и грязно; ребенокъ ждетъ весны, повидимому, не имѣя объ ней никакого представленія (хочетъ, напр., идти навстрѣчу къ ней, думая, что она, дѣйствительно, *идетъ*, какъ ходятъ, напр. люди); мать увѣряетъ, что видѣтъ весну, какъ конкретное существо, и нельзя,—и вдругъ ребе-

нокъ, заснувъ, видитъ во снѣ весну со всѣми ея подробностями! Надо признать, что весна хорошо, вѣрно и красиво описана авторомъ; но фальшь тутъ очевидна: откуда у ребенка могли взяться подробности всѣхъ этихъ картинъ, когда онъ раньше, какъ видно изъ первой главы, не имѣетъ рѣшительно никакого представленія о томъ, что такое весна? почему фантазія ребенка разыгралась такъ сходно съ дѣйствительностью? и въ этомъ описаніи *сна*, воспроизводящемъ такъ *вѣрно* наступленіе весны, нѣтъ-ли фальши, весьма замѣтной? наконецъ, возможно-ли, чтобы дитя, которое *говоритъ ужь правильно*, не коверкая словъ (т. е. дитя не очень ужь маленькое), чтобъ оно не знало и раньше никогда не слышало о веснѣ, чтобъ оно вовсе даже не помнило весны прошлаго года, которая должна была, *непретѣнно* должна была произвести на него сильное впечатлѣніе, — тѣмъ болѣе, что ребенокъ живетъ въ деревнѣ, среди природы, гдѣ наступленіе время года и всякія перемѣны погоды особенно замѣтны наблюдательному глазу, и еще тѣмъ болѣе, что ребенокъ-то онъ впечатлительный?... Словомъ, рассказъ, живой по красивому описанію весны, но недостаточно продуманъ и отдѣланъ. Фабула его страдаетъ промахами неопытнаго автора. Это, впрочемъ, пріемъ многихъ авторовъ: гдѣ не хватаетъ творчества, чтобы оформить фабулу художественно, прибѣгаютъ къ фантастическому элементу, — заставляютъ, напр., ребенка заснуть и видѣть во снѣ все, о чемъ автору требуется повѣдать.

Если-бы рассказы эти появились гдѣ-нибудь въ журналѣ или вышли-бы, просто, брошюрками, можно-бы отнести къ нимъ снисходительнѣе, такъ какъ это все-таки вещицы литературныя; но приходится отнести къ нимъ строго въ виду того, что они удостоены преміи компетентнымъ учрежденіемъ и, слѣдовательно, на нихъ, какъ подлежащихъ большому распространенію, лежитъ значительно больше ответственности, чѣмъ на книжкахъ, выходящихъ обыкновеннымъ путемъ. Изданы они прекрасно—большими тетрадями изъ плотной бумаги, съ прелестными и обильными рисунками (особенно хороши силуэты г. Изенберга).

Н. П.

II Отдѣлъ.

Воспитаніе воли.

(L'education de la volonté. Payot *).

Заглавіе дѣйствительно заманчивое, такъ какъ до сихъ поръ слабость воли является нашимъ больнымъ мѣстомъ; самая возможность воспитывать ее многими оспаривается, а въ научную обработку вопроса вносится очень часто метафизическій элементъ, затемняющій дѣло. Пэйо смотритъ на свой трудъ, какъ на практическое руководство къ воспитанію въ себѣ воли; приче́мъ онъ не разсуждаетъ о воспитаніи воли вообще, а преимущественно о воспитаніи воли, *необходимой для продолжительной и упорной умственной работы*. Свое введеніе онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Я слышалъ, какъ молодые люди жаловались на отсутствіе метода, съ помощью котораго можно было бы приобрести господство надъ самимъ собой. Я предлагаю имъ плоды почти четырехлѣтнихъ занятій и размышленій».

Самъ Пэйо очень высоко ставитъ это умѣніе господствовать надъ самимъ собой; можно даже упрекнуть его по этому поводу въ нѣкоторомъ преувеличеніи. Отъ воспитанія воли, говоритъ онъ, зависитъ наше счастье, такъ какъ оно состоитъ въ томъ, чтобы брать отъ пріятныхъ идей и чувствованій всю ту радость, которую они намъ могутъ дать, и, наоборотъ, не позволять тягостнымъ идеямъ и чувствованіямъ овладѣвать нашимъ сознаніемъ. Такимъ образомъ, счастье предполагаетъ наличность полнаго господства надъ вниманіемъ, а это въ свою очередь есть не что иное, какъ высшая степень проявленія воли. Но не только счастье, а и высшее интеллектуальное развитіе зависитъ отъ нашего господства надъ самими собой. «Геній, продолжаетъ Пэйо,—это прежде всего долгое терпѣніе: не превосходству ума обязаны мы научными и литературными трудами, наиболѣе чтимыми человѣческимъ умомъ, а превосходству воли». Именно съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ, по его мнѣнію, переформировать наше образованіе; необходимо уничтожить этотъ «безсмысленный и исключительный культъ памяти», ослабляющій силы молодежи. Въмѣсто того, чтобы обременять память, слѣдуетъ ввести активныя работы, которыя способствовали-бы развитію сужденія, выработкѣ и интеллектуальной инициативы и твердости выводовъ: «воспитывая волю, мы

*) Подъ такимъ заманчивымъ заглавіемъ вышла въ ноябрѣ прошлаго года въ Парижѣ книга Пэйо.

создаемъ гениальныхъ людей!» Воспитаніе-же воли вполне возможно; оно требуетъ лишь времени и знанія психологическихъ законовъ нашей природы; и такъ какъ воля есть сила эмоціональная, то единственнымъ средствомъ укрѣпить ее является умѣлое развитіе чувствованій. Въ виду этого Пэйю ставить себѣ задачей разсмотрѣніе способовъ порождать и укрѣплять чувствованія, благоприятныя для господства надъ собой, и уничтожать или, по крайней мѣрѣ, подавлять чувствованія, враждебныя ему.

Его книга заключаетъ въ себѣ двѣ части: теоретическую, разсматривающую психологію воли и тѣ внутреннія средства, съ помощью которыхъ мы достигаемъ господства надъ чувствованіями, и практическую, содержащую рядъ совѣтовъ и практическихъ указаній. Конечно, нельзя смотрѣть на этотъ трудъ, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ безволія; можно даже сказать, что практическая часть имѣетъ для насъ меньше значенія, чѣмъ теоретическая, и написана болѣе субъективно; но при всемъ томъ книга эта очень интересна, такъ какъ является попыткой поставить вопросъ о волѣ на чисто психологическую почву. По своему исполненію трудъ этотъ также заслуживаетъ полнаго вниманія, а потому нѣкоторое знакомство съ нимъ будетъ, вѣроятно, небезъинтереснымъ для нашихъ читателей. Мы попытаемся изложить здѣсь кратко главы о психологіи воли, не принимая на себя критики возрѣній автора.

Пэйю исходитъ изъ того положенія, что слабость воли и боязнь всякаго усилія, а тѣмъ болѣе продолжительнаго, являются единственной причиною почти всѣхъ нашихъ несчастій и неудачъ. Дѣйствительно, только подъ давленіемъ необходимости соглашается человѣкъ на усиліе, продолжающееся болѣе долгій промежутокъ времени. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно пріучать дѣтей къ правильной работѣ, требующей болѣе постояннаго усилія; а затѣмъ это общее почти всѣмъ отсутствіе стремленія сдѣлать работу лучше, по поводу чего еще Спенсеръ сказалъ: «дѣйствительно, кажется, что почти большинство людей ставятъ себѣ цѣлью пройти жизнь, истрачивая какъ можно меньше мысли». Куда мы ни посмотримъ, вездѣ увидимъ такую-же боязнь передъ какимъ-бы ни было усиліемъ какъ физическимъ, такъ и умственнымъ; а это въ свою очередь ведетъ къ рутинѣ, столь часто наблюдаемой во всѣхъ областяхъ жизни. Иногда эта боязнь усилія проявляется подъ совсѣмъ особой формой: мы можемъ наблюдать множество учениковъ, повидимому, очень прилежныхъ и точныхъ въ своихъ работахъ, но не размышляющихъ нисколько, то есть размышляющихъ только словами. Поразительно, до чего доходитъ у нихъ эта боязнь всякаго усилія мысли: они предпочитаютъ обременить до послѣдней степени свою память, чѣмъ хотя-бы немножко пошевелить мозгами. Къ сожалѣнію, это отвращеніе къ работѣ мысли переходитъ съ ними въ университеты и далѣе въ жизнь; иногда оно сказывается даже въ ихъ ученой дѣятельности, хотя здѣсь принимаетъ болѣе тонкія формы.

Умѣнье побуждать въ себѣ эту боязнь усилія есть одно изъ самыхъ яркихъ проявленій воли; мы всѣ сознаемъ, что наша нравствен-

ная цѣнность зависитъ, главнымъ образомъ, отъ той энергіи, которую мы проявляемъ, а съ другой стороны,—что наша работа служить приблизительнымъ мѣриломъ для опредѣленія степени силы нашей воли; отсюда—это постоянное весьма понятное стремленіе увеличивать нашу работу не только передъ другими, но и передъ самими собой. При всякой работѣ необходима извѣстная доля вниманія, но вниманіе не есть что-нибудь постоянное, неподвижное, продолжительное; его скорѣе можно разсматривать, какъ рядъ повторныхъ усилій, болѣе или менѣе напряженныхъ, слѣдующихъ одно за другимъ съ болѣе или менѣе скоростью. При активномъ вниманіи эти усилія такъ близко слѣдуютъ одно за другимъ, что получается впечатлѣніе чего-то непрерывнаго. И такъ, мы должны стремиться къ извѣстной энергіи вниманія, обусловленной не только интенсивностью и частотой усилій, но еще и направленіемъ мысли къ одной извѣстной цѣли, чтобы у насъ была господствующая идея, которая на извѣстное время направляла и подчиняла-бы себѣ всѣ наши другія идеи, желанія и чувствованія.

Прежде, чѣмъ заняться собственно психологіей воли, Пэйю опредѣляетъ свое отношеніе къ двумъ крайнимъ противоположнымъ теоріямъ о волѣ: детерминизму съ одной стороны и теоріи о свободѣ воли—съ другой. Къ той и другой относится онъ отрицательно, считая ихъ ложными самихъ по себѣ и крайне вредными для ученія о воспитаніи воли, такъ какъ онѣ являются собственно прямымъ отрицаніемъ такого воспитанія.

Первая теорія разсматриваетъ нашъ характеръ, какъ нѣчто непреложное, неизмѣнное, неспособное къ совершенствованію. Такъ, одинъ изъ представителей ея А. Шопенгауеръ говоритъ, что можно воспитаніемъ довести эгоиста до сознанія, что лучший способъ достигнуть благосостоянія—работа и честность, а не обманъ; но невозможно слѣлать душу его чувствительной къ страданіямъ другихъ; это все равно, что превратить свинецъ въ золото; можно убѣдить эгоиста отказаться отъ малой выгоды, чтобы получить большую, но нельзя искоренить въ немъ эгоизмъ, какъ нельзя доказать мышѣ, что она неправъ любить мышей. Другой представитель этого-же направленія, хотя со всѣмъ на другой точкѣ зрѣнія—Гербертъ Спенсеръ—допускаетъ, правда, что человѣческій характеръ можетъ измѣняться подъ вліяніемъ ви́шнихъ силъ и условій жизни, но утверждаетъ, что процессъ этотъ совершается очень медленно въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Между тѣмъ, говоритъ Пэйю, въ жизни мы часто видимъ, какъ характеръ человѣка мѣняется въ какіе-нибудь нѣсколько лѣтъ, а иногда даже внезапно; да, наконецъ, что такое представляетъ изъ себя характеръ, какъ не равнодѣйствующую различныхъ силъ, притомъ постоянно измѣняющихся. А если такъ, то способность его къ совершенствованію внѣ сомнѣнія.

Другая теорія, проповѣдующая свободу воли, кажется съ перваго взгляда болѣе благопріятной для воспитанія этой воли, но на дѣлѣ мы видимъ другое: объявляя легкимъ и прирожденнымъ то, что дается намъ только съ большимъ трудомъ послѣ упорной работы надъ собой,

она вселяетъ въ насъ глубокое разочарованіе; она не говоритъ о томъ, что эту свободу надо еще приобрести и не указываетъ средствъ къ этому. Съ одной стороны, мы слышимъ увѣренія въ свободѣ воли, а съ другой—видимъ полное несоотвѣтствіе между нашими добрыми намѣреніями и слабостью воли; отсюда отчаяніе и увлеченіе теоріями детерминизма, которыя по крайней мѣрѣ научаютъ насъ смиряться предъ неизбѣжнымъ. Чтобы быть свободнымъ, говоритъ Пейо, надо заслужить эту свободу, надо бороться за нее, причемъ эта борьба должна вестись на почвѣ психологическихъ законовъ, безъ знанія которыхъ побѣда невозможна. Только при помощи ихъ можно укрѣпить присущее всѣмъ намъ желаніе исправленія, какъ-бы мимо-летно оно ни было, воспитать его и превратить въ твердую рѣшимость. Для обезпеченія нашей свободы достаточно, чтобы наше воображеніе было въ состояніи составить себѣ осуществимый планъ жизни, а затѣмъ уже знаніе психологическихъ законовъ и примѣненіе ихъ дадутъ намъ возможность работать надъ его осуществленіемъ при помощи могущественнаго союзника—времени. Такое понятіе о свободѣ можетъ быть и не такъ плѣнительно для нашей умственной лѣни, но за то оно больше соотвѣтствуетъ нашей психологической и нравственной природѣ; здѣсь нѣтъ той рѣзкой противоположности между горделивымъ утвержденіемъ существованія абсолютной свободы и подчасъ рабской зависимостью отъ своихъ страстей. И такъ, прежде всего надо изучить психологію воли.

Элементами нашей внутренней жизни являются идеи, чувствованія и дѣйствія; надо рассмотреть, какую роль играютъ они въ волѣ. Начнемъ съ идей; множество ихъ приходитъ къ намъ какъ-бы извнѣ, какъ слѣдствіе разговоровъ, чтенія и даже сновъ; мы имѣемъ полную власть надъ ними, но онѣ надъ нами—никакой, такъ какъ вся сила идеи заключается въ ея связи, болѣе или менѣе тѣсной, съ какимъ-либо чувствованіемъ. Когда-же умъ вполне изолированъ отъ чувствованія, то онъ безсиленъ надъ нами; конечно, такое изолированіе очень рѣдко наблюдается въ совершенно здоровомъ состояніи, и за примѣрами подобнаго рода приходится обращаться къ *патологическимъ случаямъ*. Рибо въ своей книгѣ *) приводитъ цѣлый рядъ такихъ случаевъ, когда пораженіе чувствительности лишало человѣка способности пользоваться своими членами. Нѣчто подобное испытываемъ мы иногда послѣ тревожно проведенной ночи: мы погружены въ какое-то оцѣпенѣніе и, хотя прекрасно знаемъ, что намъ надо дѣлать, тѣмъ не менѣе не можемъ подняться. Но вотъ мы слышимъ, что кто-то пришелъ, боязнъ быть застигнутымъ врасплохъ,—что является уже чувствованіемъ,—заставляетъ насъ немедленно вскочить съ постели. Возьмемъ болѣе яркій примѣръ: большинство людей думаетъ о неизбѣжности смерти совершенно отвлеченно, а потому эта идея и не имѣетъ никакого вліянія на ихъ поведеніе; даже осужденные на смерть *чувствуютъ* эту идею только въ послѣднія минуты жизни.

Кромѣ массы идей, не связанныхъ съ чувствованіями, у насъ есть

*) «Болѣзни воли», пер. съ 8-го изд. стр. 49—62.

идей, соединенныя съ чувствованіями случайными, мимолетными; онѣ уже могутъ имѣть на насъ извѣстное вліяніе. Напримѣръ, извѣстіе объ успѣхѣ товарища можетъ возбудить въ насъ чувство соревнованія и побудить къ работѣ, хотя бы передъ тѣмъ мы нѣсколько дней не могли заставить себя взяться за дѣло, не смотря на всѣ основательные доводы разсудка.

Болѣе глубокими являются тѣ идеи, которыя, хотя и возникли извнѣ, но находятся въ полной гармоніи съ нашими основными чувствами, представляя такое тѣсное соединеніе, что не знаешь, идея ли поглотила чувство, или чувство идею?—это уже собственно и не идеи, а могущественныя психологическія состоянія, энергія которыхъ коренится въ живомъ источникѣ чувствованій.

И такъ, однѣ чистыя идеи безъ примѣси чувства безсильны надъ нашей волей; это тѣмъ болѣе печально, говоритъ Пэйо, что мы сами, пользуясь законами ассоціацій, имѣемъ надъ идеями большую власть. Дѣйствительно, мы всегда можемъ насильственнымъ образомъ разорвать цѣпь самой прочной ассоціаціи, введя въ нее какое-нибудь наличное состояніе; особенно пригодно для этой цѣли движеніе, преимущественно-же движеніе, обуславливающее собою рѣчь. Желая разорвать извѣстную ассоціацію идей, мы можемъ говорить вслухъ, читать, наконецъ, бичевать себя, какъ это дѣлаютъ монахи при искушеніяхъ; такимъ образомъ, можемъ ввести идею, которая дастъ другое направленіе нашимъ мыслямъ. Дѣятельную помощь оказываютъ намъ при этомъ законы памяти: для запечатлѣнія чего-нибудь въ памяти, необходимо частое и продолжительное повтореніе, а потому исключеніе какой-либо идеи изъ цѣпи ассоціаціи ведетъ за собой ея обезцѣвчиваніе и стираніе; она атрофируется мало-по-малу, увлекая за собой и другія связанныя съ нею идеи. Наоборотъ, когда мы хотимъ сохранять существующія ассоціаціи и дать имъ окрѣпнуть, мы тщательно удаляемъ всѣ наличныя состоянія, чуждыя имъ, могища вторгнуться въ наше сознаніе; мы ищемъ тишины, покоя, закрываемъ даже глаза. Иногда-же мы прибѣгаемъ къ помощи наличныхъ состояній, которыя намъ могутъ быть полезными: мы произносимъ вслухъ наши мысли или пишемъ ихъ; послѣднее удивительно помогаетъ при долгихъ размышленіяхъ.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ чувствованіями; они господствуютъ надъ нашей волей, мы же почти безсильны относительно ихъ. Могущество чувствованій засвидѣтельствовано столькими примѣрами, что врядъ-ли нуждается еще въ подтвержденіи. Мы знаемъ, что чувства могутъ нарушать психологическія состоянія, самыя независимыя отъ нихъ, хотя бы, напримѣръ, зрительныя воспріятія: любовь и ненависть ослѣпляютъ насъ на каждомъ шагѣ. При воспитаніи мы постоянно прибѣгаемъ къ помощи чувствованій, отсюда такой трудъ воспитывать дѣтей со слабой чувствительностью. «*Они слушаютъ все и ничего не чувствуютъ*» *). Теперь попытаемся опредѣлить, почему же мы такъ безсильны относительно нашихъ чувствованій? Пэйо объ-

*) Фенелонъ. «О воспитаніи дѣвицъ», гл. IV.

ясняетъ это самой природой ихъ. Всякое наше воздѣйствіе на внѣшній міръ совершается при помощи мускуловъ, и обратно—на всякое внѣшнее воздѣйствіе мы отвѣчаемъ при помощи ихъ-же: при всемъ своемъ разнообразіи каждый мускульный актъ требуетъ извѣстнаго расхода силы. Природа пополняетъ этотъ расходъ ускореніемъ кровообращенія, такъ что всякое чувствованіе характеризуется непосредственнымъ физиологическимъ волненіемъ, которое само по себѣ автоматически и совершенно ускользаетъ отъ воздѣйствія нашей воли. Не будучи въ состояніи устранить это органическое волненіе, мы не можемъ и воспрепятствовать ему, превращенному въ психическій актъ, овладѣвать нашимъ сознаниемъ. Пѣйо приводитъ изъ собственной жизни очень яркій примѣръ такой неравной борьбы между размышленіемъ и внутреннимъ волненіемъ. Ему говорятъ, что его ребенокъ, отправившись утромъ къ своимъ друзьямъ, не появлялся у нихъ; немедленно сердце его начинаетъ усиленно биться, но онъ размышляетъ и находитъ уважительную причину для объясненія его отсутствія. Тѣмъ не менѣе беспокойство окружающихъ и идея, неизвѣстно какъ возникшая, что ребенокъ могъ играть на берегу большаго ручья, протекавшаго невдалекѣ, привели его въ волненіе; онъ сознавалъ, что его опасенія неосновательны, и все-таки физиологическое волненіе дошло до крайняго предѣла: сердце его готово было разорваться; чувствовалась такая рѣзкая боль въ кожѣ, покрывающей голову, какъ-будто всѣ волосы стали дыбомъ; руки тряслись, и одна мысль безумнѣе другой пробѣгала у него въ головѣ. Когда спустя нѣкоторое время ребенокъ нашелся, сердце его продолжало усиленно биться, а волненіе перешло въ гнѣвъ, обрушившійся на ни въ чемъ неповинную служанку. И долгое время еще онъ не могъ успокоиться.

Но если прямое воздѣйствіе на чувствованіе и недоступно для нашей воли, то все-же до нѣкоторой степени мы можемъ вліять на нихъ косвенно. Во-первыхъ, физиологическое волненіе умѣряется внѣшними терапевтическими средствами: приемъ дигиталиса ослабляетъ вспышку гнѣва, регулируя біеніе сердца; чашка кофе можетъ помочь намъ преодолѣть физическое и умственное оцѣпенѣніе; но разсмотрѣніе этихъ средствъ не входитъ собственно въ задачу психологическаго изслѣдованія. Во-вторыхъ, мы имѣемъ возможность вліять косвеннымъ образомъ на психологическую сторону чувствованія; именно, пользуясь ассоціаціями, существующими между чувствованіями и ихъ внѣшними проявленіями, можно посредствомъ послѣднихъ вызывать первыя. Напримѣръ, подражая внѣшнимъ проявленіемъ гнѣва, мы можемъ вызвать самое чувствованіе гнѣва; внѣшнія проявленія вѣры вызываютъ извѣстное религиозное настроеніе; на что, между прочимъ, разсчитаны всѣ обряды, процессіи и пр. Но дѣло въ томъ, что подобнымъ образомъ могутъ быть вызваны только тѣ чувствованія, которыя уже *существуютъ* въ насъ, которыя уже ассоциировались, болѣе или менѣе прочно, съ своими внѣшними проявленіями. Вызвать же такимъ путемъ какое-нибудь новое чувствованіе или чувствованіе, находящееся еще въ зародышѣ, невозможно. Съ другой стороны, въ нашей власти удержаться отъ внѣшняго проявленія какого-нибудь

чувствованія и тѣмъ способствовать его ослабленію и даже подавленію; но это только въ томъ случаѣ, если оно не успѣло еще достигнуть своего полнаго развитія. Вообще надо сознаться, что *непосредственное* вліяніе нашей воли на возникновеніе, а главное, на уничтоженіе какого-либо чувствованія, весьма ничтожно; тѣмъ не менѣе, говоритъ Пейо, мы можемъ достигнуть господства надъ своими чувствованіями, такъ какъ эти послѣднія, по крайней мѣрѣ болѣе сложныя изъ нихъ, нуждаются въ поддержкѣ со стороны идей; слѣдовательно, умъ, дѣйствуя медленно, но вѣрно, можетъ съ теченіемъ времени подчинить ихъ себѣ.

Для пріобрѣтенія господства надъ собой необходимо прежде всего, чтобы между идеей и поступкомъ установилась связь, настолько прочная, чтобы дѣйствіе слѣдовало за возникновеніемъ идеи съ точностью рефлекса. Но такая связь можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если она скрѣплена чувствованіемъ. При воспитаніи всегда стараются образовать, при помощи сильныхъ чувствованій, привычки мыслить и дѣйствовать, т. е. организовать въ умѣ ребенка ассоціаціи идей съ идеями, идей съ чувствованіями и идей съ дѣйствіями. Но при самовоспитаніи задача гораздо труднѣе, такъ какъ надо самому упрочить господство извѣстной идеи, найдя ей поддержку въ чувствованіяхъ, уже имѣющихся на лицо. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что такое ассоціированіе идеи съ благопріятными для нея чувствованіями возможно, хотя и требуетъ много времени и упорства. Посредствомъ такой ассоціаціи мы можемъ сдѣлать привлекательнымъ то, что было совсѣмъ непривлекательнымъ сначала. Конечно, мы не можемъ ни возбуждать, ни создавать чувствованій, не имѣющихся у насъ; но несомнѣнно, что въ каждомъ человѣкѣ существуютъ элементарныя чувствованія, присущія вообще человѣческой природѣ, и какъ бы слабы они ни были, мы всегда можемъ вызвать ихъ къ жизни, обративъ на нихъ наше вниманіе, которое въ данномъ случаѣ является творческимъ.

Съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что всякое болѣе сложное чувствованіе всегда ищетъ поддержки у ума, стремясь получить извѣстную законность. Страсть, узаконенная софизмомъ, является наиболѣе опасной; поэтому необходимо разрушать эти софизмы, противопоставлять имъ изслѣдованіе, истину. Но бываютъ случаи, говоритъ Пейо, когда приходится противопоставлять софизмамъ или даже истинѣ, неблагоприятной для пріобрѣтенія господства надъ собой, сплетеніе полезной лжи. Послѣднее кажется совсѣмъ невѣроятнымъ, такъ какъ трудно представить себѣ, чтобы мы могли обманывать самихъ себя; но стоитъ лишь вспомнить, какое могущественное орудіе имѣемъ мы въ законахъ вниманія и памяти, и невѣроятное окажется вполне возможнымъ. Извѣстно, что всякое воспоминаніе, не оживляемое отъ времени до времени, имѣетъ наклонность терять свою ясность, блѣднѣть и исчезать изъ обыкновенной памяти; такимъ образомъ, располагая своимъ вниманіемъ по произволу, мы можемъ обречь на уничтоженіе извѣстное воспоминаніе только тѣмъ, что не будемъ его больше разсматривать, и, наоборотъ, можемъ придать ему боль-

шую рельефность, обращая на него вниманіе. Еще Лейбницъ сказалъ: «мы можемъ заставитьъ себя *вприть*... чему хотимъ, отвлекая наше вниманіе отъ вещи, непріятной для насъ, и обращая его на вещь, намъ нравящуюся: отсюда слѣдуетъ, что, останавливаясь далѣе на доводахъ пріятнаго намъ рѣшенія, мы начинаемъ считать его болѣе правдоподобнымъ».

Но можетъ быть такой случай, что всѣ наши расчеты будутъ сбиты какой-нибудь страстью, которая развилась, пользуясь нашимъ невниманіемъ; тогда не надо забывать, что страсть, какъ чувствованіе болѣе сложное, можетъ питаться только идеями, и что мы можемъ попытаться повернуть ихъ теченіе по своему произволу. Если это окажется уже невозможнымъ, то все-же необходимо обратить наше вниманіе на побѣжденную страстью идею; тогда, навѣрное, кризисъ будетъ менѣе долгимъ, и мы скорѣе приобрѣтемъ снова господство надъ собой. Въ случаѣ-же полнаго пораженія воли не слѣдуетъ терять мужества; мы всего добьемся съ помощью времени: время образуетъ наши привычки и сообщаетъ имъ силу и энергію природныхъ склонностей.

Подводя итогъ всему сказанному, мы видимъ, что можно связывать въ прочныя ассоціаціи извѣстныя желанія съ извѣстными дѣйствіями, и обратно, можно разрывать самыя прочныя ассоціаціи, если онѣ нежелательны; отсюда слѣдуетъ, что воспитаніе своей собственной воли вполне возможно.

Теперь остается изучить, *какимъ образомъ* возникаютъ эти ассоціаціи, т. е. изучить дѣйствительныя средства для достиженія полнаго господства надъ собой.

Самыми дѣйствительными помощниками при воспитаніи воли являются процессы психологическіе, происхожденія чисто субъективнаго; но и помимо ихъ существуютъ еще способы внѣшніе, объективныя, состоящіе въ разумномъ пользованіи тѣми средствами, которыя представляетъ намъ внѣшній міръ. Но, конечно, центръ тяжести лежитъ въ первыхъ.

Процессы психологическіе состоятъ: 1) въ образномъ мышленіи и 2) въ дѣйствіи.

Первое условіе образнаго мышленія—это замѣна *словъ образами*, тогда какъ вообще мы думаемъ словами. Вслѣдствіе того, что образы слишкомъ тяжелы, громоздки, мы подмѣниваемъ ихъ знаками, которые, съ одной стороны, легко удерживаются въ памяти, а съ другой такъ-же легко передаются другимъ,—это нарицательныя имена. Они присоединены къ вещамъ и обладаютъ способностью вызывать представленіе объ этихъ вещахъ; но только необходимо, чтобы воспріятіе вещи предшествовало бы ея обозначенію словомъ или, по крайней мѣрѣ, чтобы къ слову присоединилось понятіе о вещи. Но, къ сожалѣнію, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ, мы сперва знакомимся со словами (за исключеніемъ самыхъ элементарныхъ познаній, простыхъ воспріятій и пр.), а затѣмъ не имѣемъ времени или возможности присоединять къ нимъ понятія о самихъ вещахъ. Если изслѣдовать

внимательно наши обычные фразы, то большинство из них окажутся весьма неопределенными; можно даже сказать, что люди наиболее интеллигентные говорят часто, какъ попугай, такъ какъ за ихъ словами не скрывается ничего реального.

При образномъ же мышлении мы должны замѣщать слова образами и при томъ не смутными, неопределенными образами, а представлениемъ реальныхъ вещей до мельчайшихъ подробностей; наша мысль должна стать конкретной. Если, наприимѣръ, кто нибудь пожелалъ бы довести себя до рѣшимости бросить куреніе, то онъ не долженъ былъ бы довольствоваться размышлениемъ вообще о вредѣ куренія, но долженъ былъ бы рассмотреть *все* неудобства куренія, начиная съ зубовъ, которые чернѣютъ, и кончая ста франками, которые стоитъ въ годъ одна сигара, выкуриваемая ежедневно послѣ обѣда. Чтобы такое размышленіе имѣло наибольшій успѣхъ, необходимо уединяться, углубляться въ самого себя, справляться въ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету, перечитывать свои замѣтки и наконецъ заставить усиленно работать свое воображеніе, чтобы оно точно, ясно и конкретно представило преимущество того или другого поступка.

Изъ предъидущаго ясно, что это образное мышленіе никоимъ образомъ не можетъ быть отождествляемо съ мечтаніемъ; во время послѣдняго вниманіе ослаблено, а идеи и чувствованія безпрепятственно овладѣваютъ сознаниемъ и образуютъ случайныя, иногда совсѣмъ неожиданныя ассоціаціи, при образномъ же мышлении нѣтъ мѣста случаю. Не менѣе отличается оно и отъ изслѣдованія: цѣль послѣдняго—приобрѣтеніе знанія, цѣль перваго возбужденіе въ душѣ извѣстныхъ чувствованій отвращенія или влеченія. При изслѣдованіи въ насъ преобладаетъ желаніе узнать истину, при образномъ мышлении мы руководствуемся *исключительно мотивомъ пользы*; вѣдь, въ послѣднемъ случаѣ задача собственно состоитъ въ томъ, чтобы терпѣливо разыскивать мотивы, способные пробудить въ насъ порывъ влеченія или отвращенія, затѣмъ укрѣплять связь между идеями, чувствованіями, или способные, на нашъ взглядъ, разрывать ассоціаціи, кажушіяся намъ неблагопріятными; при этомъ приходится пользоваться всѣми законами вниманія и памяти, отчего точное знаніе ихъ и является первой необходимостью. Благопріятныя идеи и чувствованія должны «дистиллироваться въ нашей душѣ»; отвлеченная идея должна преобразиться въ чувствованіе. Можно считать, что размышленіе достигло своей цѣли, если оно возбудило въ душѣ могущественное сердечное влеченіе или энергическое отвращеніе, и тогда оно стремится перейти въ дѣйствіе, составляющее сущность человѣческой природы.

И такъ, психологическая работа, необходимая для воспитанія въ себѣ воли, сводится къ слѣдующему:

1) Когда благопріятное чувствованіе появляется въ нашемъ сознаніи, слѣдуетъ обратить на него вниманіе и заставить пробудить тѣ идеи и чувствованія, съ которыми оно связано; однимъ словомъ—взять отъ него все, что только можно.

2) Въ случаѣ, если необходимое чувствованіе отсутствуетъ, и мы

не можемъ его пробудить, то необходимо его изслѣдовать, съ какими идеями оно можетъ быть связано, обратить особенное вниманіе на эти идеи и ожидать, чтобы, въ силу законовъ ассоціаціи, это чувство-ваніе возникло.

3) Если неблагопріятное для нашего дѣла чувствованіе вторгается въ наше сознаніе, не надо обращать на него вниманія, не надо думать о немъ, обрекая его тѣмъ самымъ на уничтоженіе.

4) Но если такое чувствованіе усилится и, противъ нашей воли, завладѣетъ вниманіемъ, тогда слѣдуетъ подвергнуть строгой критикѣ какъ самый предметъ чувствованія, такъ и всѣ идеи, отъ которыхъ оно зависитъ.

5) Слѣдуетъ присматриваться очень внимательно къ внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни, чтобы разумно пользоваться всѣми средствами и избѣгать всѣхъ опасностей.

И такъ очевидно, что образное размышленіе чрезвычайно важно: оно порождаетъ могущественныя душевныя движенія, превращаетъ слабое хотѣніе въ твердую рѣшимость, помогаетъ намъ бороться противъ внушеній страсти; оно же позволяетъ намъ предвидѣть опасности, лежащія въ насъ самихъ, и убѣгать внѣшнихъ обстоятельствъ, поощряющихъ нашу природную лѣнь. Кромѣ того, косвеннымъ образомъ оно содѣйствуетъ выработкѣ правилъ, сперва предварительныхъ, которые, подтверждаясь и опредѣляясь, становятся въ концѣ концовъ *руководящими принципами* поведенія. Для людей размышляющихъ такимъ образомъ прошедшее и настоящее являются безпрестаннымъ урокомъ, дающимъ возможность не повторять въ будущемъ ошибокъ, которыхъ можно избѣжать. Эти уроки, по мѣрѣ повторенія, становятся правилами, помогающими намъ дисциплинировать наши измѣнчивыя желанія и разнородныя природныя побужденія. Сила, присущая каждому принципу, точно сформулированному, зависитъ отъ двухъ причинъ.

Во первыхъ, она объясняется тѣмъ, что между представленіемъ какого-нибудь дѣйствія и самимъ дѣйствіемъ нѣтъ существенной разницы: задуманный актъ есть уже актъ, который начинается. Представленіе акта является какъ-бы его «генеральной репетиціей», и потому задуманное впередъ исполняется настолько быстро, что склонности не успеваютъ проявить своего вліянія. Напримѣръ, если вы рѣшились, говорить Пейо, вернуться домой и работать, а между тѣмъ предвидите, что товарищъ, съ которымъ вы обѣщались идти въ театръ, будетъ настаивать на этомъ, тогда вы заранѣе готовяете отвѣтъ, и едва онъ появляется, какъ вы твердо объявляете ему о своемъ рѣшеніи. При этомъ вашъ рѣшительный тонъ отрѣзываетъ вамъ самимъ путь къ отступленію, а товарищу не позволяетъ настаивать болѣе. Вообще надо сказать, что въ сознаніи «господами положенія» являются всегда состоянія точныя и опредѣленныя, поэтому, если намѣтить себѣ въ точности программу своихъ дѣйствій, то подобная программа предупредитъ внушенія лѣни, тщеславія и проч. Но не одно это сообщаетъ правиламъ или принципамъ силу. Подобно тому, какъ при мышленіи вещи замѣщаются именами, такъ и наши чувствованія замѣняемъ мы словами, которыя кратки, гибки и приспособлены именно

ъ тому, чтобы вызывать чувствованія, представителями которыхъ ни являются. И принципы въ сущности тоже сжатая выразительная сокращенія, особенно способны пробуждать въ душѣ ложныя чувствованія, болѣе или менѣе сильныя. Когда размышленіе вызвало въ душѣ влеченіе или отвращеніе, то, въ виду быстрого исчезновенія этихъ чувствованій, хорошо сохранить какую либо формулу, которая, съ одной стороны, до нѣкоторой степени ихъ резюмировала-бы, а съ другой могла-бы напомнить о нихъ въ случаѣ надобности. Это тѣмъ болѣе полезно, что такая опредѣленная формула хорошо запечатлѣвается въ мысляхъ; она очень легко вызывается и приводитъ за собой ассоціированныя съ нею чувствованія, вытѣсняя отъ нихъ свою силу и, въ свою очередь, сообщая имъ всю ясность, легкость возбужденія и передачи.

Всѣмъ этимъ обязаны мы, говорить Пэйю, образному мышленію, потому что только оно одно даетъ возможность нашему уму выдѣлять встрѣчающіяся въ нашемъ опытѣ постоянныя сосуществованія, что составляетъ науку жизни, т. е. нашу возможность предвидѣть и направлять будущее. Но при всемъ томъ само по себѣ это размышленіе безсильно; оно соединяетъ въ одно разсѣяныя силы души, даетъ голышекъ. Но подобно тому, говорить Пэйю, какъ самыя сильныя вѣтры истощаются напрасно, если не встрѣчаютъ паруса, который они могли бы надуть, такъ и самыя сильныя чувствованія пребываютъ безплодными, если каждое ихъ проявленіе не переводитъ части энергіи въ нашу дѣятельность. Наша же дѣятельность проявляется въ формѣ активныхъ привычекъ. Самыя незначительныя по виду дѣйствія, повторяясь изо дня въ день въ теченіи многихъ дней, мѣсяцевъ, годовъ, составляютъ громадное цѣлое, которое запечатлѣвается въ органической памяти въ формѣ неискоренимыхъ привычекъ. Сила привычки безгранично велика, и дѣйствія ея хотя медленны, но вѣрны. Первый шагъ труденъ, повтореніе его уже легче, а затѣмъ при дальнѣйшемъ повтореніи не только исчезаетъ трудность, но и совершеніе его становится необходимою потребностью.

Но такое закрѣпленіе нашей энергіи въ привычки не можетъ быть дѣломъ образнаго размышленія,—это уже дѣло дѣйствія.

Въ жизни очень рѣдки случаи, когда приходится совершать какія нибудь блестящія дѣйствія; вообще же дѣйствовать значитъ исполнять тысячу незначительныхъ дѣйствій, и въ этихъ-то дѣйствіяхъ, маловажныхъ по виду, и закаляется воля человѣка. За недостаткомъ великихъ усилій мы ежечасно должны дѣлать охотно маленькія, изъ которыхъ ни одно не пропадаетъ: каждое вноситъ свою долю въ образованіе привычки, каждое дѣлаетъ послѣдующее болѣе легкимъ.

Но, и помимо этого, дѣйствіе еще чрезвычайно важно и по другимъ своимъ результатамъ: дѣйствовать значитъ въ нѣкоторомъ родѣ обнаруживать свою волю; наши дѣйствія публично обязываютъ насъ къ извѣстному рѣшенію; присоединяя къ чувствованіямъ и волю публичное заявленіе, мы тѣмъ самымъ усиливаемъ нашу энергію. Къ тому же дѣйствіе само по себѣ доставляетъ намъ удовольствіе, и притомъ

настолько сильное, что множество людей дѣйствуютъ ради самаго дѣйствія, безъ цѣли, безъ выгоды и даже часто себѣ во вредъ.

И такъ во всѣхъ отношеніяхъ необходимо присоединять къ размышленію дѣйствіе, такъ какъ только оно одно можетъ образовать въ насъ прочныя привычки, безъ которыхъ намъ всегда приходилось бы начинать въ своихъ усиліяхъ все сызнова. Но, къ сожалѣнію, мы очень мало можемъ удѣлять времени на самопроизвольную дѣятельность, большая часть нашей жизни поглощается нуждами физиологическими и общественными; впрочемъ, по замѣчанію Босюэта, малое достаточно на каждый день, если каждый день это малое пріобрѣтаетъ. Самое важное въ умственной работѣ—это ея непрерывность; учащійся не долженъ никогда быть празднымъ, тѣмъ болѣе, что потерянное время утрачено безвозвратно. Но Пэйю не стоитъ за строгое распредѣленіе времени впередъ, за эти распisanія, гдѣ всѣ часы назначены заранѣе; онъ находитъ, что подобныя распisanія очень рѣдко соблюдаются и только доставляютъ нашей лѣни предлогъ не работать въ неположенные часы, хотя-бы положенные и были пропущены; кромѣ того, частое неисполненіе такого распредѣленія ослабляетъ волю и можетъ повести къ разочарованію. Умственная работа требуетъ большей свободы; задача учащагося быть всегда дѣятельнымъ, но если онъ чувствуетъ, что запасъ его первой силы истощился, и усилія перестали быть плодотворными, то онъ долженъ немедленно оставить работу, такъ какъ было бы большой ошибкой упорствовать слишкомъ долго въ безплодныхъ усиліяхъ, истощающихъ и разочаровывающихъ.

Вообще Пэйю утверждаетъ, что никогда нѣтъ недостатка во времени у того, кто умѣетъ съ нимъ обращаться; часто, говоритъ онъ, мы тратимъ время вслѣдствіе неопредѣленности задачи, которую надо исполнить; однимъ изъ средствъ избѣжать этого является привычка опредѣлять себѣ наканунѣ то, что намъ предстоитъ дѣлать на другой день утромъ; при этомъ не надо назначать количества работы, а только точно опредѣлить ея содержаніе. Далѣе всегда надо пользоваться добрыми побужденіями: если въ насъ возникаетъ угрызеніе совѣсти по поводу нашей лѣни, то слѣдуетъ немедленно садиться за работу, а не довольствоваться героическимъ рѣшеніемъ приняться за дѣло съ такого-то или другого дня. Дѣло не въ томъ, чтобы подчинять свою дѣятельность какимъ либо постановленіямъ, а въ томъ, чтобы всегда и вездѣ дѣйствовать бодро и пользоваться каждой минутой. Эти минуты, эти четверти часа, которыя тратятся почти всѣми нами подъ тѣмъ предлогомъ, что не стоитъ начинать чего-нибудь, составляютъ въ концѣ года нѣчто весьма значительное. Пэйю рассказываетъ, что Агюссо (Aguesseau) написалъ цѣлую книгу въ продолженіи тѣхъ четвертей часа, которыя ему приходилось ежедневно дожидаться запоздавшаго завтрака, и подарилъ ее своей женѣ.

Помимо того, что необходимо всегда точно опредѣлять свою задачу, надо еще стараться кончать разъ начатую работу и притомъ кончать ее настолько добросовѣстно, чтобы не приходилось къ ней возвращаться; иначе, начатая, но неконченная, работа заставляетъ насъ терять много времени: она причиняетъ намъ неудовольствіе и тре-

вожить нашу мысль, отвлекая ее от других работ. То-же самое можно сказать и про работу, которую надо сдѣлать, но которую не дѣлаешь; мысль о ней является живымъ укоромъ, который все болѣе и болѣе раздражаетъ; въ концѣ концовъ ее дѣлаешь, но запоздалое исполненіе не приноситъ уже того удовлетворенія, которое получается при своевременномъ.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что хотя размышленіе и можетъ возбуждать въ душѣ могущественныя чувствованія, но оно не можетъ превращать ихъ въ привычки, которыя такъ необходимы при воспитаніи воли; привычки-же создаются исключительно дѣйствіемъ. Учащійся, говоритъ Пейо, долженъ приобрести привычку къ постоянной дѣятельности, долженъ заранѣе опредѣлять себѣ задачу, пользоваться всѣми своими добрыми побужденіями, кончать начатую работу и не браться сразу за множество дѣлъ. Такія привычки дадутъ ему возможность, съ одной стороны, достигнуть извѣстнаго положенія въ свѣтѣ, а съ другой—заплатить свой долгъ обществу, которому онъ обязанъ своимъ образованіемъ.

Разсмотрѣвъ психологическую сторону вопроса о воспитаніи въ себѣ воли, Пейо переходитъ къ изслѣдованію физиологическихъ условій; онъ указываетъ на тѣсную связь воли и вниманія съ нервной системой. Если нервные центры истощаются очень быстро, и дѣйствіе ихъ восстанавливается очень медленно, то никакое усиліе, никакая настойчивость не могутъ имѣть мѣста; тѣлесное истощеніе сопровождается всегда слабой волей и вялымъ вниманіемъ, и только при условіи полной бодрости воля наша всемогуща, и вниманіе интенсивно. Неменѣе важны физиологическія условія и для работы памяти: когда къ мозгу приливаетъ хорошая, чистая кровь, тогда воспоминанія, а слѣдовательно и привычки, запечатлѣваются быстро и прочно.

Но, къ сожалѣнію, умственный трудъ, невѣрно понимаемый, можетъ оказаться вреднымъ для здоровья, такъ какъ требуетъ сидячей жизни, пребыванія въ залптомъ помѣщеніи, принуждаетъ проводить время въ согнутомъ положеніи и неподвижно. Все это крайне вредно дѣйствуетъ на пищевареніе, а разстройство послѣдняго отзывается и въ нервной системѣ. Тщательное изученіе физиологическихъ законовъ можетъ обезпечить намъ здоровіе, но, конечно, при соблюденіи множества разныхъ мелочей: надо слѣдить за температурой, за чистотой воздуха, за освѣщеніемъ, обращать вниманіе на пищу, на физическія упражненія и проч. Все это не потребуетъ много времени, и если этого не дѣлается, то единственной причиной является лѣнь: умственная лѣнь, чтобы объ этомъ подумать, и физическая—чтобы исполнить.

Первое мѣсто отводитъ Пейо функціямъ питанія; онъ высчитываетъ необходимое количество пищи, которое долженъ вводить въ себя человекъ, и приходитъ къ выводу, что французская учащаяся молодежь ѣстъ слишкомъ много, въ особенности много мяса, чѣмъ и задаетъ желудку непосильную работу. Затѣмъ Пейо касается гигиены дыханія, которая состоитъ въ томъ, чтобы вдыхать, какъ можно чаще и больше свѣжаго воздуха; при этомъ не надо упускать

изъ виду, что рѣчь является хорошей гимнастикой для легкихъ. Такъ, напр., легкія работаютъ у глухонѣмыхъ такъ слабо, что они съ трудомъ могутъ потушить свѣчку, находящуюся въ нѣсколькихъ сантиметрахъ отъ ихъ рта; въ силу этого чтеніе и произнесеніе словъ вслухъ весьма полезны. Далѣе, необходимо прибѣгать еще къ особымъ физическимъ упражненіямъ, называемымъ Лагранжемъ «дыхательной гимнастикой». Конечно, упражненія ничего сами по себѣ не создаютъ; они только косвеннымъ образомъ способствуютъ улучшенію питательныхъ функцій; цѣль ихъ ввести въ организмъ значительное количество кислорода и тѣмъ усилить кровообращеніе и дыханіе. Мозгъ, вслѣдствіе притока къ нему крови, болѣе богатой кислородомъ, становится способенъ къ усиленію энергичнымъ и долгимъ.

Но можно разсматривать упражненіе еще со стороны его тѣснаго соприкосновенія съ волей. У ребенка воля начинаетъ проявляться сперва въ мускульныхъ актахъ, и сами мы закаляемъ нашу волю и дисциплинируемъ наше вниманіе посредствомъ долгаго упражненія, которое намъ необходимо, чтобы умѣть владѣть нашими движеніями. Усиліе предполагаетъ наличность воли, а воля, какъ и всѣ наши способности, развивается повтореніемъ, такъ-что упражненіе можетъ разсматриваться, какъ первоначальная школа воли. Но только упражненія не должны вызывать сильнаго утомленія, такъ какъ физическая усталость при умственной работѣ можетъ повести къ переутомленію.

Лучшимъ отдыхомъ, восстанавливающимъ нашу способность къ работѣ, является сонъ. Однако Пейо возстааетъ противъ всякаго регулированія количества сна; онъ говоритъ, что единственное правило, которому надо слѣдовать, это—не ложиться слишкомъ поздно и вставать, какъ только проснешься. Не слѣдуетъ ложиться слишкомъ поздно, потому что температура крови вечеромъ понижается, и никакое умственное усиліе не можетъ имѣть достаточной напряженности въ это время; а если намъ и кажется, что работается хорошо, то, по мнѣнію Пейо, это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что усталый умъ довольствуется болѣе посредственной работой. Не одобряетъ Пейо и слишкомъ ранняго вставанія, наприм. въ 4—5 ч. утра, считая его бесполезнымъ. Во-первыхъ приходится прибѣгать къ посторонней помощи, такъ какъ своя воля оказывается для этого слишкомъ слабой; во-вторыхъ, даже въ случаѣ успѣха, т. е. если удастся и встать рано, и работать хорошо, то все-же днемъ человѣкъ чувствуетъ сонливость, а потому ужъ лучше работать днемъ; впрочемъ, работа раннимъ утромъ имѣетъ одно преимущество: ни одинъ день не теряется. Но и слишкомъ позднее вставаніе имѣетъ свои неудобства: человѣкъ становится угрюмымъ, лѣнливымъ печальнымъ, и все утро потеряно.

И помимо сна у насъ долженъ быть перерывъ въ работѣ: никогда не слѣдуетъ безъ промежутка переходить отъ одной работы къ другой. Прежде всего ужъ потому, что всякая умственная работа сопровождается активной работой въ нервныхъ центрахъ послѣдняя можетъ иногда продолжаться и по прекращеніи первой, способствуя переработкѣ впечатлѣній. Переходя-же непосредственно отъ одной работы къ другой, мы, съ одной стороны теряемъ плоды этой бессо-

знательной работы, а съ другой—насильственнымъ образомъ прерываемъ установившіеся нервные токи; лучше дать имъ изсякнуть самимъ по себѣ.

Изъ развлеченій Пэйо отдааетъ предпочтеніе тѣмъ, которыя содѣйствуютъ ускоренію кровообращенія и улучшенію дыханія. Онъ особенно рекомендуетъ катаніе на конькахъ зимой, плаваніе, греблю, игры и экскурсіи лѣтомъ. При этомъ онъ никогда не упускаетъ случая указать на то, что развитіе ума, чувства и воли находится въ тѣсной связи съ здоровымъ состояніемъ тѣла.

На этомъ кончается теоретическая часть, содержащая въ себѣ разсмотрѣніе общихъ законовъ; многіе взгляды, высказанные здѣсь, очень субъективны и изобличаютъ въ авторѣ чистокровнаго француза, безъ рефлекса,—человѣка, который легко воспламеняется собственными словами и видитъ спасеніе въ формулѣ; успѣхъ для него *все*. Но при всемъ томъ намъ казалось, что они далеко не лишены и общаго значенія, могутъ представить и общій интересъ. На второй же практической части мы останавливаться не будемъ, такъ какъ оно имѣетъ въ виду исключительно французскую учащуюся молодежь и условія ея жизни.

Въ заключеніи своего труда Пэйо выражаетъ глубокую увѣренность въ томъ, что мы можемъ преобразовать свой характеръ, можемъ воспитывать въ себѣ волю и, съ помощью времени и знанія психологическихъ законовъ, достигнуть полнаго господства надъ собой. Со своей стороны, мы не можемъ не отнестись съ сочувствіемъ къ этой увѣренности, тѣмъ болѣе, что ужъ въ ней самой лежитъ залогъ успѣха.

Е. Максимова.

Способы самозащиты организма.

(Физиологическій очеркъ по Ш. Рише *).

Жизнь каждого организма есть непрерывная борьба за свое существование. И мертвая природа присущими ей силами, и другіе организмы стремятся его уничтожить; каждый изъ нихъ оспариваетъ у него пищу. Мѣсто на жизненномъ пиру оплачивается цѣною непрерывной кровавой борьбы; вездѣ опасность, вездѣ враги. Живому существу, окруженному такой вражеской средой, приходится разсчитывать только на свои силы; и если оно выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы, то потому лишь, что оно удивительнымъ образомъ вооружено противъ своихъ безчисленныхъ и могучихъ враговъ.

Средства, или оружіе, этой борьбы составляютъ предметъ настоящаго очерка. Укажемъ изъ нихъ преимущественно на общія, свойственныя всякому живому существу, упомянемъ однако и нѣкоторыя частныя. Скорость передвиженія даетъ возможность многимъ животнымъ избѣгать опасности: быстрый полетъ ласточки отбиваетъ у хищниковъ всякую охоту преслѣдовать ее; травоядные животныя одарены большею частію быстрымъ бѣгомъ (заяць, олень, газель...). Не обладая способностью быстрого передвиженія, другія животныя прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ; неровный, быстро мѣняющій свое направленіе полетъ бабочекъ, затрудняетъ ихъ поимку; другія прячутся въ недоступное для врага мѣсто, откуда выходятъ только за добычей; краба, спрятавшагося въ расщѣлину скалы скорѣе обрвешь на части, чѣмъ отцѣпишь отъ мѣста прикрѣпленія. Рака-отшельника, спрятавшагося въ чужую раковину, нельзя достать иначе, какъ разбивъ послѣднюю.

Чтобы лучше спрятаться, многіе обладаютъ способностью дѣлать свой обликъ схожимъ съ окружающей средой (*миметизмъ*); многихъ гусеницъ трудно отличить отъ вѣтви, на которой онѣ живутъ. Существуютъ разныя сложные органы для цѣлей обороны: каракатица выпускаетъ струю черной жидкости, позволяющей ей скрыться отъ врага въ помутнѣвшей водѣ; змѣи, пчелы, скорпіоны выдѣляютъ ядъ; нѣкоторыя рыбы обладаютъ такимъ сильнымъ электрическимъ аппаратомъ, что могутъ убить лошадь. Для цѣлей защиты пригодны также инстинкты. Крабъ, когда его схватятъ за клешню, обладаетъ способностью оторваться отъ нея. Многіе пауки и жуки, наступитые врагомъ, притворяются мертвыми. Животныя, снабжены раковиной, прячутся въ нее въ минуту опасности; блюдце (раковина—*patula vulgaris*) такъ крѣпко пристааетъ къ скалѣ, что его можно отдѣлать отъ нея только ножомъ.

Обращаясь къ физиологической части вопроса, т. е. къ общимъ способамъ защиты организма, мы должны указать прежде всего на тотъ фактъ, что каждый изъ анатомическихъ аппаратовъ въ организмѣ имѣетъ свою цѣль

*) Ш. Рише профессоръ физиологіи въ Парижѣ.

или назначеніе; каждый разъ, какъ мы находимъ какую-нибудь новую опасность для организма, тотчасъ мы открываемъ и способы борьбы съ ней, которыми надѣлила природа организмъ. Когда Пастеръ открылъ, что различные паразиты угрожаютъ огромною опасностью организму, найдено было векорь, что послѣдній выдѣляетъ различныя жидкости, убивающія паразитовъ. Чѣмъ болѣе углубляются въ сущность физиологическихъ явленій, тѣмъ болѣе убѣждаются въ томъ, что все имѣетъ свою цѣль.

Слѣдуетъ различать между способами обороны организма активные и пассивные. Послѣдніе суть расположеніе органовъ и тканей, благопріятное сохраненію животнаго, а первые заключаются въ приведеніи этихъ органовъ и тканей въ дѣйствіе. Для пассивной защиты организма удивительно приспособленъ внѣшній покровъ животныхъ.

Организму приходится бороться со слѣдующими вредными вліяніями: 1) внѣшняя температура (очень низкая или очень высокая), 2) травматизмъ (различныя механическія поврежденія), 3) паразиты и 4) яды.

Противъ температуры, высокой или низкой, кожа, особенно снабженная волосами или перьями, дѣйствуетъ такъ надежно, что человѣкъ лучше мѣха противъ холода ничего не выдумалъ. Маленькія животныя остриженные не въ состояніи бороться съ низкой температурой и погибаютъ отъ холоду. Когда зайца остригутъ, онъ, хотя и ѣсть больше, показываетъ температуру тѣла ниже нормальной и въ концѣ концовъ погибаетъ. Маленькая птичка, вѣсящая не больше 15 граммъ сопротивляется вліянію температуры въ— 15° и 20°, благодаря своему покрову, который она старается держать въ чистотѣ, рискуя въ противномъ случаѣ уменьшить его дѣйствительность; даже зимой она моется, такъ какъ цѣлость ея покрова для нея вопросъ жизни и смерти. Конечно, въ это время организмъ ея и выдѣляетъ болѣе тепла, но безъ защиты отъ внѣшней температуры такого повышенія было бы недостаточно. Водныя животныя, подверженныя болѣе сильному охлажденію, располагаютъ толстымъ слоемъ подкожнаго жира, защищающаго ихъ отъ холода; птицы-же водныя постоянно покрываютъ жиромъ свои перья, для чего выдавливаютъ клювомъ изъ желѣзки, находящейся на хвостѣ жиръ и размазываютъ его по перьямъ, отчего послѣднія не смачиваются водой.

Кожа служитъ отличной охраной противъ механическихъ поврежденій: эластичность ея на столько велика, что часто внутренне органы подъ вліяніемъ удара разрываются, раздавливаются, а кожа между тѣмъ остается неповрежденной. Часто кожа по своей толщинѣ (у слона, крокодила, гиппопотама) въ состояніи противостоятъ удару даже пуль изъ ружья; самые волосы и перья, кромѣ защиты отъ температуры предохраняютъ также и отъ ударовъ, такъ львиную гриву не перерубить и саблей.

Кожа, будучи худымъ проводникомъ электричества, защищаетъ тѣло отъ послѣдняго. Микробы не могутъ проникнуть черезъ неповрежденную кожу, такъ что можно спокойно обращаться съ жидкостями, кишащими самыми страшными микробами, разъ на рукахъ нашихъ нѣтъ ссадинъ и никакихъ другихъ поврежденій. Самые сильныя яды, растворенныя въ водѣ, не проникаютъ черезъ цѣлую здоровую кожу, такъ что можно спокойно сидѣть въ ваннѣ въ которой растворены такія количества стрихнина, мышьяка или ртути, тысячная доля котораго могла бы убить десятокъ людей, если была бы принята ими внутрь. Даже сильныя кислоты, напр., чистая сѣрная, и та не-

скоро дѣйствуетъ на кожу, между тѣмъ, какъ сразу разрушаетъ другія ткани.

Покровъ нѣкоторыхъ черепокожихъ и насѣкомыхъ противостоитъ самымъ энергичнымъ химическимъ реактивамъ.

Пассивную защиту кромѣ кожи организмъ находитъ также въ самомъ расположеніи органовъ: болѣе нѣжные и важные органы всегда лежатъ глубже и лучше защищены, чѣмъ менѣе важные. Артеріи лежатъ глубже венъ и т. д.

Но одной пассивной защиты организма противъ вредныхъ вліяній было бы недостаточно: прежде всего требуется при всякомъ нападеніи поставить всѣ части организма въ наиболѣе благоприятное положеніе; нужно, чтобы различныя разсѣяныя клѣточки, изъ которыхъ состоитъ организмъ, могли бы всѣ принять участіе въ общей защитѣ. Тутъ и начинается работа нервной системы.

Если мы представимъ себѣ одну клѣточку, то увидимъ, что она отвѣчаетъ на всѣ раздраженія тѣмъ или другимъ путемъ. Когда-же нѣсколько клѣточекъ просто приложены другъ къ другу, тогда раздраженіе въ одной клѣточкѣ не передается другой. Если-же протоплазма одной клѣточки соединена съ протоплазмой другой тонкими нитями, такъ что вся протоплазма всѣхъ клѣточекъ составитъ какъ-бы сѣть одного раздражительнаго вещества, тогда раздраженіе одной клѣтки будетъ передаваться во всѣ другія. Въ организмѣ эта сѣть есть нервная система, которая проникаетъ во всѣ части. Въ высшихъ организмахъ одни нервные элементы проводятъ раздраженіе, другіе увеличиваютъ и накопляютъ возбужденіе. Поэтому каждое возбужденіе чувствительнаго нерва передается центру, а послѣдній возбуждаетъ периферію.

Эти отношенія между самыми отдаленными частями организма, устанавливаемые нервной системой, порываются съ наступленіемъ смерти; со смертію нервныхъ клѣточекъ общность всѣхъ частей прекращается и индивидуальность клѣточекъ выступаетъ во всей силѣ; каждая кончаетъ свое существованіе по своему, какъ говоритъ пр. Энгельманъ: «клѣточки организма живутъ вмѣстѣ, а умираютъ порознь».

Въ этомъ главная роль нервной системы; это есть аппаратъ, при помощи котораго отдѣльныя клѣточки дѣйствуютъ сообща, безъ нервной системы нѣтъ организма, индивидуума, а есть отдѣльныя клѣточки. То, что составляетъ индивидуумъ,—это его централизація, ассоціація, при помощи которой соединяются усилія и устанавливается согласіе въ дѣйствіи различныхъ аппаратовъ. Рефлекторнымъ актомъ и называется тотъ основной процессъ, при помощи котораго возбужденіе, выходящее изъ какого-нибудь пункта периферіи, передается всѣмъ другимъ частямъ организма. Активная защита организма и объясняется именно этимъ механическимъ рефлексомъ. Сначала это простой рефлексъ, обязанный возбужденію спиннаго и продолговатаго мозга, передающемуся нервомъ, выходящимъ изъ нихъ. Это, такъ сказать, первый этапъ; второй этапъ будетъ высшаго порядка, внѣшнее возбужденіе дойдетъ до головного мозга, и тутъ будетъ дѣйствовать другой аппаратъ, болѣе сложный и болѣе совершенный, чѣмъ спинной мозгъ. Здѣсь чувственное возбужденіе вмѣсто того, чтобы произвести одно движеніе, породитъ также актъ сознанія. Благодаря этимъ двумъ рефлексамъ,—спинному и головному, создается система защиты организма: каждое внѣшнее возбужденіе, производя раздраженіе какой-нибудь части чувственной поверхности, будетъ имѣть по-

слѣдствіемъ рефлекторный актъ—актъ защиты организма. Посмотримъ, въ какомъ видѣ будетъ происходить этотъ процессъ при дѣйствіи на организмъ температуры. Оставимъ въ сторонѣ тѣ разумные приемы, къ которымъ мы прибѣгаемъ, защищая себя отъ холода или жара, руководствуясь ощущеніемъ тепла; это—актъ психическій, котораго лишены обыкновенно животныя, для насъ важнѣе разсмотрѣть тѣ приемы, при помощи которыхъ, помимо сознанія и воли, устанавливается равновѣсіе между внутренней и внѣшней средой.

Разсмотримъ сначала борьбу съ холодомъ, какъ болѣе частую, ибо внѣшняя среда чаще имѣетъ болѣе низкую температуру въ сравненіи съ организмомъ, чѣмъ болѣе высокую; реакцію противъ холода мы легко объяснимъ себѣ, если найдемъ въ организмѣ аппаратъ для произведенія тепла и его траты. Долженъ быть двоякій родъ приспособленія—къ произведенію и къ потерѣ тепла; регулированіе этими двумя актами будетъ подобно операціямъ торговца, который то увеличиваетъ приходъ, то уменьшаетъ расходъ. Аппаратъ для расхода тепла есть тепловое лучеиспусканіе, аппаратъ для прихода тепла—внутри. Въ нормальномъ состояніи мы теряемъ обыкновенно определенное количество тепла, въ чемъ можно убѣдиться, сажая животное въ калориметръ; это нашъ тепловой расходъ. Многочисленные опыты показываютъ, что эта потеря пропорціональна температурѣ организма, чѣмъ выше температура, тѣмъ больше мы теряемъ тепла посредствомъ лучеиспусканія; такимъ образомъ, и происходитъ уравниваніе внутренней температуры съ внѣшней; дѣло обстоитъ такъ, какъ будто организмъ знаетъ, что съ пониженіемъ внѣшней температуры надо беречь внутреннюю, а когда окружающая среда будетъ достаточна тепла, то нѣтъ надобности особенно скупиться на собственную теплоту. Это регулированіе происходитъ большею частью вслѣдствіе измѣненія въ кровообращеніи. Чѣмъ болѣе крови притекаетъ къ периферіи, тѣмъ болѣе бываетъ и тепловое лучеиспусканіе; чѣмъ воспаленнѣе и краснѣе кожа, тѣмъ сильнѣе тепловой расходъ. При уменьшеніи количества крови въ волосныхъ сосудахъ кожи уменьшается и потеря тепла. Повседневный опытъ вполне согласуется съ этимъ, во время жары она краснѣетъ; температура конечностей тѣла увеличивается, организмъ можетъ терять тепло въ изобиліи, такъ какъ кругомъ его много; во время мороза—температура конечностей понижается, онѣ обезкровливаются; кровообращеніе въ кожѣ доходитъ до минимума. Если количество теряемой теплоты при 0° будетъ 1000, то при 5° будетъ 1600, при 10°—2000, а при 14°—2600.

На это нужно обратить вниманіе, тутъ видна разница между живымъ существомъ и простымъ неживымъ предметомъ. Послѣдній излучаетъ тѣмъ больше тепла, чѣмъ ниже окружающая среда. По Ньютону—при равныхъ поверхностяхъ лучеиспусканіе прямо пропорціонально разницѣ температуръ тѣла и среды. Чтобы не подчиняться закону Ньютона, организмъ долженъ былъ выработать особый регуляторъ, который и заключается въ измѣняющемся кожномъ кровообращеніи, представляющемъ актъ рефлекторный. Что это актъ рефлекторный—можно доказать опытомъ, состоящимъ въ погруженіи одной руки въ холодную воду, при чемъ другая рука, не погруженная, будетъ испытывать всѣ явленія охлажденія,—отъ сжатія кожныхъ сосудовъ до полной безчувственности. Стало быть, термическая чувствительность кожи не только даетъ намъ знать о происшедшемъ измѣненіи темпе-

ратуры, но главнымъ образомъ, служить для цѣлей регулированія кожного кровообращенія. Центръ этой регуляторной дѣятельности лежитъ въ продолговатомъ мозгу; поэтому если послѣдній перерѣзанъ, то рефлекторное приспособленіе къ окружающей средѣ уже не имѣетъ мѣста: кожные сосуды, не смотря на окружающій холодъ, остаются расширенными, кровь приливаетъ къ периферіи и происходитъ энергичное излученіе тепла и пониженіе температуры тѣла.

Но не одинъ расходъ тепла регулируется нервнымъ аппаратомъ; подъ такимъ-же контролемъ стоитъ и приходъ тепла, выработка его организмомъ. Производство тепла въ организмѣ лучше всего измѣряется количествомъ потребляемаго кислорода, что имѣетъ мѣсто въ тканяхъ организма. Всякое потребление кислорода сопровождается выдѣленіемъ тепла. Какимъ-же образомъ вліяетъ пониженіе температуры окружающей среды на потребление кислорода? Оказывается, — чѣмъ ниже температура среды, тѣмъ больше потребляется кислорода, т. е. тѣмъ больше вырабатывается тепла въ самомъ организмѣ. Благодаря этому здоровое животное можетъ долгое время бороться съ самымъ сильнымъ холодомъ, не измѣняя своей внутренней температуры. Пикте помѣщалъ собаку въ среду съ -92° холода, и она, хотя была привязана, значить движеніемъ не могла согрѣться, все же въ продолженіи полутора часа сохраняла свою нормальную температуру. Понятно, что все сказанное относится только къ теплокровнымъ животнымъ; животныя съ холодной кровью всегда мѣняютъ температуру своего тѣла сообразно окружающей ихъ средѣ.

Выработка тепла въ организмѣ происходитъ главнымъ образомъ въ мускулахъ, хотя и другіе органы также участвуютъ въ этомъ; но регулированіе опять-таки принадлежитъ нервной системѣ. Стоитъ только парализовать ее какимъ-нибудь образомъ, напр., хлороформомъ, эфиромъ, спиртомъ, чтобы животное уже не было въ состояніи примѣняться къ измѣненіямъ температуры среды. Пьяницы въ безчувственномъ состояніи потому погибаютъ такъ легко отъ холоду, что ихъ нервная система, будучи парализована, не въ состояніи урегулировать достаточный приходъ тепла сообразно съ низкой внѣшней температурой.

Разсматривая приспособленіе организма къ измѣненіямъ температуры, мы должны указать и на тотъ фактъ, что маленькія и большія животныя не одинаково реагируютъ на колебанія температуры. Чѣмъ больше животное, тѣмъ очевидно относительно его объема меньше его поверхность, поэтому излученіе тепла у маленькаго животного всегда больше, чѣмъ у большаго, поэтому для сохраненія температуры нервная система регулируетъ у маленькихъ животныхъ большій приходъ тепла; маленькая собачка вѣсомъ въ 3 килограммъ выдѣляетъ 1,55 граммъ углекислоты, служащей мѣриломъ потребления кислорода и стало быть количества вырабатываемаго тепла, тогда какъ собака вѣсомъ въ 25 килограммъ выдѣляетъ всего 0,92 грамма. Что эту разницу производитъ именно нервная система, явствуетъ изъ того, что при ея парализованіи и маленькая и большая собака выдѣляютъ количество углекислоты, пропорціональное ихъ вѣсу (или объему); но такъ какъ излученіе тепла будетъ больше у маленькой собаки, то она скорѣй охладѣваетъ.

Уже сказано было, что выдѣленіе тепла, т. е. сгораніе, происходитъ больше всего въ мускулахъ, во-первыхъ, потому, что мускулы по вѣсу состав-

ляют половину всего тѣла, а затѣмъ и потому, что сгораніе тамъ происходитъ энергичнѣе, чѣмъ въ другихъ тканяхъ, такъ что мускулы производятъ 75 проц. всего количества тепла, которое производится животнымъ. Поэтому во время борьбы съ холодомъ самое энергичное участіе должны принимать мускулы; стало быть, когда животное спитъ, не двигается, оно скорѣе и погибнетъ отъ холода. Инстинктъ намъ подсказываетъ, чтобы скорѣе согрѣться, нужно производить различныя движенія. Но кромѣ этого природа позаботилась снабдить организмъ для этой цѣли еще рефлекторнымъ актомъ, который выражается въ извѣстномъ процессѣ дрожанія отъ холоду. Дрожь можетъ происходить или вслѣдствіе пониженія температуры среды или вслѣдствіе прямо раздраженія нервныхъ центровъ, куда, напр., стала притекать слишкомъ охлажденная почему-либо кровь. Дрожаніе состоитъ въ ритмическомъ сокращеніи всѣхъ мускуловъ совершенно произвольномъ. Результатомъ этихъ сокращеній является выдѣленіе тепла и согрѣваніе животного. При введеніи хлорала, когда регуляторная дѣятельность нервной системы уничтожена, явленія дрожанія не происходятъ, и животное легче подвергается замерзанію.

Для борьбы съ высокой окружающей температурой, какъ сказано, служить притокъ крови къ периферіи и стало быть усиленная реакція; но когда внѣшняя температура очень высока, то одного лучеиспусканія недостаточно; накапливается такое количество тепла въ организмѣ, которое требуетъ для своего удаленія другихъ средствъ; это средство—испареніе или выдѣленіе пота, чтобы перейти изъ жидкаго состоянія въ газообразное требуется 575 единицъ тепла; поэтому, перевода въ паръ одинъ килограммъ воды, животное охлаждаетъ себя на 575 единицъ тепла. Между тѣмъ человекъ въ 1 часъ производитъ не больше 100 единицъ тепла, поэтому переведеніе въ паръ одного килограмма воды въ паръ совершенно достаточно, чтобы уравновѣсить тягостную прибыль тепла въ продолженіи 6 часовъ. Роль пота въ организмѣ и есть главнымъ образомъ физическая—переходя въ паръ, предохраняетъ такимъ образомъ организмъ отъ излишка тепла. Потовыя желѣзки находятся подъ контролемъ нервовъ, и выдѣленіе пота есть актъ тоже рефлекторный. Когда кожа нагрѣвается, кожные нервы посылаютъ въ центры возбужденіе, которое вызываетъ выдѣленіе пота. Лишь только войдешь въ паровую ванну температура которой 35°, какъ тотчасъ выдѣляется потъ, который испаряясь и производитъ охлажденіе. Благодаря такому охлажденію и возможно оставаться безнаказно въ такой температурѣ (65°), какую приходится выносить кочегару на кораблѣ, плывущемъ по Красному морю. Въ сухой банѣ можно оставаться нѣсколько минутъ даже при 100°, такъ какъ тотчасъ-же выступаетъ обильный потъ, дающій возможность температурѣ тѣла оставаться нормальной. За то сомнительно, чтобы можно было просидѣть въ ваннѣ въ 46°, такъ какъ тутъ нѣтъ выдѣленія пота и значить и охлажденія.

У большинства животныхъ, покрытыхъ шерстью, гдѣ затруднено охлажденіе при помощи пота, природа прибѣгаетъ къ другому средству. Оно заключается въ ускоренномъ дыханіи, которое всякій наблюдалъ у собакъ, когда онѣ находятся въ жаркомъ мѣстѣ. Актъ этого процесса тоже рефлекторный; разъ температура кожи повышается, въ центры посылаются возбужденіе, которое производитъ ускоренное дыханіе. Собака, которой данъ хлораль, вы-

ставленная на солнце, дышитъ нормально, а потому температура ея тѣла сильно повышается; между тѣмъ, собака въ здоровомъ состояннн начинаетъ въ этихъ условіяхъ дышать ускоренно и сохраняетъ такимъ образомъ свою нормальную температуру тѣла.

Такимъ образомъ опыты съ хлораломъ даютъ намъ возможность доказать регуляторную роль нервной системы въ процессахъ охраны организма противъ замерзанія и чрезмѣрнаго нагрѣванія. Ускоренное дыханіе появляется также и тогда, когда въ тѣлѣ получается избытокъ тепла, (напр. послѣ сильнаго движенія), который притекаетъ къ нервнымъ центрамъ и также раздражаетъ ихъ, какъ въ случаѣ внѣшняго повышенія температуры.

Охлажденіе во время ускореннаго дыханія происходитъ потому, что при каждомъ выдыханнн выдѣляется нѣкоторое количество воды въ видѣ пара; это обращеніе воды въ паръ и охлаждаетъ организмъ; охлажденіе оказывается пропорціональнымъ ритму дыханія. Посадивъ на чашку вѣсовъ собаку съ ускореннымъ дыханіемъ, сразу-же замѣтимъ уменьшеніе вѣса собаки; это уменьшеніе можетъ произойти отъ выдѣленія воды въ видѣ пара, и стало бытъ при помощи вѣсовъ можно опредѣлить количество тепла, выдѣляемаго съ водой. Собака съ тугимъ намордникомъ умираетъ черезъ полчаса отъ избытка тепла, если ее выставить на солнце, такъ какъ она не имѣетъ возможности ускореннымъ дыханіемъ регулировать свою температуру. Въ слѣдующей замѣткѣ укажемъ на борьбу организма съ другими вредными вліянннми.

С. Г. Я—ко.

Школьные экскурсіи.

(Изъ реферата, читаннаго въ Обществѣ охраненія народнаго здравія).

Здоровье людей всѣхъ возрастовъ имѣетъ право на вниманіе общества, но преимущественно заслуживаетъ вниманія здоровье дѣтей, организмъ которыхъ нѣженъ, слабъ и не отличается выносливостью, свойственною другимъ возрастамъ. Въ этомъ возрастѣ, когда здоровье требуетъ особеннаго ухода, въ виду накопленія силъ, необходимыхъ для будущей жизненной борьбы, дѣти какъ въ школѣ, такъ и въ семьѣ, ведутъ сидячую жизнь въ неблагоприятной болѣею частію обстановкѣ, вліяніе которой съ каждымъ годомъ усиливается и грозитъ все большимъ и большимъ вредомъ. Результатъ тотъ, что общество получаетъ людей слабыхъ физически, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ недостаточнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ.

Въ числѣ мѣръ, ведущихъ къ улучшенію здоровья дѣтей, одна оказываетъ наиболѣе могущественное дѣйствіе, такъ какъ представляетъ множество условій, наиболѣе благоприятныхъ для всесторонняго, гармоническаго развитія не только тѣлесной, но и умственной и нравственной природы ребенка; эта мѣра—экскурсіи. Устройство школьныхъ экскурсій въ различныхъ государствахъ вызывалось обыкновенно сознаніемъ ихъ необходимости. Экскурсіи съ 80-хъ годовъ имѣютъ мѣсто въ Германіи, во Франціи, въ Италіи въ Швейцаріи. Въ Пруссіи онѣ дозволены по распоряженію министерства указомъ отъ 17-го іюня 1886 г. Въ Берлинѣ женская Елизаветинская школа путешествовала въ цѣляхъ воспитательной и гигиенической. Д-ръ Котельманъ въ журналѣ своемъ «Schulgesundheits Pflege» сообщаетъ, что удешевленнымъ поѣздомъ по баварскимъ желѣзнымъ дорогамъ воспользовались въ 1891 г. 4,383 ученика вмѣстѣ со своими учителями, а другіе въ числѣ 8,653 распредѣлились по другимъ городамъ Германской Имперіи: въ Альтенбургъ, Лимбахъ, Іену и др. Одинъ Лейпцигъ былъ посѣщенъ 11-ю иногородними школами и 506-ю учениками. Въ Плауенѣ ученики совершали съ учителями постоянныя экскурсіи, которыя продолжались сначала только нѣсколько часовъ, потомъ длились дольше и доходили до цѣлаго дня.

Въ г. Бернѣ устраивались экскурсіи реальныхъ школъ. Въ г. Базелѣ ученики путешествовали съ учителемъ естествознанія и съ учителемъ гимнастики. Въ г. Лозаннѣ зажиточными учениками данъ былъ концертъ съ цѣлію доставить недостаточнымъ ученикамъ возможность участвовать въ устраивавшейся поѣздкѣ. Успѣхъ былъ такъ великъ, что 80 недостаточныхъ учениковъ на чистый доходъ съ концерта могли предпринять далекое путешествіе. Въ Альтонѣ ученики начальныхъ школъ предпринимали путешествіе въ Тевтобургскій лѣсъ и ближайшіе города. Парижскій муниципальный совѣтъ назначилъ субсидію въ 10,000 фр. для экскурсій начальныхъ парижскихъ школъ. И въ Россіи были совершаемы такія экскурсіи, напр., Симферополь-

скою гимназією въ Крымъ, Тифлисской гимназіей въ Баку, Г-номъ Рачинскимъ, профессоромъ Московскаго университета, съ сельскою школою Смоленской губерніи въ Нилову пустынь.

Въ дѣлѣ воспитанія школьныя экскурсіи производятъ вообще на дѣтей самое благотворное вліяніе.

Гдѣ люди заключены между 6-ю плоскостями стѣнъ, половъ и потолковъ, то на ряду съ уменьшеніемъ кислорода въ воздухѣ являются и ненормальныя примѣсы, каковы, напр., выдѣленіе нашего организма, продукты разложенія нашей пищи, пылъ одежды и др. Воздухъ жилыхъ помѣщеній, значительно наполненныхъ, къ числу которыхъ должно отнести школы, несомнѣнно представляетъ всѣ вышесказанные недостатки. Всякому извѣстно, какимъ образомъ отражается на дѣтяхъ долгое пребываніе въ помѣщеніяхъ съ испорченнымъ воздухомъ. Уже чрезъ нѣсколько недѣль отъ начала поступленія въ школу внѣшній видъ ихъ измѣняется: дѣти становятся блѣдными, менѣ подвижными, мускулатура ихъ вялою, и аппетитъ ихъ уменьшается. Правда, у нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ вліяніемъ привычки къ этому воздуху и подъ вліяніемъ отдыха во время каникулъ, означенныя неблагоприятныя явленія исчезаютъ, но у большинства они всетаки остаются, а у иныхъ даже увеличиваются и ведутъ къ малокровію и хлорозу. Развитіе золотухи при такихъ условіяхъ нельзя отвергать. Такъ французскій ученый Боделокъ приписываетъ происхожденіе ея предпочтительно дурному воздуху жилища. Золотуха есть собственно болѣзнь наследственная, хотя должно замѣтить, что недостатокъ удовлетворительнаго воздуха можетъ дать толчекъ ея развитію.

Кромѣ газовъ, въ воздухѣ имѣются различнаго рода механическія примѣсы. Воздушная пылъ состоитъ изъ органическихъ и неорганическихъ веществъ, которыя играютъ весьма важную роль въ происхожденіи болѣзней. Многія изъ зараженій обуславливаются микроскопическими организмами, находящимися въ воздухѣ и попадающими въ организмъ между прочимъ путемъ вдыханія, достигающими легочной ткани, размножающимися въ крови и органахъ и производящими различныя болѣзни.

Цѣлю экскурсій является равнымъ образомъ движеніе, которое имѣетъ укрѣпляющее и развивающее значеніе для мускуловъ. Мускулы, приходя въ движеніе, производятъ давленіе на кровеносныя сосуды, толкаютъ кровь и заставляютъ ее лучше и правильнѣе двигаться по тѣлу, чѣмъ ускоряется и обмѣнъ веществъ. Движеніе влечетъ за собою болѣе сильное и глубокое вдыханіе, посредствомъ котораго кровь лучше очищается и легкія постепенно развиваются и увеличиваются въ объемъ. Но усиленное вдыханіе требуетъ большаго количества чистаго воздуха. Между тѣмъ намъ приходится жить въ 4-хъ стѣнахъ съ закрытыми окнами $\frac{2}{3}$ года. Отсюда вытекаетъ ужасъ воспитанія дѣтей при такихъ условіяхъ, вліяніе которыхъ необходимо парализовать, давъ дѣтямъ возможность время отъ времени удалиться изъ города и подышать чистымъ воздухомъ. Наконецъ, экскурсіи весьма полезны для правильнаго и болѣе широкаго развитія органововъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ и въ особенности—зрѣнія и слуха, такъ необходимыхъ для болѣе точнаго ощущенія предметовъ и явленій внѣшняго міра.

Какъ развитіе физическихъ силъ требуетъ движенія на чистомъ воздухѣ, такъ и развитіе умственныхъ силъ требуетъ свѣжихъ впечатлѣній. Для того, чтобы уму дать возможность развиваться болѣе самостоятельно, должно какъ

можно чаще ставить ребенка лицомъ къ лицу съ живой природой. Въ школьное дѣло должно внести какъ можно больше жизни и чувства, потому что только увлекательное преподаваніе можетъ затрагивать душу ребенка. Къ переходу отъ школы къ природѣ должно подготовить городскихъ дѣтей посредствомъ метода нагляднаго обученія и посѣщенія зоологическаго, ботаническаго садовъ, музеевъ, птичниковъ, выставокъ сельскохозяйственныхъ, пчеловодства, рыболовства и др. Словомъ, знакомить ихъ надо со всѣмъ, что можетъ давать имъ городъ въ педагогическомъ отношеніи. Посѣщеніе выставокъ садовъ и т. д. пріучаетъ дѣтей къ ходьбѣ, вноситъ разнообразіе въ преподаваніе и даетъ учителю возможность сосредоточить вниманіе класса на предметахъ природы, имъ избираемыхъ, чего нельзя сдѣлать во время экскурсіи, такъ какъ тамъ матеріаломъ можетъ служить все разнообразіе предметовъ и явленій, попадающихъ подъ руку. Послѣ подобныхъ подготовительныхъ работъ съ учениками можно уже предпринять экскурсію.

Педагогическія задачи экскурсіи могутъ быть очень разнообразны: сообщеніе естественноисторическихъ свѣдѣній, исторія края, его археологія и сообщеніе чисто практическихъ свѣдѣній, сельскохозяйственныхъ и т. д.

Природу, бытъ, занятіе людей ученики должны изучать въ самой жизни, а не изъ книжки. И это особенно полезно, когда происходитъ подъ руководствомъ знающаго опытнаго учителя. Результатомъ экскурсіи въ педагогическомъ отношеніи являются: постановка дѣтей лицомъ къ лицу съ живой природой, наведеніе на размысленіе по поводу того, что видѣлъ и испыталъ ребенокъ, развитіе тонкой наблюдательности, болѣе строгаго мышленія, систематизаціи видѣннаго и наблюдаемаго: слѣдовательно, устраненіе въ преподаваніи существеннаго недостатка—недостатка наглядности. Профессоръ Зографъ въ примѣръ приводитъ извѣстнаго путешественника Николая Михайловича Пржевальскаго, дѣтская жизнь котораго представлялась чуть не сплошной экскурсіей подъ руководствомъ дяди его, человѣка далеко не ученаго, но страстнаго охотника и завзятаго любителя природы. Извѣстно, какого точнаго и глубокаго изслѣдователя центральной Азіи создали въ Н. М. Пржевальскомъ подобныя условія.

О вліяніи экскурсіи на нравственное совершенствованіе дѣтей извѣстный Райдтъ говоритъ: «Все благое происходитъ отъ путешествій», Гете пишетъ своему сыну: «предпринимай твои маленькія экскурсіи въ разныя мѣста во время ваканцій для того, чтобы впослѣдствіи рѣшиться на большое путешествіе. Все, что ты видишь тутъ и переживаешь, все послужитъ тебѣ въ будущемъ на пользу и на радость». Воспитательныя задачи экскурсіи: дать дѣтямъ знаніе жизни и житейскій опытъ, развитіе серьезнаго отношенія къ жизни, развитіе въ характерѣ самостоятельности и чертъ мужественности. Нравственное воспитаніе требуетъ, чтобы городскія дѣти не были во время дѣта оставлены безъ руководства и предоставлены вліянію улицы. Для того, чтобы экскурсіи были полезны дѣтямъ, необходимо, чтобы учитель самъ любилъ путешествовать; иначе онъ не сумѣетъ посредствомъ экскурсіи подвѣять въ сердцахъ дѣтей сокровища жизненной поэзіи и сдѣлать экскурсіи источникомъ пріятныхъ воспоминаній, а также источникомъ сознанія необходимости трудовой полезной жизни.

Городскихъ дѣтей слѣдуетъ прежде всего ознакомить съ городомъ, его достопримѣчательностями, обратить ихъ вниманіе на все, что отличаетъ го-

родъ отъ деревни. Затѣмъ, вводя ихъ въ сельскую жизнь, знакомя ихъ съ природой, слѣдуетъ показать имъ ее во всей ея прелести въ солнечный день, съ ея необозримыми полями, съ лугами, украшенными цвѣтами, лѣсомъ, полнымъ аромата и прохлады; показать, какъ эта природа полна живыхъ существъ до мельчайшихъ насѣкомыхъ. Не должно спѣшить въ дорогъ, а слѣдуетъ долге останавливаться на красотахъ природы, научать наслаждаться міромъ и благословлять и цѣнить каждый моментъ своей жизни. Должно сравнивать сельскую жизнь съ городской, указывать на всѣ удобства и неудобства жизни сельской, на всѣ хорошія и дурныя ея стороны; такъ точно въ свою очередь должно знакомить съ великими достоинствами городовъ, имѣющими значеніе въ научной, политической, торговой и пр. жизни; надо дать почувствовать юнымъ участникамъ экскурсіи, что наивысшія удобства жизни суть плоды трудовъ многихъ поколѣній людей. Надо обратить ихъ вниманіе на то, что получаютъ они вообще въ наслѣдство отъ своихъ предковъ и заставить ихъ подумать, что обязаны они сдѣлать въ теченіе своей жизни, чтобы въ свою очередь заслужить благодарность потомковъ. Экскурсіи заставляютъ ученика примиряться со многими неудобствами, выносить неблагоприятныя обстоятельства и отвыкать отъ роскоши и извѣженности.

Эккурсіи должны имѣть вообще осазательную для дѣтей цѣль, потому что дѣти еще не въ состояніи сознавать всей ихъ пользы. Внѣшнею цѣлью путешествія можетъ быть выбранъ между прочимъ и пунктъ, имѣющій значеніе святыни или древности. Такая цѣль не только удовлетворяетъ духовной жаждѣ дѣтей, но и отвѣчаетъ часто желаніямъ ихъ родителей, что, надо замѣтить, немаловажно въ видахъ вызова къ экскурсіямъ сочувствія и со стороны родителей для пользы самого дѣла. Затѣмъ цѣлю можетъ быть собраніе растений, минераловъ, раковинъ и т. п., что зимою можетъ послужить матеріаломъ для школьныхъ работъ. Однимъ словомъ, было-бы желаніе, а найти цѣль экскурсіи понятную для дѣтей всегда можно.

Для учениковъ начальныхъ школъ экскурсіи должны совершаться круглый годъ за исключеніемъ самаго холоднаго времени и должны быть полдневныя, такъ какъ дѣти этихъ школъ еще не въ силахъ переносить далекое путешествіе. Зимомъ экскурсіи должны ограничиться посѣщеніемъ выставокъ, музеевъ, прогулками въ чертѣ города; съ наступленіемъ-же весны прогулки должны быть направлены за городъ, гдѣ и могутъ совершаться до наступленія поздней осени; при чемъ кругъ ихъ долженъ съ каждымъ разомъ расширяться. Для поддержанія своихъ силъ дѣти должны брать съ собою завтракъ, питье-же должно быть имъ доставляемо въ дорогъ.

На основаніи всего сказаннаго необходимо было-бы предложить педагогическому персоналу городскихъ школъ устройство подобныхъ экскурсій. Такъ какъ Петербургъ раскинулся весьма широко, и не скоро, живучи въ немъ, попадешь за городъ, то, чтобы не тратить дѣтскихъ силъ на дорогу по городу, было-бы желательно, чтобы «Общество охраненія народнаго здравія» оказало свое содѣйствіе, призвавъ общества желѣзныхъ, конножелѣзныхъ дорогъ и пароходства къ участію въ этомъ дѣлѣ. Было-бы также желательно, чтобы всѣ выставки, имѣющія значеніе для школьнаго дѣла, открывали свободный входъ для учащихся дѣтей. Такъ какъ это дѣло касается вообще общества и государства, то забота объ экскурсіяхъ должна распространяться на всѣхъ дѣтей города; слѣдовательно, на дѣтей учащихся какъ въ обществен-

ныхъ, такъ и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ,—словомъ, на любую группу учащихся дѣтей, гдѣ-бы она ни имѣлась въ предѣлахъ города Петербурга.

О. Урюмова.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Послѣдній голодъ былъ для насъ, жителей столицы, вообще такъ мало знакомыхъ съ условіями сельской жизни, историческимъ событіемъ, пролившимъ яркій свѣтъ на весь неустрой русской деревни, на всѣ тяжелыя, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя условія ея быта.

Многочисленныя сообщенія, доклады, пренія и обсужденія по поводу голода, о его причинахъ и послѣдствіяхъ, обнаружили прежде всего тотъ фактъ, что наша деревня страдаетъ хронической нищетой, которая только сильнѣе обостряется въ періодъ атмосферныхъ невгодъ.

Неприглядная дѣйствительность жизненныхъ условій деревни, бросается въ глаза, даже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ нею. Между тѣмъ, общественная жизнь идетъ все впередъ въ своемъ поступательномъ движеніи, а техническія, промышленныя и всякаго рода усовершенствованія, отмѣчаются изъ года въ годъ, во всѣхъ областяхъ.

Въ рукахъ у современнаго, интеллигентнаго человѣка могучія силы: паръ, электричество, искусственный свѣтъ, и проч., и онъ пользуется ими для своего матеріальнаго благосостоянія, для безчисленныхъ утонченныхъ удобствъ своей жизни. Для одного него какъ будто существуетъ вся такъ-называемая цивилизація и культура двухъ полушарій. Онъ совершенствуетъ свое умственное развитіе въ цѣлой сѣти школь, гимназій, университетовъ; онъ удовлетворяетъ свои эстетическія чувства музыкой, пѣніемъ, живописью, для которыхъ воздвигаются храмы искусствъ. Даже вкусовыя его ощущенія, утончаются безконечно разнообразными яствами кулинарнаго искусства и разнаго рода напитками. Словамъ, физическая и нравственная природа современнаго человѣка удовлетворены. Но идя впередъ по пути прогресса, услаждая свои культурные вкусы и требованія своего эгоизма, русскій интеллигентъ, къ сожалѣнію, не хочетъ оглянуться назадъ и обнять взоромъ-громадное пространство русскаго государства, покрытаго безчисленными множествомъ деревень и селъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ этого прогресса и точно застывшихъ на безповоротной точкѣ своего жалкаго, если можно такъ выразиться, дониторческаго существованія. Деревня, говорятъ, это—крупинка, атомъ въ громадномъ организмѣ государства. Но все великое въ исторической жизни, какъ и въ природѣ, слагается изъ мельчайшихъ частицъ, обладающихъ живою, созидающею силою. Характеръ-же землевладѣнія, съ другой стороны, имѣетъ самое тѣсное соотношеніе къ условіямъ гражданскаго и политическаго строя страны. А Россія—земледѣльческое государство по преимуществу, деревня—краеугольный камень ея экономическаго богатства.

Я видѣла деревню нѣсколько лѣтъ тому назадъ; мнѣ привелось взглянуть на нее снова минувшимъ лѣтомъ, живя въ пяти часахъ ѣзды отъ нашей столицы. Увы! за эти годы въ ней не произошло ни малѣйшей переменъ къ лучшему; общій ея характеръ и колоритъ остался все такой-же сѣренькій... Дорога вся въ рытвинахъ, мѣстами непроѣздное болото. Избы большею частью покосившіяся соломенные крыши, поддерживаемыя простыми жердями. Правда, между жиденькими избенками и низкими амбарчиками попадаются кое-гдѣ хаты зажиточныхъ крестьянъ, съ рѣзными подоконниками и крылечками, но ихъ такъ мало, что нельзя и въ расчетъ принять. Избы тѣсно и густо построены, вопреки всѣмъ строительнымъ и пожарнымъ правиламъ, даже деревьями не обсажены... Внутри та же грязь и духота, окна рѣдко открываются, даже въ жаркое время. «La Russie se lave»,—сказалъ князь Горчаковъ, по поводу Ветлянской чумы; но слова эти, къ прискорбію, не оправдываются въ нашей деревнѣ. Бани существуютъ лишь въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, мнѣ привелось видѣть печь въ избѣ съ большимъ круглымъ отверстіемъ, приспособляемую для мытья крестьянъ и дѣтей. Печь предварительно протапливается, затѣмъ выкладывается внутри соломой, къ ней приставляютъ какой-нибудь чанъ съ водою, крестьяне садятся внутрь печи и моются.

Воздухъ избъ пропитанъ міазмами и сыростью отъ развѣшаннаго для просушки, рванаго бѣлья. И какая неприглядная жизнь царитъ въ нихъ! Морщинистые старики и старухи забились по угламъ у печки, гдѣ рожатся разныя насѣкомыя; маленькія дѣвочки 6—7 лѣтъ, убаюкиваютъ на рукахъ годовалыхъ дѣтей, засовывая имъ въ ротъ грязную, смоченную молокомъ тряпочку. Ребятишки, большею частью, полунагіе, сидятъ на скамейкѣ, прижавшись другъ къ другу, точно птички на жердочкѣ, и жуютъ черный хлѣбъ съ лукомъ. Деревня почти круглый годъ постигается: квась, лукъ, черный хлѣбъ, составляютъ ея главную пищу.

Волѣ избы хлѣвъ, въ которомъ стоитъ худая, чахлая скотина. Толстобокихъ коровъ мнѣ не привелось видѣть. Невездѣ есть колодцы и часто воду употребляютъ изъ прудовъ, которые кишатъ разными зоологическими представителями. Огородовъ совсѣмъ мало въ здѣшней мѣстности, питомниковъ съ плодовыми деревьями я совсѣмъ и не видѣла. Деревенскій людъ ушелъ на работу; лучи солнца раскаляютъ землю,—зной страшный. Женщины работаютъ наравнѣ съ мужчинами: онѣ пахутъ, жнутъ, молотятъ, кромѣ того исполняютъ разныя домашнія работы. Для большинства изъ нихъ дѣти—обуза, бремя.—«Что толку, что *накотишь* дѣтей, лучше-бы Господь прибралъ ихъ. У насъ—бѣдность»,—говорятъ крестьянки-матери, съ какимъ-то затаеннымъ чувствомъ тоски.

Изъ громаднаго числа усовершенствованныхъ и удешевленныхъ земледѣльческихъ орудій, нѣтъ ни одного въ хозяйствѣ русскаго крестьянина, и онъ орудуетъ все тою-же первобытной, самодѣльной сохой и деревянной бороной. О травосѣяніи, разведеніи клевера, тимофѣвки и помину нѣтъ.—«Куда намъ клеверъ, всего-то для запашки 5½ десятинъ и то мѣстами мохъ»—говорятъ крестьяне въ свое оправданіе.

Матеріальное благосостояніе крестьянъ ни въ чемъ не улучшилось: недомочныхъ весьма значительное число, залежалыхъ денегъ почти ни у кого нѣтъ.

Народъ вернулся съ работы; лица у всѣхъ озабоченныя: рожь въ этомъ году мѣстамъ плохо родилась вслѣдствіе весеннихъ холодовъ, хлѣба не хватить до новины, придется перебиваться крохами и поскребами. Земля для крестьянъ—все, и изъ нея все нужное въ ихъ жизни. Деревенская жизнь суровая, земледѣльческій трудъ сковываетъ все время. Не даромъ крестьянская поговорка говоритъ: «лѣто работаетъ на зиму, а зима на лѣто».

Но гдѣ-же духовная жизнь деревни? Гдѣ-же тѣ развлечения, составляющія отдыхъ, послѣ трудовой жизни и однообразія рабочаго дня, возвышающія умъ и чувство? Гдѣ свѣтъ просвѣщенія? Правда, благодаря заботамъ лучшихъ земцевъ, московское земство ассигновало въ 1891 году, 105 тысячъ на нужды народнаго просвѣщенія,—школы находятся во многихъ деревняхъ, но далеко не во всѣхъ. Между тѣмъ стремленіе къ грамотности, къ умственности», какъ говорятъ крестьяне, все растетъ въ народѣ. Кто почитаетъ намъ книжечку, занимательный рассказъ? Кто поучить и наставить ребятишку? Читать и поучать, оказывается, некому. Если есть приходъ—церковь, то священникъ, при скудномъ своемъ содержаніи, самъ бѣдствуетъ, и большею частью онъ—человѣкъ мало развитой и только въ рѣдкихъ случаяхъ между нимъ и прихожанами, устанавливается духовное общеніе. Онъ не миссіонеръ христіанскаго ученія, не вдохновенный носитель слова Христова: его сухая заученная проповѣдь мало даетъ духовной пищи народу. И религіозность народа сводится скорѣе на обрядовое благочестіе, на внѣшнее пониманіе и приводитъ его къ фаталистическому міровоззрѣнію: «Всѣ поступки человѣка, всѣ бѣды и невзгоды,—воля Божія».—Покорность судьбѣ и обезличеніе человѣка, являются результатомъ такого міросозерцанія. Въ деревнѣ народъ лишень всякихъ образовательныхъ искусствъ: музыка,—это все та-же гармоника, съ ея далеко не музыкальными звуками, пѣніе—это хороводныя пѣсни съ визгами и немелодичными припѣвами, да и то въ послѣднее время, хороводы утратили свой народно-бытовой характеръ вслѣдствіе разныхъ позаимствованій городскихъ танцевъ: какая-то каррикатурная кадрили, въ которой русскій сарафанъ, замѣненъ кафточкою и юбкою городского покроя. Въмѣсто живописи и сносныхъ картинъ, какая-то лубочная мазня, со стереотипными уродливыми фигурами.

Нѣтъ въ деревнѣ ни одного такого мѣста, гдѣ народъ могъ-бы стекаться, хотя-бы въ праздничные дни, съ цѣлью послушать духовныя бесѣды, чтеніе съ туманными картинами, почитать книжечки, упражняться на разныхъ простыхъ, музыкальныхъ инструментахъ, образовать хоръ для церковнаго пѣнія, поиграть въ разныя игры,—словомъ, гдѣ всѣ сокрытыя въ душѣ стремленія къ искусству и поэзіи, могли-бы получить нѣкоторое удовлетвореніе. Мертво, скучно въ деревнѣ, чувствуется какое-то нравственное одиночество, и немудрено, что нравы здѣсь дикі, и грубы, что кабакъ, притаившійся хотя-бы въ самомъ неприятомъ, темномъ углу деревни, манитъ къ себѣ какою-то неотразимою, притягательною силою. Вино веселитъ душу, будитъ воображеніе, развязываетъ языкъ, и пѣсня затягивается, разгулъ полный, всѣ тяжелыя заботы забыты, послѣднія деньги пропиваются и русскій народъ спаивается кабакомъ. Объ этомъ грустномъ фактѣ, свидѣтельствуютъ статистическія цифровыя данныя, указывающія на страшный процентъ преступленій, душевныхъ болѣзней, развивающихся подъ вліяніемъ пьянства. Отъ пьянства изсякаетъ источникъ народнаго богатства. Народъ невѣжественъ,

малограмотенъ, и ему не въ домекъ, что кабакъ, какъ говоритъ профессоръ Янжуль, является естественнымъ продуктомъ всѣхъ нашихъ социальныхъ условій, что пьянство—тормазь къ общественному преуспѣянію.

Между тѣмъ, бѣда отъ кабаковъ въ деревнѣ растетъ съ каждымъ днемъ, а кабатчикъ богатѣетъ, открываетъ лавочку, дѣлается кулакомъ, у котораго народъ забираетъ въ долгъ разные продукты, продаетъ «по нуждѣ» сѣно, рожь, которые тотъ, въ послѣдствіи, перепродаетъ въ три-дорога. Кулаки и барышники заѣдаютъ деревню. Нѣтъ по большей части въ деревнѣ ничего для помощи въ случаѣ болѣзни. Хорошо еще, если земская больница находится по близости, но большую частію, крестьяне лишены всякой медицинской помощи, даже первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Ни фельдшера, ни аптеки, ни одного перевязочнаго средства, и не разъ мнѣ случалось видѣть, какъ сильно струившуюся кровь изъ раны на рукѣ мужика старался остановить грязнымъ тряпьемъ, оторваннымъ отъ своихъ портянокъ. А физическая немощъ крестьянъ, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ обыкновенно привыкли считать. Я видѣла статистическія данныя заболѣванія въ деревняхъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Московской губерніи. Цифры желудочныхъ катарровъ, хирургическихъ болѣзней, ревматизмовъ и друг.—поразительны. А кому неизвѣстна громадная смертность дѣтей, отъ 1-го до 5-ти лѣтняго возраста въ деревнѣ? Знахари, знахарки, которые выѣзжаютъ на невѣжество крестьянъ, врачуютъ разными снадобьями, притираниями, пришептываніями и средствами, которые находятся «вокругъ дому», и этимъ ограничивается въ большинствѣ случаевъ, наша медицинская помощь.

Вотъ картинка деревенской жизни, срисованная съ природы. Я пишу вовсе не изъ сентиментальнаго народолубія или, по теоріи «всечеловѣчности русскаго народа», въ силу которой мы однимъ фактомъ нашего существованія стоимъ выше всѣхъ народовъ. Только на почвѣ безпристрастнаго сужденія могутъ быть выяснены нравственныя свойства народа. Исходя изъ такой точки зрѣнія, мы должны признать, какъ прекрасныя черты народнаго характера, проявленіе которыхъ, ярко засвидѣтельствовано въ историческихъ нашихъ лѣтописяхъ: его выносливость, сила вѣры, терпѣніе, самоотверженіе, такъ и темныя, неприглядныя его стороны: грубость, невѣжество, распущенность естественныя послѣдствія вѣковой закрѣпощенности народной личности,—трехсотлѣтняго его рабства. То, что нашлось въ народѣ темнаго съ незапамятныхъ лѣтъ, не могло изгладиться безслѣдно, вилонзмигнуться въ сравнительно незначительный періодъ времени, послѣ его освобожденія. Нѣтъ сомнѣнія, реформа внесла за собой новый порядокъ, построенный на признаніи правъ личности народа, пробудила источникъ развитія народныхъ силъ, а цѣлый рядъ самыхъ благихъ мѣропріятій со стороны государства, земства, имѣетъ въ виду просвѣщеніе народа. Но для того, чтобы изъ мрака перейти къ свѣту, нужны долгіе промежутки времени, а для подъема нравственнаго и умственнаго уровня народа необходимо, чтобы рядомъ съ государственнымъ вліаніемъ, развился широкій просторъ для общественной и частной инициативы, чтобы съ помощью тѣхъ двигателей, тѣхъ побужденій, которыя исходятъ отъ безкорыстнаго желанія добра народу,—просвѣщеніе его пошло успѣшнѣе, быстрѣе.

Взаимодѣйствіе государства и всего русскаго, интеллигентнаго общества, должно служить лучшимъ залогомъ успѣха въ этомъ дѣлѣ. Если филантро-

пія ідуть на вступу нуждамъ бѣднѣйшаго, городского населенія, то тѣмъ болѣе слѣдовало-бы организовать общественную помощь въ деревнѣ.

Что сдѣлало наше общество въ этомъ направленіи, чтобы возвысить нравственное и матеріальное благосостояніе русской деревни? Въ недавнее, памятное время, нѣкоторые представители нашей молодежи, увлеченныя разными теоріями, поставили себѣ задачей, созиданіе новаго общественного строя, опирающіеся исключительно на народныя элементы (крестьяне-рабочіе). Они провозгласили отреченіе отъ «ложной культуры» и превращеніе въ народъ; но для этого обратились къ самымъ грубымъ его инстинктамъ, которыми никогда не можетъ быть создано народное благо. Всѣмъ понятенъ тотъ здравый, трезвый отпоръ, который противопоставилъ народъ этой пропагандѣ. Въсплѣснута были сдѣланы единичныя попытки придти на помощь народнымъ нуждамъ, но онѣ выжили не изъ близкаго знакомства съ бытовыми, коренными условіями жизни, но болѣе изъ утопическихъ взглядовъ на народное благо вообще. Послѣдній голодъ, повидимому, пробудилъ сочувствіе къ положенію нашего народа, вывелъ на первый планъ деревню, страдающую, обездоленную, питающуюся крохами чернаго хлѣба съ лебедю, къ которымъ протягивались руки исхудалыхъ, съ потухшими взорами крестьянъ, отъ голода, похожихъ на призраки. Эти кусочки хлѣба, похожіе на угольки, въ нѣкоторыхъ салонахъ, разносились на подносахъ ливрейными лакеями, чтобы, вѣроятно, богатые могли лучше судить о размѣрахъ голода по контрасту съ окружающею ихъ роскошью.

Въ прессѣ описанія голода были потрясающія. Нервы русскаго общества вздрогнули, какъ отъ электрическаго удара, сердца забились въ груди, и полились въ деревню денежные и вещевыя пожертвованія въ мѣстности, пострадавшія отъ голода. Въ порывѣ великодушныхъ чувствъ, многія лица, особенно женщины, всегда болѣе чуткія, готовыя безкорыстно служить добру дѣлу, отправились въ деревню, пораженныя голодомъ, на помощь народу.

Но голодъ миновалъ, все стихло, занавѣсъ упалъ, и деревня точно сошла со сцены! А между тѣмъ, если деревня и не голодаетъ, то изъ года въ годъ, продолжаетъ бѣдствовать въ первобытній своей косности и безысходной нуждѣ.

Крестьянское хозяйство, обремененное податями и недоимками, ведется плохо; оно не въ состояніи прокормить семью мужика и, въ большинствѣ случаевъ, крестьяне бросаютъ землю и ради заработка, идутъ въ отхожіе промыслы. Но въ нравственномъ отношеніи дѣла обстоятъ еще хуже: народъ, предоставленный самъ себѣ, инстинктивно остается вѣренъ старинѣ, не увеличиваетъ своего знанія, не приобретаетъ тѣхъ навыковъ и умѣній, которые помогли-бы ему самостоятельно взяться за дѣло или за усовершенствованіе въ его сельскомъ хозяйствѣ. Рутинна, патріархальные обычаи, невѣжество, не даютъ ему возможности выбиться изъ старой колеи.

Въ интеллигентному, русскому обществѣ отсутствуютъ серьезные, устойчивыя стремленія поднять крестьянскую массу, коснѣющую въ невѣжествѣ, распространеніемъ просвѣщенія, практическихъ знаній, устройствомъ цѣлой сѣти благихъ учреждений: сельско-хозяйственныхъ, ремесленныхъ школъ, школъ грамотности, читаленъ, сельскихъ бібліотекъ, столовыхъ, чайныхъ, яслей, общежитій, ссудо-сберегательныхъ кассъ и пр. Существуютъ единичныя попытки въ этомъ направленіи, бывають случаи, когда свѣтъ проникаетъ въ деревню, исходя отъ лицъ, у которыхъ развита чуткость къ ду-

ховнымъ и матеріальнымъ нуждамъ народа, но всё онѣ ступовываются въ общемъ индиферентизмѣ. Хуже всего—недостатокъ личнаго, живого примѣра трудовой дѣятельности, нравственной жизни между людьми, стѣящими близко къ деревнѣ. А этотъ примѣръ лучше всего можетъ воздѣйствовать на просвѣщеніе народа. Въ этомъ отношеніи сближеніе и знакомство съ ними нашего интеллигентнаго общества, могло-бы внести обновленіе въ жизнь этой темной, заброшенной нами массы, а потому наше устраненіе отъ непосредственной заботы о благѣ и просвѣщеніи ея,—это тяжкій грѣхъ, за который русское общество отвѣтитъ передъ судомъ исторіи,—грѣхъ тѣмъ болѣе непростительный, что каждому, имѣющему дѣло съ народомъ, извѣстно, съ какимъ довѣріемъ, темный, русскій человекъ, приходитъ къ намъ искать свѣта и, какая у него благодарная почва для воспріятія сѣмянъ добра и ученія. У насъ даже помѣщики, (особенно помѣщики въ духѣ прежняго, крѣпостнаго права), число которыхъ гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагаютъ,—имѣютъ мало общаго съ землею; они чужды крестьянину, считаютъ народъ—грубою, косною, стихійною силою, пьянствующею массой, и привоачь истрепанные аргументы, что Россія, со времени освобожденія крестьянъ, идетъ быстрыми шагами къ своему разоренію и ослабленію, забывая при этомъ, что освобожденіе, вызвало собою цѣлый рядъ реформъ, совершенно обновившихъ духовную жизнь Россіи, и дало значительный приростъ въ разныхъ сферахъ ея производительности.

Въ большинствѣ случаевъ, хозяйство свое они ведутъ по старой, заповѣдной системѣ и понятно, что она идетъ у нихъ на убыль. Главная забота состоитъ въ ихъ личной выгодѣ и комфортѣ въ домѣ, убранномъ по городской модѣ, съ террасы котораго, точно для ландшафта, виднѣется та самая деревня, возбуждающая въ ихъ сердцахъ, такіа зловонна чувства!

Конюшня, пасарня—составляютъ предметъ особеннаго вниманія. Отъ этихъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, зачастую приходится слышать жалобы, что «вести хозяйство въ настоящее время—невозможно; имѣнія, кромѣ убытковъ, ничего не приносятъ, и занимаются ими не стоитъ». Между тѣмъ, отсутствіе толковой обработки земли и незнаніе земледѣльческой техники у большинства помѣщиковъ, отражается и на плохихъ приѣмахъ земледѣлія у крестьянъ. Фактъ этотъ вполне естествененъ, такъ какъ между помѣщичьимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ, существуетъ самая тѣсная связь и полное взаимодействіе.

Откуда-же ждать просвѣта въ той вѣковой тьмѣ, которая и теперь окутываетъ нашу деревню?

Пробужденіе ея изъ застоя и невѣжества должно совершиться, съ одной стороны, государственной властью въ цѣломъ рядѣ благихъ предначертаній, направленныхъ для просвѣщенія народной массы, съ другою—съ помощью и при посредствѣ нашего интеллигентнаго общества, въ лицѣ тѣхъ молодыхъ, грядущихъ представителей его, которые почти отъ рожденія, стоятъ ближе къ нуждамъ и бытовымъ условіямъ деревни, которые личнымъ трудомъ, знаніемъ, нравственными свойствами, сближеніемъ съ народомъ, могутъ служить примѣромъ, достойнымъ подраженія для крестьянства, интересы и польза котораго, будутъ ему дороги и близки. Успѣхъ нашего сельскаго хозяйства въ будущемъ, во многомъ, можетъ зависѣть также отъ приложенія *кооперативнаго начала* къ нашему землевладѣнію. Дѣло сельскаго хозяйства весьма сложное: въ составъ его входятъ разныа отрасли, требующія раздѣленія тру-

да, для правильного и цѣлесообразнаго своего развитія. Единичное хозяйство не можетъ достигнуть столь успѣшныхъ результатовъ въ сравненіи съ тѣмъ, которое будетъ поведено совокупными, солидарными между собою силами, при раздѣленіи труда. Интеллигентные поселки также могутъ служить прекрасными проводниками для усовершенствованія сельскаго хозяйства.

Участіе русской женщины въ дѣлѣ подъема нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія деревни безспорно, поведетъ къ самымъ благимъ результатамъ. И въ натоющее время, ея дѣятельность отмѣчена успѣхомъ. Вотъ что говорить о русской женщинѣ нашъ извѣстный агрономъ, покойный А. Энгельгардтъ, въ своемъ послѣднемъ трудѣ: «О хозяйствѣ въ Сѣверной Россіи».

«Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но у насъ, въ Смоленской губерніи, хозяйство сосредоточивается въ рукахъ барынь, и надо отдать справедливость, что большинство барынь взялись за хозяйство настоящимъ образомъ и дѣйствительно интересуются дѣломъ уже потому, что не имѣютъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ тѣхъ, что даетъ хозяйство. Замѣчательно, что отъ барынь-хозяекъ, слышно гораздо меньше нытья, жалобъ, на неудовлетворительность работы и пр. Барыни, стоя близко къ дѣлу поняли, что возвращаться къ старымъ порядкамъ нельзя, убѣдились въ безмысленности нытья, примирились съ существующимъ положеніемъ и, какъ лица, которымъ невозможно иначе жить, какъ хозяйствомъ, взялись за дѣло съ тою практическою ловкостью, которая отличаетъ женщинъ. Между барынями, всего болѣе встрѣчаешь лицъ, дѣйствительно интересующихся хозяйствомъ, стремящихся выбиться изъ старой рутинѣ, дѣлающихъ въ хозяйствѣ нововведенія, часто очень удачныя».—Есть надежда, что столь желанная для успѣха нашего сельскаго хозяйства серьезная и подготовка русскихъ женщинъ въ этой отрасли знанія—скоро осуществится. Благодаря просвѣщенному отношенію теперешняго министра государственныхъ имуществъ, Ермолова, къ женскому сельско-хозяйственному образованію, предполагается, въ непродолжительномъ времени, открытіе сельско-хозяйственнаго училища для женщинъ. Со своей стороны я горячо привѣтствую этотъ починъ: онъ отвѣчаетъ вышесказанному мною пожеланію, объ открытіи для женщинъ сельско-хозяйственныхъ низшихъ школъ и институтовъ въ моей статейкѣ о «нашемъ сельско-хозяйственномъ образованіи», напечатанной, въ прошломъ году, въ газетѣ «Русская Жизнь».

Я иду дальше въ моихъ пожеланіяхъ. Открытіе значительнаго числа сельско-хозяйственныхъ заведеній, дало-бы возможность нашей молодежи, выступить на новый путь живаго, полезнаго труда, указываемый историческимъ развитіемъ самой нашей жизни, позволило-бы ей прикрѣпиться къ землѣ и въ общеніи съ природою, земледѣльческимъ трудомъ, развить въ своей душѣ тѣ общественные и нравственные идеалы—служенія родинѣ, своему народу, которые вполнѣ отвѣчаютъ гражданскому ея призванію. Если до сихъ поръ всё и все стремилось изъ деревни въ городъ, то теперь настала пора обратнаго движенія—въ деревню.

А. С. Бамцкая.

Страхъ заразы въ педагогическомъ отношеніи.

Я касаюсь этого вопроса, потому что, какъ ни странно и парадоксально на первый взглядъ это можетъ показаться, ученіе о заразительности болѣзней, — а за небольшимъ исключеніемъ, новѣйшая медицина признаетъ чуть-ли не всѣ болѣзни заразительными, — оказало уже вредное вліяніе на современное воспитаніе дѣтей, а плоды его пожинаютъ родители, воспринявшіе это ученіе. Всѣ мы постоянно слышимъ жалобы на то, что дѣти избѣжены, своевольны, что они не умѣютъ противостоятъ дурнымъ вліяніямъ и пр. пр. Сѣтованія эти подтверждаются, къ сожалѣнію, фактами, которые свидѣлствуютъ о дурномъ воспитаніи, а въ немъ виноваты, разумѣется, прежде всего и главнымъ образомъ родители.

Чтобы изслѣдовать зло въ самомъ корнѣ, необходимо прослѣдить воспитаніе ребенка съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Посмотримъ-же, на что преимущественно обращаютъ вниманіе современные родители, — особенно матери, въ дѣлѣ воспитанія ихъ, чѣмъ руководствуются они, и что, главнымъ образомъ, вліяетъ на ихъ поступки и чувства? На этотъ вопросъ можно отвѣтить съ достовѣрностью, подтвержденной многочисленными наблюденіями, что физическій уходъ, устраненіе всего, что можетъ сколько-нибудь неблагоприятно повліять на здоровье дѣтей, — вотъ что составляетъ первенствующую заботу родителей и чѣмъ въ большинствѣ случаевъ исчерпывается исполненіе ихъ обязанностей. Почему, спрашивается, восторжествовало и взяло верхъ такое почти исключительное направленіе въ дѣлѣ столь многостороннемъ и сложномъ, какъ воспитаніе дѣтей? Чѣмъ обуславливается оно? Мнѣ думается, что теорія заразительности болѣзней, столь распространенная въ наше время, не мало поспособствовала развитію такого направленія. Мать всегда мнительно и тревожно относится къ каждому заболѣванію своихъ дѣтей, особенно малолѣтнихъ; но, подъ вліяніемъ медицинскихъ теорій о заразительности болѣзней, которыми современные врачи волнуютъ ея сердце и туманятъ ея умъ, эта мнительность обратилась въ трусость, эта тревога — въ страхъ, — *въ страхъ заразы!* Этотъ-же страхъ, какъ злой духъ, обуяетъ ее, деспотически властвуетъ надъ нею, лишаетъ ее разсудка и самообладанія. Лишь только заболѣваетъ кто-нибудь изъ близкихъ въ домѣ, мать говоритъ дѣтямъ — «не подходите къ сестрѣ: она больна, она можетъ заразить васъ, — «у вашей тети гриппъ — не цѣлуйте ее, — или «не навѣщайте вашего товарища, у него какая-то подозрительная сыпь» и т. п. И дѣти, запугиваемыя такими запрещеніями и угрозами, вмѣсто того, чтобы ухаживать за больными, — какъ-бы они дороги и милы имъ ни были, — сторонятся отъ нихъ съ какимъ-то неприязненнымъ чувствомъ. Вѣдь, отъ малѣйшаго соприкосновенія съ больными отъ каждой ласки, — они могутъ, — такъ утверждаютъ родители, — сами захворать, а всякая болѣзнь, они хорошо это знаютъ, — лишитъ ихъ свободы веселія и всѣхъ тѣхъ удовольствій, которыми они пользуются, когда бываютъ здоровы, и естественно, что при одномъ словѣ *болѣзнь*, первое, что у нихъ является

на умъ, это мысль о *себѣ* и если въ сердцѣ ихъ зарождается не жалость къ страдающему лицу, не сочувствіе къ нему, а *страхъ* за собственную без-опасность, за собственное здоровье. А блѣдныя лица родителей, ихъ дрожащій голосъ, тревожный, устремленный на нихъ взглядъ, слово *зараза*, про-износимое съ нескрываемымъ ужасомъ, окуриваніе ихъ платевъ и комнатъ, и пр.,—все это удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на нихъ и нравственно подавляетъ.

Между тѣмъ, когда сами они бываютъ больны, они не допускаютъ и мысли, чтобы кто-нибудь изъ родныхъ и близкихъ не ухаживалъ за ними, лишилъ ихъ своихъ заботъ и ласкъ. Пользоваться этими ласками и попече-ніями они считаютъ своимъ неотъемлемымъ правомъ всегда, а во время бол-ѣзни въ особенности. Мысль-же о возможности зараженія ею родныхъ или кого-нибудь изъ окружающихъ не приходитъ имъ даже на умъ, не сму-щаетъ ихъ ни на минуту, да и никто объ этомъ не говоритъ имъ. Един-ственное, что внушается имъ,—это, повторяю, забота о *себѣ*, страхъ за *себя*. И эгоизмъ,—а дѣти, по природѣ своей уже эгоисты,—уже съ ранняго воз-раста ихъ укореняется въ ихъ сердцѣ и своею ледящей струей охлаж-даетъ самое нѣжное чувство—*жалость* къ страданіямъ близкихъ, тушить искру, изъ которой современемъ возгорается *любовь* къ человѣку.

Такимъ образомъ, родители, оберегая здоровье дѣтей своихъ, часто отъ опасности, въ большинствѣ случаевъ, создаваемой или преувеличенной ихъ возбужденнымъ воображеніемъ, чрезмѣрною мнительностью, какъ и запуги-ваніемъ врачей,—упускаютъ изъ виду, какой дѣйствительной и часто неотвра-тимой опасности они подвергаютъ ихъ нравственность, какой серьезный вредъ наносятъ они ей, а нравственность дѣтей должна быть имъ, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ не менѣе дорога, чѣмъ ихъ здоровье; нравствен-ность—это хрупкій сосудъ, съ которымъ нужно бережно обращаться, кото-рый можетъ разбиться отъ малѣйшаго сотрясенія. Впечатлѣнія дѣтства, какъ известно, оставляютъ часто неизгладимый слѣдъ, и ребенокъ, котораго при-учили, съ первыхъ сознательныхъ лѣтъ жизни сторониться отъ близкихъ лицъ во время ихъ болѣзни, будетъ, взрослый, по собственному уже по-бужденію изъ чувства самохраненія, развитаго въ немъ въ ущербъ другимъ чувствамъ,—удаляться отъ всякаго больного, а тѣмъ болѣе, не отличенется сочувственно на бѣду постороннихъ лицъ, особенно, если отъ его участія могутъ сколько-нибудь пострадать его личные интересы. Альтруистическія чувства въ немъ уже притушены; а себялюбіе и чрезмѣрная заботливость о своемъ благополучіи, малодушный страхъ всего, что можетъ уменьшить или нарушить это благополучіе, уже пустили въ немъ глубокіе корни. Зло сдѣлано и исправить его трудно.

Какое вредное дѣйствіе оказываетъ на родителей чрезмѣрный страхъ за-разы и до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходитъ онъ у нихъ, могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе достовѣрные факты, повторяющіеся не въ одной семьѣ, и потому составляющіе не единичные случаи. Я знаю, напр., мате-рей, непускающихъ дѣтей въ церковь изъ боязни, чтобы они не заразились отъ кого-нибудь изъ молящихся,—даже знаю и такихъ, которыя не позволяютъ дѣтямъ причащаться Св. Таинъ, такъ какъ всѣ причащаются одною лож-кою изъ одной чаши; знаю отцовъ, которые, прежде, чѣмъ поцѣловать своихъ малютокъ, дезинфицируютъ себѣ бороду и усы, на томъ основаніи, что будто

въ волосахъ легче всего зарождаются микробы, или, послѣ посѣщенія гостей, окуриваютъ гостиныя. И такихъ курьезныхъ фактовъ можно-бы привести очень длинный списокъ.

Но если страхъ заразы доводитъ отцовъ и матерей, —особенно послѣднихъ, —до умапсраченія, —то въ этомъ отчасти виноваты врачи, которые своими застрачиваніями, своими грозными проповѣдями подвергаютъ ихъ невыразимымъ душевнымъ терзаніямъ и, если можно такъ выразиться, терроризируютъ ихъ нервную систему.

У ребенка, напр., гриппъ, съ его неизбѣжными спутниками жаромъ и кашлемъ; по приглашенію матери, является врачъ: начинается постукиваніе груди, выслушиваніе хриповъ, измѣреніе температуры и пр. — «Пока у вашего Миши или у вашей Наташи, гриппъ», —говоритъ съ серьезнымъ лицомъ докторъ. Мать блѣднѣетъ. — «Вы, говорите пока, значить предполагаете возможность чего-нибудь худшаго, можетъ быть, бронхита?» — «Гриппъ, отвѣчаетъ врачъ, «сопровождается часто бронхитомъ, но, повторяю, пока его нѣтъ», и, видя тревожное лицо матери, прибавляетъ участливо: «успокойтесь, все будетъ хорошо». Но мать, разумѣется, не успокаивается: страхъ, какъ капля яда, производитъ на нее свое медленное, но вѣрное и губительное дѣйствіе.

Злополучное слово *пока* стучитъ молотомъ въ ея мозгу, гвоздитъ ея сердце мучительной тревогой и тоской. По естественной ассоціаціи идей она вспоминаетъ, что извѣстный дѣтскій врачъ, имѣющій громадную практику, сказалъ недавно ея пріятельницѣ, что бронхитъ, —особенно у дѣтей моложе семи лѣтъ, —легко можетъ перейти въ воспаленіе легкихъ; —Боже! шепчетъ она про себя съ замираніемъ сердца, что, если у моего Миши, или у моей Наташи гриппъ бросится на бронхитъ или, можетъ быть, на... легкія. Отъ одной этой мысли холодный потъ выступаетъ на ея лицо. Она лишается сна, аппетита, ни на минуту не отходитъ отъ больного ребенка, тревожно прислушивается къ звуку кашля его, къ самому его дыханію... Когда-же черезъ 3—4 дня онъ уже почти здоровъ, и роковое *пока* не оправдало своего грознаго предсказанія, мать, не смотря на свою радость, чувствуетъ себя совершенно разбитой, точно она пережила тяжелую и продолжительную болѣзнь. Послѣ мучительнаго напряженнаго состоянія, наступаетъ реакція: воля ея ослабѣла, энергія подавлена, и она не въ силахъ побранить, а тѣмъ болѣе, наказатъ Мишу, который капризничаетъ и никого не слушаетъ. Она только зоветъ его и мягко выговариваетъ ему его дурное поведеніе, но глаза ея любовно и нѣжно смотрятъ на ребенка, который еще вчера могъ заболѣть бронхитомъ или подвергнуться худшей опасности...

Но если ребенокъ заболѣваетъ какой-нибудь серьезной инфекціонной болѣзью, то, ко всѣмъ ея тревогамъ и терзаніямъ, присоединяется еще мучительный вопросъ, «какимъ образомъ зараза проникла къ нимъ въ домъ, и кто занесъ ее?» Ни одинъ судебный слѣдователь не можетъ такъ тщательно пытаться разслѣдовать скрытыя улики преступленія, какъ эта мать старается провѣрить всѣ факты, предшествовавшіе болѣзни.

Со всѣхъ знакомыхъ, какъ со свидѣтелей въ уголовномъ процессѣ, снимаетъ она формальный допросъ: «у кого они были, съ кѣмъ видѣлись, не больны-ли дѣти у кого-нибудь изъ нихъ; если больны, то какой болѣзью, когда захворали и пр. пр.». Прислуга тоже привлечена къ отвѣту и должна

дать самыя обстоятельныя и подробныя показанія. И если предварительное слѣдствіе докажетъ, что пріятельница матери вступила на улицѣ своего знакомаго, въ домѣ котораго были корь или скарлатина, и сквозь перчатку пожала ему руку, а затѣмъ зашла къ ея дѣтямъ и поцѣловала ихъ, тогда бѣда! — и на злополучную, мнимую виновницу ея горя, сыплется градъ упрековъ. Какая неосторожность съ ея стороны! какое невниманіе къ ея дѣтямъ! и т. п. Отношенія между двумя пріятельницами охлаждаются, и если не порываются совсѣмъ, то только благодаря отходчивости и незлобivosti женскихъ сердець.

Слышала я нѣрѣдко также, какъ читаютъ врачи у изголовья больного ребенка, — въ назиданіе и поученіе матери, — лекціи о дѣтскихъ болѣзняхъ, о діагнозѣ и развитіи ихъ, слышала, какъ даются научныя объясненія, произносятся страшныя слова «неврозъ, невропатія, пневмонія» и пр. — цѣлый каталогъ словъ, только напрасно запугивающихъ воображеніе матери, но въ сущности не дающихъ ей никакого представленія о причинѣ и процессѣ того или другого дѣтскаго недуга.

Мудрено-ли, что послѣ всѣхъ сердечныхъ мукъ, связанныхъ для матери съ каждымъ заболѣваніемъ дѣтей, послѣ кошмара страха, который нагоняетъ на нее популярная лекція о дѣтскихъ болѣзняхъ вообще и о заразительности ихъ въ особенности, какъ и пугающее слово *нока*, — эта бѣдная мать дѣлается нервною, теряетъ всякое равновѣсіе чувствъ и благоразуміе? Мудрено-ли, что она такъ боится, чтобы дѣти ея не кашлянули, не простудились, не съѣли чего-нибудь лишняго, что она съ такою нервною интенсивностью караулитъ ихъ легкія, горло, желудокъ, не обращая, между тѣмъ, должнаго вниманія на ихъ поведеніе, на ихъ нравственное развитіе?

Вѣдь, она боится не только за здоровье своихъ дѣтей, но и за себя. Не легко ей, въ самомъ дѣлѣ, переживать эту пытку сердца, эту страшную тревогу, это напряженное ожиданіе исхода болѣзни ея ребенка... Помимо ея сознанія, инстинктъ, самосохраненія, — этотъ могучій, животный инстинктъ руководитъ ею, проявляется слѣпо, властно подчиняя себѣ ея волю.

Такимъ образомъ, забота о здоровьѣ дѣтей выступаетъ въ современной семьѣ на первый планъ, сосредоточиваетъ на себѣ ея главное вниманіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу исключительности и напряженности этой заботы, часто ослабѣваетъ то нравственное воздѣйствіе матери на дѣтей, которое такъ важно въ воспитательномъ отношеніи: мать, естественно, не можетъ тратить столько силъ для достиженія одной цѣли, и въ то-же время расходовать такой-же запасъ энергіи для другой.

Но, слава Богу, намъ могутъ возразить, что забота о здоровьѣ дѣтей составляетъ основу современнаго воспитанія: не даромъ же уже и древніе провозгласили истину *mens sana in corpore sano*. Но что, — съ своей стороны, замѣчу я, — если въ результатъ такого воспитанія въ здоровомъ тѣлѣ окажется духъ больной, нравственная немощь? Развѣ не случается часто, что, вмѣсто богатыря, о которомъ мечтаютъ родители, вырастаетъ изнѣженный, непригодный къ жизни, не умѣющий бороться съ трудностями ея юноша, вырождающійся съ годами въ кутилу или невроната? Въ этомъ и другомъ случаѣ, — это бичъ семьи, а первая жертва его — *мать*.

Не отрицая отнюдь необходимости правильнаго физическаго ухода за малолѣтними дѣтьми, пользы укрѣпленія и развитія физическихъ силъ въ отрѣ-

ческомъ и юношескомъ возрастѣ,—я ратую только за то, чтобы ради этой дѣли не были принесены, какъ мы это видимъ зачастую въ нашихъ семьяхъ, въ жертву нравственные интересы и задачи воспитанія и чтобы культъ здоровья не былъ-бы возведенъ въ нравственный принципъ жизни.

Печальные результаты, полученные уже отъ системы воспитанія, въ основу которой заложенъ этотъ принципъ, несомнѣнно доказываютъ, что онъ ложенъ; надъ этимъ не мѣшало-бы серьезно подумать нашимъ родителямъ и воспитателямъ, а врачамъ—задать себѣ вопросъ, не вреденъ-ли страхъ заразы въ педагогическомъ отношеніи, не дѣйствуетъ-ли онъ не только на дѣтей, но и на самихъ родителей, деморализующимъ образомъ?

С. Старикевичъ.

Агрономическіе смотрителя

и ихъ значеніе въ дѣлѣ распространенія въ народѣ сельско-хозяйственныхъ познаній.

Институтъ Агрономическихъ смотрителей, какъ строго-опредѣленное учрежденіе, существуетъ лишь въ двухъ нашихъ земскихъ губерніяхъ—Вятской и Пермской. Мысль объ учрежденіи при этихъ земствахъ агрономическихъ смотрителей, главнымъ образомъ, принадлежала нынѣ уже умершему Н. А. Сковнину. Десять лѣтъ тому назадъ значительное появленіе вредныхъ насѣкомыхъ въ Вятской губерніи вызвало къ жизни учрежденіе особыхъ должностныхъ лицъ, обязанныхъ на мѣстахъ, при содѣйствіи населенія, принимать мѣры къ уничтоженію означенныхъ насѣкомыхъ, наносившихъ огромный вредъ сельскому хозяйству. Одновременно съ этимъ, имъ-же былъ поручаемъ надзоръ за страховымъ, а впоследствии, и за продовольственнымъ дѣломъ въ губерніи. Мало по малу, практика жизни указала на полную невозможность и трудность совѣщенія подобнаго рода обязанностей, при чемъ, въ послѣдніе годы на обязанность агрономическихъ смотрителей земствомъ, если не исключительно, то по преимуществу, была возложена обязанность распространенія среди народа словомъ и дѣломъ сельско-хозяйственныхъ познаній. Въ запискѣ Агрономическаго смотрителя Вятскаго губернскаго земства по Уржумскому уѣзду С. Дремцова (труды совѣщанія о мѣрахъ къ улучшенію экономическаго положенія крестьянскаго населенія Пермской губерніи, (стр. 346—351, 1893 г.) мы встрѣтили полное описаніе условій современной дѣятельности агрономическихъ смотрителей Вятской губерніи, представляющее собою крайне оригинальное и въ высшей степени интересное явленіе въ жизни и дѣятельности нашихъ земскихъ учреждений. По словамъ автора записки, «дѣятельность агрономическаго смотрителя въ области сельскаго хозяйства настолько важно, соприкасается съ такими многоразличными задачами, усло-

віями и способами ихъ рѣшенія и проведенія въ жизнь, что на всѣ препятствія къ возможно широкому ея развитію, равно какъ и на всѣ условія къ ея практическому выраженію должно быть обращено особенное вниманіе и сочувствіе земства». Вятское губернское земское собраніе, признавъ справедливость такого взгляда, приняло всѣ мѣры къ снабженію каждого агрономическаго смотрителя необходимыми средствами для навѣроятно полного осуществленія задачъ его дѣятельности. Мы позволимъ себѣ подробно перечислить всѣ тѣ условія, для осуществленія коихъ земство предоставило средства, о которыхъ весьма подробно изложено въ запискѣ г. Дремцова. Такого рода перечисленіе, въ то-же самое время, представитъ намъ и очеркъ дѣятельности каждого агрономическаго смотрителя въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ познаній среди крестьянскаго населенія. Такъ, по словамъ автора записки, содѣйствіе земства въ дѣлѣ успѣшной практической дѣятельности агрономическихъ смотрителей выразилось въ снабженіи каждого изъ нихъ средствами для 1) бесплатной раздачи крестьянамъ дешевыхъ брошюръ сельско-хозяйственнаго содержанія по выбору и усмотрѣнію смотрителя; 2) устройства библіотеки популярныхъ книгъ по сельскому хозяйству, состоящей изъ книгъ и брошюръ, стоимость которыхъ высока и не позволяетъ, по средствамъ земства, примѣнять къ нимъ принципъ бесплатной раздачи; 3) приобрѣтенія коллекцій пчеловодныхъ принадлежностей по меньшей мѣрѣ въ двухъ экземплярахъ, одного—при квартирѣ, другого для уѣзда. 4) Приобрѣтенія сѣмянъ кормовыхъ травъ, для доказательныхъ участковъ, съ цѣлью выдачи ихъ бесплатно тѣмъ изъ крестьянъ, которые, по мѣстнымъ условіямъ, нуждаются въ травосѣяніи, въ размѣрѣ не болѣе одной десятины,—если посѣвъ желаютъ произвести отдѣльные лица или группы лицъ и не болѣе 3-хъ десятинъ, если соглашаются произвести опытъ травосѣянія цѣлое селеніе. 5) Найма помощниковъ на случай, если число *доказательныхъ* опытовъ—въ области-ли травосѣянія, удобренія, освѣженія луговъ, срѣзанія кочекъ и проч.—безразлично—настолько велико, что одному агрономическому смотрителю нѣтъ физической возможности объѣхать во-время участки и присутствовать при работахъ и руководить ими; контингентъ помощниковъ выбирается изъ крестьянъ, знакомыхъ уже съ техникою того или другого приѣма улучшеній; такія лица готовятся въ то время, когда число *доказательныхъ* участковъ еще не велико. 6) Приобрѣтенія орудій, необходимыхъ для *доказательныхъ* опытовъ, какъ-то: луговыхъ боронъ, кочкорѣзовъ и проч., наконецъ 7) приобрѣтенія удобреній. Такова программа дѣятельности каждого изъ агрономическихъ смотрителей; главное и существенно важное въ ней заключается въ томъ, что въ нее включена идея широкаго примѣненія *доказательнаго* метода, единственно понятнаго для массы; теоретическія положенія всякой отрасли сельско-хозяйственныхъ познаній не могутъ проникать въ народъ инымъ путемъ, какъ лишь при содѣйствіи нагляднаго обученія. Въ виду такого рода соображеній, какъ земство, такъ и агрономическіе смотрители придаютъ крайне серьезное и важное значеніе такъ называемому *доказательному* методу распространенія въ народѣ свѣдѣній о мѣрахъ и средствахъ къ улучшенію земледѣлія и къ извлеченію изъ онаго наибольшаго количества матеріальныхъ выгодъ. По словамъ того-же автора, С. Дремцова, условія осуществленія на практикѣ *доказательнаго* метода, на сколько это выяснилось изъ дѣятельности Вятскаго агрономическаго института, состоятъ въ слѣдую-

щемъ, а именно: необходимо, чтобы 1) данный крестьянинъ-хозяинъ уступилъ подъ доказательный опытъ участокъ земли въ полѣ, въ огородѣ, на одворицѣ, на лугу—безразлично, въ размѣрѣ по мѣстнымъ условіямъ владѣнія и не выходя за предѣлы 3 десятинъ и при этомъ обязался произвести всѣ необходимыя работы. 2) Съ своей стороны агрономической смотритель долженъ выдать бесплатно: концентрированное удобрение, сѣмена травъ, орудія—плугъ, луговую борону, сортировку, кочкорѣзь. Результаты урожая поступаютъ владѣльцу земли на извѣстныхъ условіяхъ возврата извѣстной части затраченныхъ расходовъ на сѣмена и за пользованіе земледѣльческими орудіями. Такого рода теоретическое разсужденіе на практикѣ, однако, встрѣтило не мало затрудненій, и съѣздъ агрономическихъ смотрителей, бывшій при Вятской губернской земской управѣ 16—22 ноября 1892 г., пришелъ къ тому заключенію, что «производство такого рода опытовъ представляется возможнымъ и желательнымъ лишь у наиболѣе интеллигентныхъ крестьянъ, какъ, напр., у крестьянина Слободскаго уѣзда, Савьинской волости дер. Бусланки Филипа Алексѣева Кудравцева, имѣющаго особый участокъ, разбитый на части, на которомъ онъ самъ уже лично производитъ подобнаго рода опыты». Такого рода замѣчаніе съѣзда является въ высшей степени интереснымъ и замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что оно вполне констатируетъ необходимость предварительнаго умственного развитія нашихъ крестьянъ съ цѣлью осуществленія всѣхъ цѣлей и задачъ дѣятельности агрономическихъ смотрителей. Такимъ образомъ, мы снова возвращаемся къ той избитой истинѣ, что повсемѣстное открытіе школъ и притомъ въ наивозможно большемъ ихъ числѣ, въ связи съ учрежденіемъ библиотекъ, читаленъ, должно оказывать могучее содѣйствіе къ распространенію въ народѣ всякаго рода специальныхъ познаній, что безъ этого условія всякія блага желанія земствъ, нѣрѣдко связанныя съ немалыми расходами, окажутся не достигающими желанной цѣли,—съѣздъ агрономическихъ смотрителей, какъ это было нами замѣчено выше, призналъ для осуществленія благихъ начинаній Вятскаго земства, необходимымъ имѣть дѣло лишь съ наиболѣе «интеллигентными крестьянами», появленіе каковыхъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ мыслимо и возможно, если неисключительно, то, главнымъ образомъ,—путемъ школы.

Тотъ-же самый съѣздъ, въ этомъ отношеніи, пошелъ такъ далеко, что въ случаяхъ противныхъ призналъ для агрономическаго смотрителя обязанностью «отказаться отъ производства самыхъ опытовъ». Такова серьезность условія умственного развитія нашихъ крестьянъ для воспріятія ими сельско-хозяйственныхъ познаній съ цѣлью улучшенія ихъ хозяйствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ экономическаго положенія! Въ заключеніе позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя другія постановленія того-же съѣзда агрономическихъ смотрителей, которыя могутъ имѣть въ будущемъ весьма важныя послѣдствія въ дѣлѣ распространенія въ народѣ сельско-хозяйственныхъ познаній вообще и обработки почвы въ особенности. Съ этой цѣлью съѣздъ призналъ 1) полезнымъ устраивать хозяйства при школахъ, гдѣ крестьяне отвѣдутъ землю бесплатно или отдадутъ таковую въ аренду отдѣльнымъ участкомъ вблизи школы и гдѣ имѣется учитель, способный вести дѣло. Инвентарь и сѣмена на первое время обязано дать земство, при чемъ съѣздъ призналъ для осуществленія подобной цѣли достаточнымъ на всю губернію кредитъ въ 2200 р: 2) Въ видахъ поощренія лицъ, ведущихъ образцовыя хозяйства,

земство признало полезнымъ выдавать крестьянамъ преміи улучшенными орудіями. Размѣръ преміи установленъ отъ 10 до 15 р. въ годъ. 3) Земскія фермы должны заняться выведеніемъ мѣстныхъ улучшенныхъ сортовъ сельско-хозяйственныхъ растений. 4) Ходатайствовать о разрѣшеніи имѣть въ школьныхъ и народныхъ бібліотекахъ книги сельско-хозяйственнаго содержанія, списокъ которыхъ долженъ быть одобренъ съѣздомъ. 2) Наконецъ, не смотря на всѣ трудности практическаго осуществленія, съѣздъ призналъ полезнымъ устраивать *образцовыя хозяйства* у крестьянъ съ цѣлю доказать преимуществу цѣлой серіи сельско-хозяйственныхъ операцій.

И. О. Фесенко.

Что читаютъ крестьяне Московской губерніи? *)

Статистическое отдѣленіе московской губернской земской управы ежегодно выпускаетъ сборникъ любопытныхъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ жизни мѣстнаго населенія. Эти сборники служатъ дополненіемъ къ докладамъ управы, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ значительный интересъ и сами по себѣ. Въ прежнихъ выпускахъ, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», постоянно встрѣчались цѣнныя работы отдѣленія по вопросу о причинахъ и размѣрахъ недомогности крестьянскаго населенія Московской губерніи, обстоятельныя статьи по текущей сельско-хозяйственной статистикѣ, о промыслахъ и въземледѣльческихъ заработкахъ, о школьномъ дѣлѣ и т. д. Въ «Ежегодникѣ» за 1893 годъ, недавно вышедшемъ въ свѣтъ, всѣ эти отдѣлы представлены вполне удовлетворительно и заключаютъ въ себѣ много полезныхъ свѣдѣній и рядъ заслуживающихъ вниманія работъ. Не останавливаясь на нихъ въ настоящей замѣткѣ, мы ограничимся лишь изложеніемъ одной главы статистическаго отчета по начальнымъ училищамъ за прошлый годъ. Въ ней разработаны сообщенія учителей народныхъ училищъ о томъ, какъ относятся къ книгѣ крестьяне Московской губерніи.

«Въ матеріалѣ, собранномъ статистическимъ отдѣленіемъ московской губернской земской управы, находится много указаній на то, что взрослое населеніе деревень не только съ удовольствіемъ читаетъ книги, но весьма нерѣдко и покупаетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне усердно пользуются школьными бібліотеками, которыхъ въ Московской губерніи насчитывается 402, при общемъ числѣ 525 земскихъ школъ. «Неучащіяся,— пишутъ, напр., изъ Бронницкаго уѣзда,—довольно охотно читаютъ книги. Большею частью ученики беретъ себѣ книжку и спрашиваетъ еще для отца, для дяди, сестеръ и проч., при чемъ почти всегда назначаетъ, какого содержанія. Иногда желающій взять книгу называетъ заглавіе или же приноситъ

*) Статистическій ежегодникъ Московской губерніи за 1893 годъ, Москва, 1893 г.

клочекъ бумаги, на которомъ оно написано. Читають крестьяне обыкновенно вслухъ: зимою—дома, другіе члены семьи слушаютъ; лѣтомъ около дома, на улицѣ, гдѣ тоже всегда чтець окруженъ слушателями. Иногда читающій читаетъ по отрывкамъ, пересказывая про себя прочитанное простымъ языкомъ». Такіе отзывы получены изъ разныхъ уѣздовъ, Московскаго, Дмитровскаго, Рузскаго, Можайскаго, Волоколамскаго, Подольскаго, Серпуховскаго. Есть мѣстности, гдѣ школьной бібліотекой пользуются исключительно взрослые.

Бъ сожалѣнію, бібліотеки существуютъ не при всѣхъ школахъ и часто такъ невелики (въ среднемъ 166 книгъ въ каждой), что не могутъ удовлетворить даже тому скромному спросу, какой предъявляютъ къ нимъ крестьяне. По расчету статистическаго отдѣленія, не менѣе четвертой части существующихъ бібліотекъ именно поэтому и оказываются бесполезными для взрослога населенія: въ бібліотекахъ, которыми взрослые не пользуются, въ среднемъ имѣется только сто двадцать пять книгъ; тогда какъ средній количественный составъ тѣхъ бібліотекъ, изъ которыхъ берутъ книги и не ученики, опредѣляется въ 244. Сообщенія преподавателей начальныхъ школъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что бѣдность бібліотекъ—основная причина безучастнаго отношенія къ нимъ взрослыхъ читателей. «Въ прежніе годы,—пишетъ, напр., одинъ изъ учителей Богородскаго уѣзда,—многіе изъ мѣстныхъ жителей пользовались бібліотекою и съ удовольствіемъ читали книги... Въ настоящемъ году обращались съ требованіемъ книгъ очень немногіе, такъ какъ книги въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ однѣ и тѣ-же и прочитаны по нѣскольку разъ». То же сообщаютъ изъ Серпуховскаго, Звенигородскаго, Волоколамскаго, Верейскаго уѣздовъ: «неучащіяся мало пользовались бібліотекой, такъ какъ всѣ книги, находящіяся въ этой бібліотекѣ, ими прочитаны»; «учащіяся и неучащіяся охотно обращались за книгами, но такъ какъ бібліотека не пополнялась, то обращаться за книгами для чтенія перестали, потому что повторять одно и то-же неинтересно»; «населеніе съ охотою читаетъ книги, но, къ сожалѣнію, многимъ приходится отказывать, такъ какъ большею частью книги перечитаны взрослыми по два раза» и т. д. и т. д.

Изъ отзывовъ учителей видно, что учащіяся и недавно окончившіе курсъ въ школѣ читають по преимуществу повѣсти и рассказы; взрослому населенію нравятся больше книги историческаго и духовно-нравственнаго содержанія. Изъ послѣднихъ охотно читаются житія святыхъ и рассказы изъ библейской исторіи; книги же описательнаго или поучительнаго содержанія не берутся крестьянами изъ бібліотекъ. Слабъ спросъ и на книги научныя и сельскохозяйственныя. Изъ отдѣльныхъ изданій духовно-нравственнаго содержанія особеннымъ расположеніемъ пользуются рассказы изъ священной и церковной исторіи г-жи Бахметьевой, «Гоненія на христіанъ» Пѣвцова, «Троицкая Лавра» Толычевой, сытинскія изданія житій святыхъ, «Князь Владиміръ и крещеніе Руси» Сиповскаго и нѣкот. друг. Въ отдѣлѣ историческихъ книгъ излюбленными оказываются: «Рассказы про старое время на Руси» Петрушевскаго, «Рассказы изъ русской исторіи» Водовозова, объ осадѣ Севестополя и о двѣнадцатомъ годѣ—г-жи Толычевой, біографія Суворова, «Рассказы о Петрѣ Великомъ» Петрушевскаго. Изъ беллетристическихъ произведеній болѣе другихъ нравятся мелкія сочиненія гр. Л. Н. Толстаго, рассказы Погосскаго, романы Загоскина и Лажечникова. Весьма часто требуются «Князь Серебрянный», «Юрій Милославскій», «Катакомбы» Евг. Туръ, «Робинзонъ Крузо», «Архан-

гельскіе китоловы», Сѣтковой, «Приключеніе капитана Гатераса» Ж. Верна, «Избр. сочин. Пушкина», изданіе петербургскаго комитета грамотности, «Крутиковъ» Коваленской, «Прохожіи» Григоровича и нѣк. друг.

Однимъ изъ учителей Богородскаго уѣзда доставленъ списокъ книгъ, принадлежащихъ крестьянамъ того селенія, въ которомъ онъ живетъ. Въ этомъ списокѣ нѣтъ ни «Гуака», ни «Англійскаго милорда», ни даже «Бовы королевича». Въ числѣ 61 названія свѣтскихъ книгъ 30 принадлежать такимъ изданіямъ, какъ «Два старика», «Барышня-крестьянка», «Бѣдная Лиза». По сообщенію изъ Верейскаго уѣзда, многіе изъ мѣстныхъ крестьянъ покупаютъ въ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ, а больше всего въ Москвѣ, старыя книги, разныя приложенія къ журналамъ и христоматіи. Жители торговопромышленныхъ селеній читаютъ охотно газеты. Съ «Сельскимъ Вѣстникомъ» довольно успѣшно конкурируютъ мелкія частныя изданія, привлекающія читателей болѣе подробнымъ обзоромъ текущей жизни и беллетрическими произведеніями, которыхъ не даетъ «Сельскій Вѣстникъ».

Изъ жизни и литературы.

ХРОНИКА.

Чему надо учить въ народной школѣ.—Совѣтъ «умственнаго» крестьянина.—Здравое мнѣніе о народномъ образованіи.—Голосъ священника о церковно-приходской школѣ.—И одинъ въ полѣ воинъ.—Ни одного грамотнаго.—Оригинальная дума.

Неоднократно уже указывали мы, что нашему народу необходима начальная *общеобразовательная* школа,—которая давала-бы не только одну грамоту, а приучала-бы простолюдина читать съ толкомъ книгу, доступную ему, давала-бы ему самыя важнѣйшія религіозно-нравственныя понятія, знанія о житьѣ-бытьѣ людей, о природѣ, окружающей его. А потомъ уже, по окончаніи школы, надо позаботиться о томъ, чтобы дать крестьянамъ необходимыя практическія знанія путемъ хорошо организованныхъ бібліотекъ, особыхъ чтеній имъ, устройствомъ образцовыхъ хозяйствъ и полей и т. д. Но разные канцелярскіе прожектеры, которыхъ, какъ извѣстно, очень много въ Петербургѣ, предполагаютъ, что могутъ научить крестьянскихъ ребятъ въ школѣ всему необходимому и по части ремеслъ и по сельскому хозяйству народные учителя, которые (за 150—200 рублей въ годъ) должны работать круглую зиму и лѣто, должны все знать и умѣть преподавать, напр., сельское хозяйство, садоводство и т. д., (это ребятинкамъ-то отъ 8 до 13 лѣтъ!) Мѣстные жители въ городахъ и всѣхъ нашего обширнаго отечества,—это, видите-ли, малосмысленные ребята, которымъ нельзя ни въ чемъ довѣрять, которыя не знаютъ условій своей мѣстности, не знаютъ и не понимаютъ своихъ нуждъ,—все это гораздо лучше знаютъ петербургскіе чиновники-прожектеры. Недурно подтрунивають надъ этимъ «Новости», сообщая слѣдующій яко-бы слухъ:

«По слухамъ весною командируютъ изъ Петербурга въ Курскую губернію нѣсколько опытныхъ садовниковъ для ознакомленія мѣстнаго населенія съ правильною культурою винограда.

Итакъ, въ недалекомъ будущемъ число русскихъ винъ увеличится еще курскими сортами.

Прежде подсмѣивались надъ «кашинскою мадерою», а скоро, пожалуй, будемъ пить на свадьбахъ «корочанское шампанское»,—пить да похваливать.

Въ хозяйствѣ курскихъ мужичковъ винодѣліе должно явиться большимъ подспорьемъ. Новая тема для картины на академическую выставку: «Сборъ винограда въ Курской губерніи». Пейзане, пейзанки, пейзанскія дѣти, лоза.

Поодаль стоятъ опытные садовники изъ Петербурга (почему-то одѣтые въ вице-мундиры) и самодовольно потираютъ себѣ руки. Идиллія».

Совѣтъ «умственного» крестьянина.

Тутъ, будетъ кстати привести весьма любопытный фактъ, приводимый тою-же газетой объ одномъ замѣчательномъ крестьянинѣ.

«Феноменальный философъ-крестьянинъ обрѣтается въ тамбовской губерніи. Простой, деревенскій мужикъ, онъ читаетъ Шопенгауэра, Дрепера, и т. п. Это совершенно обстоятельный хозяйственный мужикъ. Вотъ какъ описана его обстановка въ «Тамбовск. Губ. Вѣд.»: хозяйство Ивана Родіоновича, можно сказать, въ цвѣтущемъ состояніи. Просторная каменная изба, кизиковыя сѣнцы и клѣтъ, дворъ, обмазанный глиной, крыша изъ соломенныхъ снопокъ, предварительно смоченныхъ въ глиняномъ растворѣ, на гумнѣ отличная рига, сзади которой небольшой, изъ яблонь, вишенъ, и малины, садъ, а въ саду десятка три пчельныхъ колодъ.

Живетъ онъ доходами со своего хозяйства и по этому поводу разсуждаетъ такъ.

— Пустота одна, будто отъ земли жить нельзя... Какъ это такъ нельзя?... У меня надѣлъ только на три души, стало быть, всего одиннадцать десятинъ... а вѣдь живу-же, благодаря Бога... Ну, снимешь еще у мужичка, али тамъ у помѣщика десятинки три—четыре... И всего есть почти вдоволь: и продать, и для себя. Вѣрно, меня садишко, пчеленки да огородишко поддерживаютъ... такъ, вѣдь, это у каждого можетъ быть, не лѣнись только прикладывать руки... Богъ труды любитъ, батюшка.

У этого мужика-философа, зачитывающагося «умными книжками» въ своемъ обсаженномъ кругомъ ветлами Монрепо, авторъ замѣтки подмѣтилъ не только оригинальный, но и глубоко интересный взглядъ на деревенскую школу. Онъ находитъ, что современная деревенская школа не выполняетъ главной своей задачи, не воспитываетъ.

Мы жить не умѣемъ, съ людьми жить,—говорилъ Иванъ,—не умѣемъ беречь ихнее добро; не умѣемъ встрѣтить человѣка, вѣжливо потолковать съ нимъ, выслушать его, самому къ мѣсту слово вставить... Мы просто пеньки, обрубки, чурбаны какіе-то, съ сучьями, съ кореньями и со всякой дрянью... Присмотритесь-ка къ нашей деревенской жизни, какова она?.. Одинъ сидитъ, думаетъ только о томъ, чтобы процентъ сорвать, «объгорить» нещадно... Другой норовить забраться вездѣ и хлѣбомъ, и работой, да обмануть... Третій высматриваетъ, нельзя-ли стащить... Нравственности въ насъ нѣтъ, сударь!

Поэтому въ его воображеніи деревенская школа рисуется, какъ учрежденіе воспитывающее, а не только обучающее.

— По моему, всѣ науки въ школѣ, всѣ учителя должны долбить въ одну точку... Точка эта: честный, правдивый, уважающій себя, другихъ и чужое добро человѣкъ...

Это справедливо! А для этого нужна хорошая начальная воспитывающая школа.

Здравое мѣніе о народномъ образованіи.

«Терскія Вѣдомости» въ нѣсколькихъ нумерахъ подъ-рядъ помѣстили обширную статью о народномъ образованіи на Кавказѣ и въ Терской Области. Статья эта особенно любопытна тѣмъ, что всѣ статистическія данныя, приведенныя въ ней, вмѣстѣ съ отдѣльными выдержками, заимствованы изъ «всеподданнѣйшаго отчета начальника Терской Области и наказного атамана». Слѣдовательно, компетентность этихъ данныхъ, не говоря уже о строго официальномъ ихъ характерѣ, вѣдъ всякаго сомнѣнія.

Всеподданнѣйшій отчетъ констатируетъ «явный упадокъ народнаго образованія въ Терской Области».

«Низшее образованіе въ Терской Области, говорится въ отчетѣ, обнаруживаетъ явные признаки не только застоя, но и прямого упадка».

Далѣе отчетъ продолжаетъ:

«Развитіе низшаго народнаго образованія въ Терской Области идетъ не столь успѣшно, какъ того требуютъ обстоятельства: число учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, въ послѣдніе 4 года не повышалось, а число учащихся въ этихъ заведеніяхъ и въ отчетномъ, и въ предшествовавшемъ году даже понизилось въ общей сложности на 718 душъ, причѣмъ показанное пониженіе произошло исключительно въ низшихъ училищахъ, въ народной массѣ, гдѣ именно ростъ просвѣщенія наиболѣе необходимъ и желателенъ.

Итакъ, «обстоятельства требуютъ» развитія низшаго народнаго образованія, а на самомъ дѣлѣ совершается «пониженіе числа учащихся».

Интересно, въ чемъ же «отчетъ» видитъ выходъ изъ такого печальнаго положенія дѣлъ.

«Въ данномъ случаѣ,—говорится далѣе въ отчетѣ,—большое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что начальная народная школа, съ переходомъ въ исключительное вѣдѣніе дирекціи, потеряла живую связь съ чинами областной администраціи и съ представителями заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ населенія, а слѣдовательно, и лишилась авторитетныхъ и естественныхъ своихъ покровителей».

Этотъ выводъ, къ которому приходитъ во «всеподданнѣйшемъ отчетѣ» г. начальникъ области, весьма знаменателенъ. Онъ указываетъ, что, безъ живого участія «представителей населенія въ заботахъ администраціи о благодѣяніи народа, самыя благія начинанія послѣдней являются малоплодотворными».

Очевидно, тѣ взгляды, въ силу которыхъ общество не признавалось правоспособнымъ къ попеченію о собственныхъ нуждахъ, отживаютъ свой вѣкъ, будучи постоянно осуждаемы самымъ ходомъ дѣлъ, и необходимость представить представителямъ населенія болѣе широкую компетенцію въ вершеніи общественныхъ дѣлъ въ сознаніи наиболѣе проникательныхъ администраторовъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Голосъ священника о церковно-приходской школѣ.

Одинъ изъ священниковъ высказываетъ въ «Гражданинѣ» свои мысли о церковно-приходскихъ школахъ, сущность которыхъ сводится къ тому, что школы эти не могутъ процвѣтать иначе, какъ на бумагѣ, если только бремя заботы о нихъ не будетъ исключительно лежать на сельскомъ духовенствѣ.

Послѣднее не можетъ серьезно думать о школахъ, для которыхъ имѣеть слишкомъ мало времени и средствъ и на которыя его заставляютъ работать, оставляя его безъ всякаго сочувствія и помощи.

Церковная школа,—говоритъ священникъ, требуетъ отъ православнаго духовенства слишкомъ многого; а сама между тѣмъ, въ возмѣщеніе его трудовъ и расходовъ, ничего ему не даетъ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ высшихъ и кончая низшими, установлены сроки для службы учащихся лицъ и по выслугѣ лѣтъ дается имъ пенсія, установленная правилами. Только для однихъ тружениковъ въ церковныхъ школахъ ничего подобнаго не существуетъ. Тутъ нѣтъ ни сроковъ для службы, ни особой пенсіи. Служи до смерти—и дѣло кончено.

Но хорошо у кого сохраняются силы до смерти, но вѣдь люди, какъ люди, на всѣхъ поприщахъ службы устаютъ, слабѣютъ; неужели одни члены православнаго духовенства не должны ни уставать, ни слабѣть?

Большинство помѣщеній для церковныхъ школъ рѣшительно не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ. Это обыкновенно церковная караулка, гдѣ обязательно должны угодать и учитель, и ученики. Найти иные помѣщенія невозможно за отсутствіемъ средствъ; нѣтъ средствъ и у священниковъ, большинство которыхъ имѣеть въ годъ дохода около 300 рублей.

Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣло церковныхъ школъ двигается очень туго. Вотъ сводъ желаній, высказываемыхъ «священникомъ» относительно постановки этого дѣла: 1) тяготу церковной школы не слѣдовало-бы исключительно возлагать на плечи духовенства, хотя-бы по тому одному, что работать изо всѣхъ силъ, часто при неимѣніи средствъ для воспитанія своихъ собственныхъ дѣтей, и притомъ не видѣть себя ниоткуда сочувствія, для зауряднаго человѣка слишкомъ тяжело и безотрадно; 2) дворянство, въ лицѣ земства, должно придти на помощь духовенству и оказать ему въ школьномъ дѣлѣ и матеріальную, и нравственную поддержку; 3) слѣдовало-бы воздѣйствовать на народъ и заставить его строить приличные зданія для церковныхъ школъ, со всѣми учебными принадлежностями, и давать, по крайней мѣрѣ, средства на содержанія школъ; 4) въ большія школы, съ значительныхъ количествомъ учащихся, слѣдовало-бы назначать лицъ, пригодныхъ къ учительству, и притомъ не принадлежащихъ къ членамъ церковнаго клира, чтобы они не отвлекались отъ учительства церковными обязанностями.

Словомъ, «священникъ» высказывается по поводу церковно-приходскихъ школъ и тягости, возлагаемой ими на духовенство, точно такъ-же, какъ высказывались ранѣе объ этихъ школахъ тѣ, кто не возлагалъ на нихъ большихъ надеждъ въ виду всей ихъ постановки.

Въ этихъ словахъ священника много правды, хотя и горькой, но правды...

И одинъ въ полѣ воинъ.

Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, мы всегда съ большимъ удовольствіемъ заносимъ въ нашу хронику свѣтлыя радостныя явленія въ нашемъ отечествѣ, имѣющія отношенія къ образованію. Такимъ свѣтлымъ явленіемъ надо признать маститаго доктора Ткачева, гражданина гор. Ростова. Вотъ что говорить о немъ корреспондентъ «Недѣли».

«Это человекъ, одинъ сдѣлавшій больше на своемъ вѣку, нежели рядъ учреждений,—человекъ удивительный по красотѣ души и ея энергіи, особенно въ наши дни общественнаго измельчанія.

Г. И. Ткачевъ теперь уже глубокой старикъ; онъ докторъ медицины, начавшій практику полстолѣтія тому назадъ, въ 1843 году. Крайне слабаго здоровья, болѣзненный, онъ еще въ молодые годы погрузился въ темное захолустье, обрекъ себя бѣдности и неустанному труду. Трудъ, конечно, не замедлил сдѣлать его богатымъ, но онъ упорно продолжалъ жить работникомъ своего дѣла и, какъ истый работникъ,—бѣднякомъ. Вотъ какъ мѣстная газета описываетъ входъ въ жилище этого человекъ: «Ни обычной дощечки на дверяхъ, ни параднаго подъѣзда и галантерейнаго швейцара», какъ принято у модныхъ врачей нынѣшняго времени. «Еще весьма недавно звонокъ у дверей замѣнялся тяжеловѣсной бутылкой, привѣшенной на веревкѣ; дверь издавала скрипучіе звуки. И теперь также нѣтъ звонка, а та-же веревка, но уже не съ бутылкой, а какой-то деревянной палкой снаружи. Передняя—маленькая, тѣсная; въ ней двѣ-три скамьи съ клеенчатой старой обивкой». «Старый докторъ», какъ его прозвали бѣдняки, принималъ раньше прямо съ улицы: когда онъ кончалъ осмотръ одного пациента, то стучалъ въ окно и звалъ другого, соблюдая строгую очередь: для богатыхъ и знатныхъ преимуществъ не допускалось. Неусыпнымъ трудолюбомъ, искусствомъ и крайнею воздержностью д-ръ Ткачевъ скопилъ себѣ большое состояніе; можно было думать, что это скупецъ, новый Плюшкинъ, но все свое состояніе «старый докторъ» пожертвовалъ на народное просвѣщеніе: 75.000 рублей—на стипендіи въ Харьковскомъ университетѣ и нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на народное образованіе въ Ростовѣ.

Этого было-бы уже достаточно, чтобы доставить д-ру Ткачеву вѣчное уваженіе согражданъ. Но, подобно своему извѣстному харьковскому коллегѣ, д-ру Франковскому (см. № 9 «Недѣли» за 1892 годъ), д-ръ Ткачевъ былъ слишкомъ живой и отзывчивый на общественныя нужды человекъ. Онъ хорошо видѣлъ именно то, въ чемъ особенно нуждается народъ—это въ сельскохозяйственномъ образованіи, и вотъ онъ рѣшилъ самъ сдѣлаться примѣромъ подражанія для крестьянъ. Онъ взялъ въ аренду у правительства участокъ земли въ 1,500 десятинъ въ уѣздѣ, съ обязательствомъ ввести въ немъ лучшія современныя орудія, образцовое скотоводство, птицеводство, овцеводство и прочія отрасли сельскаго хозяйства. Взялся—и выполнилъ, потративъ на это массу энергіи. *Докторъ медицины* первый ввелъ въ этомъ богатомъ краѣ сѣялки, косилки, жатвенныя машины—лучшія, какія появлялись на Западѣ. Бывали случаи, когда онъ по недѣлямъ не слѣзалъ, что называется, съ лошади, объѣзжая поля. Кажется,—рѣдкій, дорогой человекъ для края; но глухая провинція не выноситъ такихъ несродныхъ ей типовъ: на Ткачева, былъ посланъ доносъ въ Петербургъ. Приѣхала коммиссія, произвела слѣдствіе, въ результатѣ котораго, по повелѣнію покойнаго Государя, арендованный Ткачевымъ участокъ отъ правительства былъ отданъ ему въ полную собственность, какъ заслуженному просвѣтителю и благодѣтелю края. Обвиненія были блистательно опровергнуты, а доказаны были лишь заслуги Ткачева. Но и этого мало. Шестидесятые годы всякую, даже лѣнливую, натуру влекли къ общественной дѣятельности иного рода,—къ земской, городской борьбѣ. И Ткачевъ погрузился въ эту борьбу, на все находя время. Какъ

камень, брошенный въ болото, подобный человѣкъ производитъ переполохъ въ сонной жизни мертвой провинціи. Г. И. Ткачевъ тотчасъ-же сталъ на защиту общественныхъ интересовъ и вооружилъ противъ себя всѣ партіи. Иногда онъ одинъ составлялъ оппозицію всей думѣ—и выходилъ побѣдителемъ. Ему удалось раскрыть цѣлый рядъ городскихъ злоупотребленій; какъ живая совѣсть, онъ не умолкалъ, не пропуская ни единого засѣданія, кромѣ развѣ случаевъ тяжкой болѣзни. Далеко нелегко доставалась ему побѣда; бывали горькіе дни; во всѣ правительственныя учрежденія летѣли на него жалобы и доносы; онъ объяснялся съ генералъ-губернаторомъ, и, случалось, ничего не помогало. Дума сплошною стѣною его одолевала. Однажды въ подобномъ случаѣ онъ бросилъ все, уѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ здѣсь 7 мѣсяцевъ, пока не добился, что по Высочайшему повелѣнію ростовскій городской голова, извѣстный Байковъ, былъ смѣщенъ съ должности, а въ Ростовъ, также по Высочайшему повелѣнію, была назначена слѣдственная коммиссія, нашедшая цѣлый рядъ неправильностей въ дѣйствіяхъ головы.

Таковъ ростовскій докторъ Г. И. Ткачевъ. Біографія его была-бы крайне длинна и интересна, но она, къ сожалѣнію, не написана, хотя 17-го января и былъ отпразднованъ торжественный 50-лѣтній юбилей его дѣятельности. Изъ этой біографіи молодое поколѣніе могло-бы научиться, что можетъ сдѣлать даже и «одинъ въ полѣ», если онъ достаточно энергиченъ и безкорыстенъ, если онъ воинъ «безъ страха и упрека».

Ни одного грамотнаго.

А какъ нужны такіе ратники просвѣщенія, такіе воины «безъ страха и упрека»,—это видно изъ слѣдующихъ фактовъ.

Есть цѣлыя села, въ которыхъ нѣтъ буквально ни одного грамотнаго, развѣ заѣзжіи со стороны солдаты, обучившіеся грамотѣ на службѣ. Такъ, «Самар. Газета» пишетъ о дер. Нестеровкѣ, «праздновавшей» наемъ сельскаго писаря.

Въ данномъ случаѣ кандидатъ въ сельскіе писаря былъ въ цѣлой деревнѣ единственнымъ монополистомъ грамотности! Во всемъ селѣ не нашлось ни одного обывателя, который получилъ-бы хоть какое-нибудь самое жалкое образованіе въ земской, церковно-приходской школѣ, въ школѣ грамотности или у какой-нибудь чернички, либо солдата!..

Кандидатъ въ сельскіе писаря потому только и выступилъ въ качествѣ единственнаго просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля, что былъ на военной службѣ (это—отставной фельдфебель) и здѣсь прошепталъ несложную мудрость грамотности.

Газета добавляетъ, что Нестеровка, конечно, не единичный примѣръ:

Есть у насъ много такихъ-же селъ—сплошныхъ пятенъ невѣжества...

Оригинальная дума.

Не дурень и слѣдующій фактъ.

Корреспондентъ «Нов. Врем.» говоритъ о «Пучежѣ», маленькомъ торговомъ городкѣ, въ которомъ при 2,400 душъ жителей обоаго пола имѣется только два училища: двухклассное приходское для мальчиковъ (и то неполное) и

«ОБРАЗОВАНИЕ».

12

начальное народное для двочекъ; на ряду съ этимъ 12 трактировъ-кабачковъ, 1 ренсковый погребъ, 1 винная лавка и 3 пивныя лавки, итого 17 питейныхъ заведеній.

Городской голова здѣсь трактирщикъ; членъ управы и замѣститель городского головы тоже трактирщикъ; второй членъ управы—зять головѣ; въ числѣ гласныхъ городской думы бывшихъ кабатчиковъ 6 человекъ, настоящихъ дѣйствительныхъ трактирщиковъ 6 и ближайшихъ ихъ родственниковъ 3 души, итого въ думѣ до 15 виночерпѣвъ, то есть болѣе уже половины находящихся налицо гласныхъ думы. Вотъ уже гдѣ, можно сказать, повывраженію И. Ф. Горбунова, люди живутъ въ спирту!

Чествованіе памяти Я. А. Коменскаго.

18 марта состоялось чествованіе памяти Я. А. Коменскаго. При огромномъ стеченіи публики, наполнявшей большую аудиторію Педагогическаго Музея, секретарь Общества Коменскаго, г. Сенько-Поповскій прочелъ обстоятельный отчетъ о дѣятельности названнаго Общества, затѣмъ г. Мижуевъ, членъ Общества, прочелъ обстоятельный докладъ объ идеалахъ А. Коменскаго, а Н. С. Карцевъ сказалъ рѣчь объ отношеніи А. Коменскаго къ другимъ великимъ мыслителямъ, близкимъ къ нему по времени, Локкѣ, Ж. Ж. Руссо и др. Эта рѣчь, мастерски составленная и прочувствованно сказанная, вызвала долго несмолкавшіе аплодисменты.

Въ заключеніе товарищъ предсѣдателя Общества Коменскаго Л. Н. Модзалевскій обратился съ небольшою рѣчью къ собравшимся, которую закончилъ прекраснымъ чтеніемъ стихотворенія, посвященнаго Коменскому въ собственномъ изищномъ переводѣ съ нѣмецкаго языка.

«Мм. Гг. Имя, личность, идеалы и заслуги великаго славянина въ настоящее время извѣстны всему просвѣщенному міру, въ культурной исторіи котораго онъ занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Нынѣ всѣмъ извѣстно, какъ много способствовалъ онъ успокоенію религиозныхъ и политическихъ страстей, столь возбужденныхъ въ кровавую эпоху 30-ти-лѣтней войны, какъ гуманизировалъ онъ школу, изгнавъ изъ нея убійственную схоластику и жестокія наказанія, доходившія до истязаній, какъ прочно, можно сказать,—навсегда, онъ установилъ въ воспитаніи религиозно-нравственныя начала. Объ этомъ вы, Мм. Гг., уже достаточно изволили слышать отъ говорившихъ сегодня членовъ нашего кружка. Въ европейской и американской литературѣ, начиная еще съ Лейбница, существуетъ множество произведеній, посвященныхъ Коменскому; но у насъ еще только начинается знакомство съ нимъ, а потому драматизма жизнь еще не вдохновляли ни одного изъ нашихъ родныхъ русскихъ поэтовъ. Особенно много поэтическихъ произведеній, посвященныхъ памяти Коменскаго, существуетъ у его соотечественни-

никовъ-чеховъ, а равно и у нѣмцевъ, умѣющихъ понимать и цѣнить геніальныхъ людей, къ какой-бы національности они ни принадлежали. Позвольте-же познакомить васъ, М. Г., хотя въ сокращеніи, съ однимъ изъ такихъ произведеній, которое ровно годъ тому назадъ было прочитано г. Аренсомъ въ годичномъ засѣданіи Международнаго Общества Коменскаго въ Берлинѣ и удостоено Обществомъ преміи. Чтобы не утомить вашего вниманія, позвольте передать вамъ содержаніе этого стихотворенія также въ рифмованныхъ строкахъ и тѣмъ-же размѣромъ.

Янь Амосъ Коменскій.

Изъ тьмы вѣковъ вотъ образъ величавый
Встаетъ предъ нами... Шлемъ тебѣ привѣтъ,
Великій мужъ, любимецъ мирной славы,
Кому подобнаго и не было и нѣтъ!
И въ мысляхъ, и въ дѣлахъ твой дивный геній
Оставилъ слѣдъ прекрасный навсегда;
Ты свѣтишь намъ, учитель нашъ Коменій,
Какъ ночью темной путеводная звѣзда.
Ужъ три столѣтъя въ вѣчность миновало
Съ тѣхъ поръ, какъ ты сталъ школу созидать,
Но и поднесъ она не перестала
Твоимъ святымъ завѣтамъ радостно внимать.
Системы новыя угасли какъ фантомы,
Плѣннвши ложнымъ блескомъ лишь на часъ,
Твои-жъ дѣла, твоихъ твореній томы
Сіяютъ истиной одною для насъ.
Ты, пастырь, пасъ овецъ своихъ прилежно,
За нихъ свою ты душу полагалъ;
Любовь твоя, какъ океанъ, безбрежна
Была въ тѣ дни, когда за вѣру ты страдалъ...
Когда народъ твой палъ средъ бури бранной
И былъ безжалостно растоптанъ и забитъ,
Ты все молилъ, да снидетъ миръ желанный;
Онъ для другихъ насталъ, но ты—*былъ позабытъ!*
И изъ отчизны, гдѣ твой духъ пылливый
Отраду всю въ наукѣ находилъ,
Ты изгнанъ былъ рукою нечестивой
И много, много гдѣтъ изгнанникомъ бродилъ,
Пока вдали, подъ мирнымъ кровомъ, снова
Тебя не пріютилъ твой вѣрный другъ,
Чтобы ты могъ отсюда силой слова
Усердно врачевать томившій всѣхъ недугъ.
Вражда взаимная всѣмъ сердце отравила...
Въ разлукѣ стѣбла вся новая семья;
Но это горе духъ твой не сломило:
О лучшемъ *будущемъ* была мечта твоя!
Чтобъ счастье хоть для дѣтей настало,
Въ трудахъ, въ борьбѣ вся жизнь твоя прошла...
О, если-бы все это юность знала,
Изъ устъ младенцевъ-бы неслась тебѣ хвала!
Но мы, взирая здѣсь на ликъ твой славный,
Мы знаемъ все, что сдѣлалъ ты для насъ:
Ты—смѣлый вождь нашъ и защитникъ главный,
Кто наше дѣтство въ школѣ отъ терзаній спасъ!
Ты научилъ насъ мудрости великой:
Какъ надо намъ природу уважать,
Какъ знанья съять, вырвавъ плесель дикій,

*Какъ чело́вѣка къ счастью, къ Богу ирближить.
Хвала тебѣ, за наше возрожденье,
По міру разнеслась во всѣ концы,
И всѣ народы, полны умиленья,
Тебѣ уже сплетаютъ свѣжіе вѣнцы...
Страдалецъ въ жизни и бездомный странникъ,
Богатый лишь любовью и къ врагамъ,
Теперь средь насъ ты больше не изгнанникъ:
Тебѣ готовъ въ сердцахъ безсмертья пышный храмъ!*

Въ заключеніе хоръ пропѣлъ два чешскихъ гимна и закончилъ нашимъ народнымъ гимномъ «Боже Царя Храни!»

И. Ѡ. Рашевскій.

По случаю 40-лѣтія службы.

21-го марта происходило въ Петровскомъ коммерческомъ училищѣ чествованіе директора этого заведенія и инспектора женскихъ педагогическихъ курсовъ И. Ѡ. Рашевского по случаю 40-лѣтія его плодотворной педагогической дѣятельности. Утромъ юбиляра поздравляли преподаватели и учащіеся. Въ началѣ втораго часа въ большомъ актовомъ залѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

Послѣ горячаго привѣтствія, высказаннаго юбиляру директоромъ департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскимъ, принесено поздравленіе Ивану Ѡedorовичу попечительнымъ совѣтомъ, явившимся въ полномъ составѣ, съ В. А. Новинскимъ во главѣ. Затѣмъ юбиляра привѣтствовали депутаціи отъ Педагогическихъ женскихъ курсовъ, отъ Императорскаго русскаго техническаго общества, отъ бывшихъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ, отъ губернской земской управы, отъ бывшихъ учениковъ Петровскаго училища, отъ совѣта земской учительской школы и многихъ другихъ.

Бывшіе ученики Петровскаго училища собрали между собою деньги на открытіе при посредствѣ Комитета Грамотности народной читальни имени И. Ѡ. Рашевского на его родинѣ, въ селѣ Тарасовкѣ, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи. При этомъ они прочли слѣдующій адресъ:

Глубокоуважаемый Иванъ Ѡedorовичъ! Мы, бывшіе воспитанники Петровскаго училища, вспоминая годы, проведенные нами подъ Вашимъ благотворнымъ руководствомъ въ стѣнахъ любимаго нами училища, пользуемся случаемъ выразить Вамъ свои искренніи чувства по поводу исполнившагося сорокалѣтія Вашей педагогической дѣятельности и желая увѣковѣчить этотъ достопамятный день, рѣшили передать въ Комитетъ Грамотности при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ сумму, потребную для учрежденія народной читальни въ селѣ Тарасовкѣ Богодуховскаго уѣзда Харьковской губерніи, мѣстѣ Вашего рожденія.

Выпускные ученики Петровскаго училища поднесли юбиляру адресъ, украшенный изящною виньеткой, слѣдующаго содержания:

«Глубокоуважаемый и любимый Иванъ Ѳедоровичъ, сегодня, въ достопамятный день сорокалѣтняго юбилея многотрудной и полезной дѣятельности Вашей, посвященной дѣлу воспитанія и образованія русскаго юношества, мы, воспитанники выпускнаго класса, просимъ Васъ, нашего почитаемаго директора, наставника и воспитателя, принять выраженіе нашей живой, горячей благодарности и сердечныя поздравленія.—Ваши теплыя, всегда снисходительныя, гуманныя отношенія къ намъ, прошедшимъ весь курсъ ученія въ Петровскомъ училищѣ подъ Вашимъ непосредственнымъ руководствомъ и попеченіемъ. Вашъ добрый и поучительный примѣръ, убѣдительное, справедливое, исходящее отъ чистаго сердца, слово всегда дѣйствовали на насъ несравненно лучше и успѣшнѣе, чѣмъ могли бы вліять мѣры наказанія, къ которымъ Вы почти никогда не прибѣгали. Ваша живая, задушевная рѣчь, раздающаяся на урокахъ, и высокой примѣръ посѣяли въ сердцахъ нашихъ тѣ добрыя сѣмена, которыя станутъ руководящими основами всей нашей жизни. Память о Васъ сохранится навсегда вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о лучшихъ свѣтлыхъ дняхъ нашей юности и воспитанія въ училищѣ.—Позвольте-же намъ, добрый и любимый нами Иванъ Ѳедоровичъ, выразить Вамъ свои чувства глубокой благодарности за Вашу любовь и попеченіе о насъ и пожелать, чтобы Господь Богъ сохранялъ Ваши силы еще на многіе и многіе годы, на пользу и преуспѣваніе дорогаго для всѣхъ насъ Петровскаго училища и на радость воспитанниковъ. (Слѣдуютъ подписи).

Въ теченіи цѣлаго дня получались привѣтственныя письма и телеграммы. Привѣтственными телеграммами почтили Ивана Ѳедоровича и высокія лица: Е. И. В. Наслѣдникъ-Цесаревичъ и Августѣйшія дѣти, (которымъ И. Ѳ. имѣлъ счастье преподавать русскій языкъ и словесность и до сихъ поръ преподаетъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ В. К. Михаилу Александровичу и В. К-нѣ Ольгѣ Александровнѣ), а также Е. И. В. Вел. Кн. Константинъ Бонстантиновичъ. Весьма сочувственнымъ письмомъ привѣтствовалъ юбиляра г. Министръ финансовъ. Всѣхъ телеграммъ и привѣтственныхъ писемъ было получено болѣе двухсотъ.

Въ тотъ-же день служащіе въ Петровскомъ училищѣ почтили И. Ѳ. обѣдомъ; 20-го марта состоялся въ честь И. Ѳ. обѣдъ въ помѣщеніи Педагогическихъ курсовъ. Обѣдъ этотъ прошелъ въ одушевленныхъ рѣчахъ и въ оживленной бесѣдѣ. Всѣ привѣтствовавшіе юбиляра сходились въ своихъ рѣчахъ на томъ, что онъ, отличаясь замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ, умѣлъ всегда соединять всѣхъ сослуживцевъ своихъ въ тѣсную, дружную семью, воодушевлять ихъ своимъ примѣромъ, и, благодаря своей живости, добротѣ и малорусскому юмору возбуждать и въ сослуживцахъ и въ слушательницахъ доброе, радостное живое настроеніе, при которомъ всякій трудъ становится не труденъ и всякая работа спорится вдвое.

Вотъ нѣсколько существенныхъ свѣдѣній объ И. Ѳ. Рашевскомъ. Сынъ священника, онъ родился 2-го января 1831 года. Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ 1854 г., онъ поступилъ вскорѣ преподавателемъ русск. яз. въ Орловскую гимназію. Въ началѣ 60-хъ годовъ И. Ѳ. перѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ должность преподавателя Ларинскаго гимназіи. Въ это время при 2-ой военной гимназіи Педагогическіе курсы для приготовленія учителей и по приглашенію извѣстнаго педагога, нынѣ ген. ад. Г. Г. Даниловича, И. Ѳ. былъ руководителемъ на этихъ курсахъ по Русскому языку. Въ то-же время И. Ѳ. принялъ горячее участіе въ учрежденіи андреевскихъ курсовъ для приготовленія народныхъ учителей. Эти курсы

перешли потомъ въ вѣдѣніе Спб. Губернскаго земства и преобразованы въ земскую учительскую школу, во главѣ которой И. Θ. былъ въ теченіи 8 л. Можно сказать, что въ ней выработался лучшій типъ учительской семинаріи, и она дала сотни прекрасно подготовленныхъ теоретически и практически народныхъ учителей. Въ земскую учительскую школу И. Θ. вложилъ много своего знанія, опыта и таланта...

Не менѣе плодотворно было горячее участіе Ив. Θ.—ча въ установленіи и утверженіи правильнаго женскаго образованія. Онъ былъ однимъ изъ учредителей первыхъ женскихъ курсовъ, которые извѣстны были подъ названіемъ бесплатныхъ частныхъ курсовъ у Аларчина моста, и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ и сотрудниковъ Н. А. Вышнеградскаго и И. Т. Осипина, занимая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ должность сначала инспектора Васильеостровской женской гимназій, а затѣмъ инспектора Педагогическихъ женскихъ курсовъ.

Много разъ приходилось И. Θ.—руководить съѣздами учителей, по приглашенію земствъ.

Когда въ 1881 году было открыто Петровское училище С.-Петербургскаго купеческаго общества, Попечительный Совѣтъ училища пригласилъ И. Θ. стать во главѣ училища.

Не смотря на массу тяжелой работы, на трудныя отвѣтственныя должности, на сорокалѣтнюю дѣятельность, И. Θ. вполне сохранилъ, можно сказать, юношескую живость и энергію, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность его благодатной природы.

Присоединимъ и мы къ хору многочисленныхъ привѣтствій И. Θ. нашъ голосъ, и отъ всей души пожелаемъ еще на многіе и многіе годы продолженія его плодотворной дѣятельности на пользу учащихся и на радость всѣхъ сослуживцевъ и почитателей его.

В. С.

Юбилей журнала „Дѣтское Чтеніе“.

25-аго Января журналъ этотъ отпраздновалъ двадцатипяти-лѣтіе своего существованія. Собственно говоря, возрастъ этого журнала очень значителенъ, такъ какъ начало ему положилъ, какъ извѣстно, еще Н. И. Новиковъ въ концѣ прошлаго столѣтія; но въ виду того, что затѣмъ послѣдовалъ продолжительный перерывъ въ жизни этого журнала, правильнѣе считать его годы съ того времени, когда онъ возродился. Въ 1869 году «Русск. книжная торговля» задумала возобновить Новиковскую попытку, и поручила это дѣло извѣстному педагогу А. Н. Острогорскому, который привлекъ къ работѣ въ журналѣ своего двоюроднаго брата В. П. Острогорскаго, а въ сотрудники А. Я. Герда, Влад. А. Висковатова и др.,—А. Н. Острогорскій придалъ журналу преимущественно естественно-историческій характеръ. Этимъ онъ, ко-

нечно, хотѣлъ пополнить тотъ пробѣлъ, который уже сказывался въ курсѣ нашихъ среднеучебныхъ заведеній.

Съ переменной служебной дѣятельности (въ 1877 г.) А. Н. Острогорскій переѣхалъ въ Москву, а редактированіе журнала передалъ Виктору Острогорскому, извѣстному преподавателю словесности и автору многихъ педагогическихкихъ сочиненій.

Въ тяжелое время пришлось Виктору Петров. Острогорскому принять редакцію. Какъ словесникъ, онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ оскуднѣніемъ литературнаго матеріала, какой замѣчался тогда и замѣчается въ настоящее время въ школахъ, и придавъ журналу болѣе литературный характеръ. При немъ помѣщено было множество художественныхъ произведеній лучшихъ русскихкихъ и иностранныхъ беллетристовъ (въ переводѣ и пересказѣ). Но стоило только двумъ Острогорскимъ оставить редактированіе журнала, какъ онъ пересталъ пользоваться прежнимъ успѣхомъ и сочувствіемъ публики.

Напрасно новый редакторъ (съ 1884—87 г.) журнала В. П. Бородинъ напрягалъ всѣ усилія удержать журналъ на прежней высотѣ и сохранить симпатіи публики: уходъ двухъ Острогорскихихъ, создавшихъ успѣхъ журналу, повелъ къ значительному уменьшенію числа подписчиковъ. Не много помогли и усилія другаго извѣстнаго педагога Д. Д. Семенова, слишкомъ занятаго своими служебными дѣлами и не могущаго отдать себя всего дѣлу редактированія и изданія.

Но вотъ года два тому назадъ нашлось два лица: П. В. Голяховскій и Я. В. Борисовъ. Эти лица обнаружили выдающіяся организаторскія способности, привлекли къ журналу двухъ прежнихъ талантливыхъ редакторовъ: А. П. и Викт. П. Острогорскихихъ, которымъ, видимо, дороги были интересы созданнаго ими журнала; сверхъ того пригласили принять дѣятельное участіе въ изданіи заправскихихъ писателей, къ «Дѣтскому чтенію» (гг. Баранцевича, Мамина и др.) и журналъ *ожилъ*, даже началъ процветать. Журналъ въ настоящее время старается соединить оба направленія журнала, бывшіе при Острогорскихихъ, т. е. популярно-научное, естественное и беллетристическо-литературное, и дѣлаетъ это очень удачно.

О 1 № «Дѣтскаго Чтенія», прекрасно составленномъ, мы говорили уже въ предыдущей книжкѣ «Образованія». Отъ всей души желаемъ симпатичному журналу дальнѣйшаго преуспѣянія и заслуженнаго успѣха.

—скій.

КЪ СТАТИСТИКЪ ОБРАЗОВАНІЯ.

Учащіеся въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ низшихъ и среднихъ въ европейскихъ государствахъ.

Государства.	Годъ на кот. показ. насел.	Населеніе.	Годъ послѣд. школы. от-чета.	Число учащихся.	% къ населенію.	Стоим. начальныхъ образ. на 1 жителя.	Начальн. обр. даровое или платное.
Баварія	1890	5589382	1890	1187792	21,2	—	Плат. и дар.
Баденъ	1890	1656817	1889	342764	20,6	—	Пл. и дар.
Саксонія	1890	3500513	1889	706946	20,2	2,99 с)	дар.
Пруссія	1890	29959388	1890а)	5874390	19,6	2,44	дар. и пл.
Швейцарія	1888	2917740	1890	570935	19,5	2,66	дар.
Виртембергъ	1890	2035443	1889	388262	19,0	2,19	дар. и пл.
Германія (Имперія). 1890	49421064	1890а)	9300000	18,8	—	—	—
Любекъ	1890	76485	1890	14403	18,7	2,84	дар.
Бременъ	1890	180443	1890	32191	18,0	2,54	дар.
Финляндія	1889	2305916	1890	406966	17,6	0,65 с)	дар. и пл.
Англія и Уэльсъ	1891	29001018	1890	4825560	16,6	1,70	дар. и пл.
Шотландія	1891	4033103	1890	664466	16,4	1,83	дар.
Великобр. и Ирланд. 1891	37888153	1890	6184858	16,3	—	—	дар. и пл.
Гамбургъ	1890	622530	1889	96356	15,6	—	дар.
Норвегія	1891	1199176	1888	308507	15,4	1,05	дар. и пл.
Шведія	1890	4784675	1890	736790	15,4	0,92	дар. и пл.
Франція	1891	38343192	1889	5807157	15,1	1,76	дар.
Ирландія	1891	4706162	1990	694832	14,7	1,38	дар.
Нидерланды	1890	4564565	1890	657611	14,2	1,86	дар. и пл.
Бельгія	1890	6147041	1890	827958	13,5	2,10	дар. и пл.
Австрія	1890	23895413	1889	3132088	13,1	0,29 с)	дар. и пл.
Австро-Венгерія	1890	41231342	1889	5312656	12,9	—	—
Венгерія	1890	17335929	1889	2180568	12,6	0,55	дар. и пл.
Данія	1890	2185159	1885	239940	11,0	2,02	дар. и пл.
Испанія	1887	17550246	1885	1859183	10,6	0,28 с)	дар. и пл.
Италія	1890	30158408	1889	2733859	9,6	1,03	дар. и пл.
Греція	1889	2187208	1884	140155	6,4	—	—
Португалія	1881	4708178	1887	276688	5,9	0,38 с)	дар. и пл.
Болгарія	1890	3154375	1890	171983	5,5	0,16 с)	дар.
Сербія	1891	2162759	1889	58575	2,7	0,30 с)	дар.
Турція	1885 а)	4786545	1882	126471	2,6	—	незнач. пл.
Россія б)	1883	86392594	1883	2046817	2,36	—	дар. и пл.
Россія б)	1885	89685489	1885	2316373	2,58	0,15 с)	дар. и пл.
Румынія	1887 а)	5500000	1890	138800	2,5	0,26 с)	дар.
Черногорія	1890 а)	236000	1889	9300	1,4	—	дар.

Примѣчанія. а) Числа, надъ которыми стоитъ это обозначеніе даны приблизительною.

б) Относительно Россіи въ американскомъ источникѣ даны: населеніе для 1889, а число учащихся для 1890 г. и о послѣднемъ сказано, что оно только приблизительное. Такимъ образомъ въ американскомъ источникѣ для Россіи даны слѣдующія цифры въ порядкѣ таблицы:

1889; 95.870.810; 1890; 3.000.000 а); 3,1%, 0,17; дар. и плат.

Цифра 3000000 учащихся для 1890 г., очевидно, слишкомъ преувеличена. Она отмѣчена знакомъ а) и слѣдовательно является въ американскомъ

источникъ приблизительный. Необходимо имѣть въ виду, что послѣдній официально обнародованный нашимъ Центральнымъ Статистическимъ комитетомъ отчетъ относится къ 1886 г. и притомъ отчетъ этотъ неполный. Поэтому мы дали для Россіи цифры, относящіяся къ 1883 и 1885 гг. послѣднимъ, для которыхъ имѣются полныя официальныя свѣдѣнія.

с) Цыфры, подъ которыми стоитъ это обозначеніе, показываютъ расходъ только изъ государственнаго казначейства.

Расходы на 1-го жителя показаны въ рубляхъ, принимая долларъ= 1,31 т. е. по номинальной стоимости.

Дамъ еще слѣдующую таблицу относительно учащихся въ американскихъ государствахъ, въ которой значки а) и с) имѣютъ тѣ-же значенія и расходы на образованіе выражены въ рубляхъ.

Учащіеся въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ низшихъ и среднихъ въ американскихъ государствахъ.

ГОСУДАРСТВА.	Годъ за котор. показано насел.	Населеніе.	Годъ послѣдн. школьн. отчета.	Число учащихся.	% къ населенію.	Стоимость нач. образов. на 1 жит.	Начальное образованіе даровое или платное.
Сѣв. Центр. Шт. (Соед. Шт.)	1890	22362279	1890	5647308	25,0	3,68	Даровое
Соединенные Шт. (въ общемъ).	1890	62622250	1890	14377536	23,3	2,93	Даровое
Южн. Центр. Шт. (Соед. Шт.)	1890	10972893	1890	2558378	23,3	1,28	Даровое
Южн. Атлант. Шт. (Соед. Шт.)	1890	8857920	1890	1903468	21,5	1,26	Даровое
Сѣв. Атлант. Шт. (Соед. Шт.)	1890	17410545	1890	3694067	21,2	3,62	Даровое
Канада	1891	4823491	1889	998823	20,8	2,42	Даровое
Западные Штаты (Соед. Шт.)	1890	3027613	1890	574315	19,0	4,37	Даровое
Ямайка	1891 а)	639411	1890	75680	11,8 с)	0,28	Даровое
Суринамъ	1889	5968	1889	5684	10,0	—	Платн. и дар.
Гвіана (Британск.)	1891	284887	1890	27884	9,8	0,58	Платн. и дар.
Тринидадъ	1890	208030	1890	19685	9,4	0,92	Платн. и дар.
Уругвай	1889	683943	1888	54513	8,0	0,98	Платн. и дар.
Парагвай	1887	329645	1891	25594	8,0	1,30	Даровое
Гондурасъ (Британск.)	1891	31471	1890	2450	8,0 с)	0,42	Платн. и дар.
Коста-Рика	1891	238782	1890	17500	7,3	2,03	Даровое
Аргентинская Республика	1887	4086492	1890	276983	6,8	3,34	Даровое
Гвіана (Франц.)	1890 а)	25796	1888	1658	6,4	—	—
Мартиника и Гваделупа	1888	324462	1888	18073	5,5	—	—
Гондурасъ	1889	431917	1890 а)	23000	5,3 с)	0,42	Платн. и дар.
Венесуела	1890	2285054	1891	104840	5,0 с)	0,21	Даровое
Мексика	1889	11632924	1888	543977	4,7	0,42	Даровое
Эквадоръ	1889 а)	1271861	1890	58808	4,6	—	Даровое
Чили	1891	2766747	1888	122664	4,4	—	Даровое
Гватемала	1890 а)	1452003	1890	57380	4,0	0,48	Даровое
Сальвадоръ	1891	777895	1889	28473	3,7	—	—
Куба	1890	1521684	1887	50000	3,3	—	—
Никарагва	1890 а)	400000	1887	11914	3,0	—	—
Перу	1886	2700945	1890	71435	2,6	0,14	Платн. и дар.
Колумбія	1881	3878600	1889	93187	2,4	—	Даровое
Боливія	1888	1192162	1890	27764	2,3 с)	0,83	Даровое
Бразилія	1888	14002335	1889	305193	2,2	0,67	Даровое
Санъ-Доминго	1888	610000	1890 а)	10000	1,6	—	Даровое
Гаити	1887	960000	1890 а)	10000	1,0	—	Даровое
Порто-Рико	1890	806708	—	—	—	—	—

Число церковно-приходскихъ школь и ихъ бюджетъ за 1891—92 гг.

По сдѣланной Св. Синодомъ сводкѣ донесеній епархіальныхъ преосвященныхъ по школьному дѣлу оказывается, что въ періодъ 1891—1892 г. число церковно-приходскихъ школь возросло до 23 тыс. съ 720 тыс. учащихся. За означенный періодъ построено новыхъ школь свыше 7 тыс., на сумму три съ половиною милліона рублей. Общая сумма средствъ по содержанию церковно-приходскихъ школь достигла 2.838,585 руб. въ эту цифру вошли: пособіе изъ государственнаго казначейства 175 тыс. рублей, изъ суммъ губернскихъ земскихъ сборовъ 286,285 р., отъ церквей и монастырей 275,000 руб., отъ братствъ, церковныхъ попечительствъ и благотворительныхъ обществъ 131,300 руб., отъ земствъ 175,000 руб., отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ 448,000 руб., отъ городскихъ обществъ 48,000 руб., отъ попечителей и благотворителей 493,000 руб., отъ платы за ученіе 119,000 руб. и т. д.

Статистика С.-Петербургскаго унрверситета за 1893 годъ.

Къ 1-го января 1893 г. университетскій преподавательскій персоналъ состоялъ изъ 176 лицъ (67 проф., 2 лекторовъ, 3 преподавателя, 68 приватъ-доцентовъ, 1 прозекторъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 1 препараторъ и 30 лаборантовъ и хранителей кабинетовъ); къ началу-же нынѣшняго года весь личный преподавательскій составъ состоялъ изъ 188 лицъ (65 профессоровъ, 5 лекторовъ, 2 преподавателя, 77 профессоровъ, 1 прозекторъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 1 препараторъ и 35 лаборантовъ).

Студентовъ и постороннихъ слушателей числилось къ 1-му января 1893 г.: первыхъ 2,306 и вторыхъ 50; въ отчетномъ году поступило 956 студентовъ, выбыло 628 (въ томъ числѣ до окончанія курса 296), и къ 1-му января 1894 году числилось 2,634 студента и 41 постороннихъ слушателей. Любопытно, что 25 лѣтъ тому назадъ, а именно, къ 1-му января 1869 года, въ университетѣ состояло 1,148 и студентовъ и постороннихъ слушателей; постепенно возрастая, число студентовъ достигло въ 1886 г. 2,627, затѣмъ оно убывало, такъ что въ 1888 г. числилось всего 1,698 студентовъ, послѣ чего снова начался приростъ, и *нынѣшняя цифра оказывается самую значительную какъ за все послѣднее двадцатипятилѣтіе, такъ и за все время существованія университета.* Всего болѣе студентовъ на юридическомъ факультетѣ (1,335 или 50,68 проц.), за нимъ слѣдуетъ физико-математическій съ 1,039 (39,45 проц.), историко-филологическій съ 175 (6,64 проц.), и, наконецъ, факультетъ восточныхъ языковъ съ 85 студентами (3,23 проц.). Выпускныхъ свидѣтельствъ выдано 322. За все послѣднее 25-ти-лѣтіе университетъ выпустилъ окончившими полный курсъ 6,624, между тѣмъ какъ въ предшествующее 50-ти-лѣтіе выпущено 2,583.

Въ теченіи года было выдано 323 студентамъ стипендій на сумму 85,613 р. 60 к. и 238 студентамъ пособій на сумму 4,060 р.; кромѣ того, около 21 проц. всего числа студентовъ было освобождено отъ платы на сумму до 25,800 р. Къ 1-му января текущаго года, въ библиотекѣ состояло 95,522 названія въ 220,467 томахъ.

Школьное обученіе въ нашихъ тюрьмахъ.

Изъ собранныхъ за десять лѣтъ свѣдѣній о дѣлѣ школьнаго обученія въ нашихъ тюрьмахъ, оказывается, что изъ числа 514,263 срочныхъ арестантовъ, представляющихъ собою ту категорію, для которой школьное обученіе можетъ дать наибольшій результатъ, школу посѣщало только 11,719 человекъ, слѣдовательно менѣе $3\frac{1}{2}$ проц. всего числа. Преподаваніемъ занимались преимущественно священники, въ меньшинствѣ наемные учителя и въ рѣдкихъ случаяхъ сами директора тюремныхъ комитетовъ.

Распредѣленіе профессій во Франціи.

Въ журналѣ «Nature» напечатаны небезынтересныя статистическія свѣдѣнія, касающіяся распредѣленія профессій во Франціи. Оказывается, что около половины всего населенія Франція живетъ земледѣліемъ; четверть—промышленностью, четыре сотыхъ—различными свободными профессіями и, наконецъ, шесть сотыхъ имѣютъ ренты или доходы.

Изъ числа земледѣльцевъ 9.176,000 сами воздѣлываютъ свою собственную землю, другіе арендуютъ ее; затѣмъ идутъ фермеры, поденщики и мелкіе землевладѣльцы, работающіе также за чужой счетъ. Крупная промышленность, фабрики, заводы занимаютъ 1.130,000 человекъ, тогда какъ мелкая промышленность—6.093,000 человекъ.

Въ торговомъ сословіи находятся: 789,000 банкировъ, коммиссіонеровъ и оптовыхъ торговцевъ; затѣмъ: 1.895,000 лавочниковъ и 1.164,000 кабатчиковъ и содержателей кофеенъ и ресторановъ.

Желѣзныя дороги, транспортная служба на сушѣ и на водѣ, торговый флотъ даютъ занятія 800,000 человекъ.

Агентовъ, чиновниковъ и прочихъ служащихъ на государственной службѣ имѣется 805,000 человекъ.

Затѣмъ идутъ свободныя профессіи: духовная—112,000 человекъ; религіозныя общины—115,000 человекъ; юридическая профессія—156,000 человекъ; медицинская—130,000 человекъ; педагогическая—111,000 человекъ; артистическая всякаго рода—112,000 человекъ; ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ—23,000 человекъ.

Число собственниковъ и рантьеровъ, живущихъ исключительно на свои доходы, достигаетъ 1.849,000, а лицъ, состоящихъ на пенсіи—272,000.

Число студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1893 г.

Всѣхъ студентовъ въ академіи къ концу отчетнаго 1893 года состояло 251 и 13 постороннихъ слушателей, всѣхъ-же учащихъ 264, изъ которыхъ на полномъ казенномъ содержаніи состояло 160 студентовъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Потребность въ медицинскихъ силахъ.

Большое требованіе на медицинскія силы, вызванное развитіемъ холерной эпидеміи, вызываетъ въ «Свѣтѣ» слѣдующія соображенія одного изъ медиковъ, д-ра Массена.

Если—говорить онъ—приходится прибѣгать къ вызову студентовъ даже младшихъ курсовъ, т. е. лицъ еще не имѣющихъ никакой медицинской подготовки, то не лучше-ли вспомнить, что у насъ имѣется большое количество лицъ женскаго пола, получавшихъ, правда, спеціальное образованіе, но имѣющихъ несомнѣнно свѣдѣнія и опытность въ уходѣ за больными. Мы говоримъ объ акушеркахъ. Намъ достоверно извѣстно, что на курсы по уходу за холерными больными, читаемые въ Городской Думѣ въ С.-Петербургѣ, поступило значительное количество акушеровъ. Мы увѣрены, что число акушеровъ, желающихъ слушать такіе курсы, очень возрастетъ, если слушательницъ по окончаніи курса будутъ приглашать въ качествѣ фельдшерницъ. Несомнѣнно, что такія лица, изъ которыхъ многія въ теченіе нѣсколькихъ (даже многихъ) лѣтъ ведутъ самостоятельную практику, хорошо управятся съ возложеннымъ на нихъ врачемъ надзоромъ за холернымъ больнымъ. Вспомнимъ, что наша публика уже сама сдѣлала акушерку фельдшерницей, такъ какъ при всякомъ случайномъ заболѣваніи беременной или въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о какой-нибудь женской болѣзни, въ большинствѣ случаевъ прежде всего призывается акушерка, а ужъ потомъ, сообразно съ обстоятельствами, приглашается и врачъ. Въ земскомъ быту акушерка, даже не имѣющая никакой фельдшерской подготовки, силой вещей должна сплошь и рядомъ заниматься совсѣмъ не по своей спеціальности, а мы хорошо знаемъ, какъ изъ такихъ лицъ выработались отличныя фельдшерицы.

Ко всему сказанному добавимъ, что лицъ, получившихъ акушерское образованіе, въ Петербургѣ, да, вѣроятно, и всюду, очень много, но большинство изъ нихъ почти бездѣйствуетъ, благодаря отсутствію практики.

Петровская сельскохозяйственная академія. «Рус. Вѣд.» сообщаютъ, что послѣ предстоящаго въ февралѣ 1894 г. закрытія Петровской сельскохозяйственной академіи рѣшено сохранить временно въ настоящемъ ихъ видѣ ферму, зданія, учебныя пособія и кабинеты Петровской академіи; проектъ учрежденія въ Петровскомъ-Разумовскомъ новаго высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія, приспособленнаго къ существующимъ потребностямъ и нуждамъ русскаго земледѣлія, въ настоящее время выработывается. Открытіе новаго учебнаго заведенія должно послѣдовать осенью 1894 г.

Калѣченіе дѣтей. Въ Бискупцахъ, въ Австріи, открыто цѣлое заведеніе для спеціальнаго калѣченія дѣтей, съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ профессиональныхъ нищихъ. До сихъ поръ полиція завладѣла тремя злодѣями,

въ помѣщеніи которыхъ и найдены всевозможныя орудія ихъ профессіи; найдены также четыре дѣвочки и одинъ мальчикъ, отъ 8 до 12 лѣтъ, въ самомъ ужасномъ состояніи: у двухъ дѣвочекъ сломаны ноги и руки, у третьей вырѣзаны глаза, у послѣдней, четвертой, тѣло истыкано гвоздями; мальчикъ перегнутъ по-поламъ и голова связана за ногами. Изъ этихъ, почти мучениковъ, двѣ дѣвочки принадлежатъ къ членамъ разбойничьей шайки, двое дѣтей куплены у родителей и одинъ ребенокъ украденъ.

Международный конгрессъ противъ безнравственной литературы соби-рался въ Лозаннѣ во второй половинѣ минувшаго 1893 года. На конгрессѣ шла рѣчь о положеніи этого вопроса въ различныхъ странахъ, объ опас-ности оглашенія преступныхъ или безнравственныхъ дѣяній, о сравнительномъ законодательствѣ по этому предмету и о желательныхъ мѣрахъ борьбы. Въ числѣ этихъ мѣръ предложено учредить постоянное международное бюро охра-ненія нравственности.

Общество дѣтской учтивости въ Англіи существуетъ всего одинъ годъ, но уже имѣетъ до 700 членовъ-дѣтей въ 12 городахъ и деревняхъ. Обще-ствомъ руководятъ выдающіеся педагоги. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы вызвать въ нихъ желаніе быть привѣтливыми, вѣжливыми, чистоплотными, благопристойными въ словахъ и поступкахъ и поднять среди дѣтей духъ рыцарства. Членами общества могутъ быть мальчики и дѣвочки 5—15 лѣтъ, обязанные ежегодно платить въ кассу одно пенни. Основнымъ началомъ слу-жить изреченіе: «Не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь».

Послѣднее слово скорописи. На-дняхъ въ Парижѣ происходилъ шестой конкурсъ скорописи, организованный синдикатомъ стенографовъ и дактило-графовъ. Изъ различныхъ пробъ и состязаній, происходившихъ на этомъ конкурсѣ, интересно отмѣтить слѣдующія: 123 слова въ минуту подъ дик-товку, на машинѣ, и 1,130 словъ въ 15 минутъ при копированіи предло-женнаго манускрипта. Одинъ изъ конкурентовъ-стенографовъ воспроизводилъ 66 словъ въ минуту, а въ среднемъ подъ диктовку стенографы писали 500 словъ въ десять минутъ.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ЗНАНІЙ.

Электричество въ домахъ. На всемірной выставкѣ въ Чикаго былъ устроенъ домъ, въ которомъ электричеству дано примѣненіе въ обширнѣйшихъ размѣрахъ съ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій по электрическому освѣщенію. Въ такомъ видѣ домъ представлялъ картину тѣхъ удобствъ и преимуществъ, практическое осуществленіе которыхъ можно ожидать въ недалекомъ будущемъ. Электрическая подъемная машина служила сообщеніемъ между этажами дома, и всѣ, находящіяся въ немъ машины, какъ, напр., швейныя, прачешныя и др., приводились въ дѣйствіе электричествомъ. Электрической-же токъ производилъ необходимый для хозяйства ледъ и приводилъ въ дѣйствіе освѣжающіе воздухъ вѣера. Достаточно было отворить дверь передней или другой комнаты, чтобы автоматически освѣтить ее. Всѣ шкафы снабжены подобнымъ-же устройствомъ; при открытіи дверцы, зажигается лампочка, освѣщающая внутренность шкафа и угасающая, какъ только дверь вновь закрыта. Достаточно нажатія переключителя для заженія всѣхъ лампочекъ. Большихъ удобствъ и сбереженія времени слѣдуетъ ожидать въ будущемъ отъ электрической тонки, особенно кухонныхъ печей. На мраморную плиту, замѣняющую очагъ, ставятъ горошки и кастрюли, соединяютъ ихъ съ проводомъ, и кипяченіе производитъ уже электрической токъ; онъ же нагреваетъ утюги и воду для стирки и ваннъ.

Дѣйствіе солнечнаго свѣта на бациллы дифтерита. Извѣстно, что свѣтъ вообще оказываетъ на микроорганизмы губительное дѣйствіе. Онъ не только ослабляетъ ихъ жизнеспособность, но и убиваетъ ихъ, такъ что въ этомъ отношеніи можно смѣло причислить свѣтъ къ наиболѣе дѣйствительнымъ противъ заразныхъ болѣзней профилактическимъ средствамъ. Наблюденія Эспинаса и Мариньяка обнаружили, что вытяжки изъ разводокъ дифтеритныхъ бацилл теряютъ свою заразительность, если сохраняются въ освѣщенномъ солнечнымъ свѣтомъ мѣстѣ. Съ другой стороны, изслѣдованія Ру и Жерсона показали, что разводки дифтеритныхъ бацилл сохраняютъ свою ядовитость болѣе года, если содержатся въ закрытыхъ трубкахъ и въ темныхъ помѣщеніяхъ. Тѣ-же наблюдатели имѣли случай убѣдиться, что на животной перепонкѣ, выставленной на солнцѣ и смачивавшейся дождемъ въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, всѣ бациллы погибли, тогда какъ на подобной-же перепонкѣ, предварительно высушенной и пролежавшей въ темномъ ящикѣ болѣе пяти мѣсяцевъ, тѣже дифтеритныя бациллы нисколько не утратили своей живучести. Позднѣйшіе опыты Леду-Лебада, пожелавшаго въ точности опредѣлить вліяніе солнечнаго свѣта на бациллы дифтерита, обнаружили тотъ фактъ, что солнечные лучи приостанавливаютъ развитіе этихъ микроорганизмовъ и стерилизуютъ ихъ разводки, дневной-же свѣтъ, какой бываетъ при пасмурномъ небѣ, не уничтожаетъ въ нихъ жизнеспособности и не останавливаетъ ихъ размноженія; но дистиллированная вода усиливаетъ,

въ подобныхъ случаяхъ, дѣйствіе свѣта и умерщвляетъ дифтеритныхъ бактерий на вторыя или третья сутки. Такимъ образомъ, вышеприведенный рядъ опытовъ привелъ къ несомнѣнному доказательству того, что солнечный свѣтъ убиваетъ дифтеритныхъ бактерий и можетъ служить важнымъ подспорьемъ при обеззараживаніи помѣщеній послѣ дифтеритныхъ больныхъ.

Примѣненіе свѣтильнаго газа для отопленія. По изслѣдованію химика Балея, воздухъ въ городахъ пропускаетъ свѣта на 35—50 проц. меньше, чѣмъ въ деревняхъ. Это зависитъ отъ находящихся въ городскомъ воздухѣ остатковъ дыма, и потому, для оздоровленія города необходимо, прежде всего, сократить количество дыма, выпускаемаго изъ жилыхъ помѣщеній и заводовъ. Чтобы разрѣшить такую сложную задачу, нѣкоторые предлагаютъ замѣнить дрова и уголь свѣтильнымъ газомъ, который требуетъ меньшей затраты денегъ и развиваетъ меньше вредныхъ продуктовъ горѣнія. Знаменитый техникъ Сименсъ говоритъ: «я считаю варварствомъ пользоваться дровами и углемъ для какихъ-либо цѣлей въ домахъ. Придетъ время, когда все наше топливо будетъ доставляться въ видѣ газа, а это уничтожить дымъ въ городахъ и удешевитъ отопленіе». Въ Великобританіи, мало-по-малу, распространяются печи, согрѣваемая газомъ, и, дѣйствительно, газовое отопленіе въ Англіи обходится значительно дешевле и удобнѣе другихъ видовъ отопленія. Сокращается также работа прислуги, такъ какъ не приходится накладывать дрова, разжигать ихъ, выгребать золу, и т. д.; дыма совсѣмъ нѣтъ; пыли въ комнатахъ тоже меньше, а потому сокращается время на уборку комнатъ. Многія семейства получили возможность не нанимать прислуги, что составило сбереженіе въ 40—50 фунтовъ стерлинговъ (252 руб.—315 руб. металл. въ годъ). При примѣненіи свѣтильнаго газа, можно, въ случаѣ внезапной болѣзни быстро согрѣть комнату и получить горячую воду. Имѣется также возможность равномерно поддерживать тепло въ комнатѣ, повертывая кранъ газопроводной трубы.

Бактеріи куриныхъ яицъ. Химики придумывали разные средства для предохраненія куриныхъ яицъ отъ порчи: предлагали хранить ихъ въ древесныхъ опилкахъ, погружать въ известковую воду, обертывать писчей бумагой, и т. д. Этими способами, въ сущности, только замедлялась, а не предупреждалась порча яицъ. Нѣмецкій ученый Цоркендорферъ первый изслѣдовалъ вопросъ о сбереженіи свѣжести яицъ съ чисто-научной точки зрѣнія. Онъ задался цѣлью открыть-тѣ специфическіе микроорганизмы, присутствіемъ которыхъ обуславливается гніеніе этого общеупотребительнаго пищевого продукта, и произведенныя имъ въ этомъ направленіи бактеріологическія изслѣдованія показали, что скорлупа не обладаетъ достаточною плотностью для предохраненія содержимаго въ ней отъ проникновенія нѣкоторыхъ бактерий, изъ которыхъ однѣ производятъ сѣрнистый водородъ, другія — зеленоватый пигментъ, состоящій изъ микроскопическихъ грибовъ, а третьи только уничтожаютъ содержимое, т. е. съѣдаютъ его, не вызывая въ немъ никакихъ гнилостныхъ процессовъ. Цоркендорферъ рядомъ опытовъ пришелъ къ заключенію, что проникающіе въ яйцо микроорганизмы, какъ производящіе, такъ и непродуцирующіе гніенія, не выдерживаютъ нагрѣванія выше 40 градусо́въ по Цельсію, и что такого нагрѣванія въ продолженіе двухъ сутокъ

вполнѣ достаточно для полнаго предохраненія яицъ отъ порчи. Стерилизованныя такимъ способомъ куриныя яйца нужно покрыть лакомъ, слой котораго непроницаемъ для бациллъ. Въ такомъ видѣ, какъ заявляетъ Цоркендорферъ, яйца могутъ сохраняться по нѣскольку мѣсяцевъ. Тотъ-же нѣмецкій ученый пробовалъ прививать къ стерилизованнымъ яйцамъ наиболѣе вредныя для нихъ бактеріи. Для этой цѣли онъ вводилъ подъ скорлупу вытяжки изъ разводокъ гнилостныхъ бациллъ, но ядъ ихъ не прививался, тогда какъ та-же операція, произведенная надъ свѣжими яйцами, только-что взятыми изъ-подъ журъ, тотчасъ вызвала въ нихъ всѣ признаки разложенія. Изъ этого Цоркендорферъ и вывелъ заключеніе, что существуетъ «яичная бактерія», устраняемая двухсуточнымъ нагрѣваніемъ при сорокаградусной, по Цельсію, температурѣ.

Живучесть мховъ. О невѣроятной живучести нѣкоторыхъ растительныхъ видовъ, и въ особенности мховъ свидѣтельствуетъ рядъ опытовъ, произведенныхъ нѣмецкимъ ботаникомъ Шредеромъ надъ нѣкоторыми породами листовенныхъ мховъ. Такъ, напр., названный ученый подвергалъ одно изъ такихъ растений «*Varbula turgalis*» въ теченіе полутора года высушиванію въ сушильномъ приборѣ, при помощи безводной сѣрной кислоты, обладающей, какъ извѣстно, свойствомъ поглощать изъ атмосферы влагу, и, несмотря на то, высушенный такимъ способомъ мохъ ожилъ во всѣхъ своихъ частяхъ послѣ того, какъ былъ смоченъ водою. Другой видъ мха Шредеръ высушилъ тѣмъ-же способомъ до того, что онъ растрепался въ порошокъ и, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ влаги, растеніе ожило. Такой-же способностью противодѣйствія разрушительному вліянію засухъ отличаются и лишай, растущіе на древесныхъ стволахъ и камняхъ и быстро оживающіе при малѣйшемъ дождѣ, поглощая воду всей поверхностью своихъ листочковъ.

Производительность алмазныхъ копей южной Африки, въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, достигла поразительныхъ размѣровъ. Съ конца 1866 года, количество вывезенныхъ оттуда алмазовъ, извѣстныхъ въ продажѣ подъ названіемъ «капскихъ», опредѣляется въ 50 милліоновъ каратовъ, представляющихъ цѣнность въ 1 милліардъ 750 милліоновъ франковъ.

Нефть, какъ средство противъ филонсеры. Французскій ученый де-Мели, путемъ изученія историческихъ данныхъ, нашелъ, что въ древности противъ филонсеры примѣнялось «каменное масло». Онъ отыскалъ въ сочиненіяхъ греческаго писателя и географа Страбона мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ объ обращеніи съ большою виноградною лозою. У Теофраста, живъ въ IV до Р. Хр., въ сочиненіи о минераллахъ, находится упоминаніе объ *Amrelitis*, которая употреблялась для удобренія больныхъ виноградниковъ. Это удобреніе—не что иное, какъ земля, содержащая въ себѣ нефть; о ней-же говорится и у нѣкоторыхъ писателей средних вѣковъ. Пользуясь этими указаніями, де-Мели началъ производить опыты, о результатахъ которыхъ недавно докладывалъ въ парижской академіи наукъ. Онъ поливалъ нефтью землю въ виноградникѣ, пораженномъ филонсерой, и успѣхъ такого лѣченія сказался весьма наглядно: ягоды получились здоровыя, и никакого вреднаго вліянія нефти на виноградныя лозы не обнаружено.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ,

УЧЕБНИКОВЪ, УЧЕБНЫХЪ ПОСОВІЙ, КНИГЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ ДѢТЕЙ И НАРОДА.

А. Учебники и учебныя пособія и друг. *).

Барановъ, А. Наше родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи. съ образцами для письма и матеріаломъ для самостоятельныхъ упражненій. Первый годъ обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Изд. 20-е Д. Полубояринова. Спб. 1893 8 д., 95 стр., 50.000 экз. ц. 30 коп.

Вишневскій, Г. М. Записки по методикѣ элементарной ариметики. Руководство для учителейскихъ семинарій, институтовъ, VIII кл. женск. гимназій учителей и учительницъ начальныхъ училищъ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное, книжн. магазина бр. Башмаковыхъ, Казань. 1894. 8 д. 155+III стр., 3.600 экз. ц. 50 коп., съ перес. 65 коп.

Субботинъ, А. П. Поѣздка по кустарнымъ районамъ и кустарнымъ артели. Изд. редакціи «Экономическаго журнала». Спб. 1893. 8 д., 74 стр., 100 экз. ц. 75 коп.

Торговые обычаи рижской биржи. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Цвингмана и Э. Ф. Моряца. Изд. Н. Киммеля. Рига. 1893. 8 д., 108 стр., 300 экз.

Шененгаузъ, Артуръ. Какъ слѣдуетъ читать книги. «Изд. Народной бібліотеки» В. Маракуева. Москва. 1894. 8 д., 16 стр., 2.400 экз.

Елинь, И. Какъ ухаживать за огородамъ. Совѣты о томъ, какъ сѣять и выращивать необходимые для хозяйства овощи въ домашнемъ огородѣ. Москва. 1894. 8 д., 66+2 стр., 12.000 экз.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. Протопопъ Аввакумъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ В. А. Мякотина. Спб. 1893. 8 д., 160 стр., 8.100 экз. ц. 25 коп.

Лаиге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія во-

леваго вниманія. Одесса 1893. 8 д., LVII+296 стр., 400 экз. ц. 2 р.

Покровскій, Е. А., д-ръ. Объ уходѣ за малыми дѣтьми. Москва. 1894. 16 д., VIII+94 стр., 7.200 экз. Изд. 3-е, испр. и дополненное. Спб. 1894. 8 д. IV+150 стр., 4.000 экз. ц. 50 коп.

Краткая отечественная географія, составленная подъ ред. И. Михайлова (Въ этомъ изданіи помѣщено въ текстѣ 33 рисунка, 21 геогр. карта и 4 плана важнѣйшихъ русскихъ городовъ, а въ концѣ книги приложена большая карта Европейской Россіи). Изд. 5-е Д. Полубояринова. Спб. 1893. 8 д., 112 стр., 2.000 экз. ц. 60 коп.

Мищенко, Я. Г. Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала и до половины XV в. по Р. Х. Кіевъ. 1893. 8 д., 253 стр., 1.500 экз. ц. 1 р. 50 к.

Некрасовъ, Н. Я. Послѣ азбуки. Первая книга для класснаго чтенія и письменныхъ упражненій. Первый годъ обученія. Изд. 3-е («Петербургскій учебный магазинъ»). Спб. 1894. 8 д., 56 стр., 5.000 экз. ц. 15 коп.

Некрасовъ, Н. Я. Практическій курсъ правописанія, съ матеріаломъ для упражненія въ изложеніи мыслей. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ, въ 2-хъ выпускахъ. Выпускъ II. Изд. 3-е («Петербургскій учебный магазинъ»), Спб. 1894 8 д., 64 стр., 10.000 экз. ц. 50 коп.

Павловъ, А. Городская школа. Книга для класснаго чтенія, съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій и съ картинками въ текстѣ, примѣненная къ обученію родному языку въ городскихъ училищахъ. Часть 2-я второй годъ обученія. Ореографія по руководству Я. Грота. Изд. 5-е Д. Полубояринова. Спб. 1893. 8 д., 144 стр., 10.000 экз. ц. 45 коп.

*) «Прав. Вѣсти.» съ № 284 1893 г. по 14-мй 1894 г.

Паньховскій, В. П. и Сченсовичъ, Л. Вѣра, Царь, Отечество. Пособіе для воскресныхъ и праздничныхъ собесѣдованій въ храмахъ Божіихъ, для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ и народныхъ училищахъ, для любителей духовнаго и историческаго чтенія. Настольная нравственно-поучительная книга для чтенія и назиданія въ каждомъ семействѣ. Подъ ред. К. Тихомирова.

Песталоцци, Генрихъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Томъ I. Лингардъ и Гертруда Части I и II. Переводъ съ нѣмецкаго. В. Смирнова. Съ портретомъ Песталоцци и очеркомъ его жизни и дѣятельности (Педагогическая библиотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). Москва. 1893. 8 д. LX+443 стр., 1.200 экз. ц. 2 р. 50 коп.

Савельевъ, А. Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ съ краткими наставленіями о выборѣ, сбереженіи здоровья домашнихъ животныхъ и птицъ о подачѣ имъ помощи въ болѣзняхъ. Изд. 5-е (собственность книжн. торговли А. Панафидина). Спб. 1894. 8 д., VI+108 стр., 2.012 экз. ц. 40 коп.

Соловьевъ, Сергій Михайловичъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 1-я. Томъ I—V. Спб. Изд. 8 д., XIV+1.726 стр. столб., 5.000 экз.

Ушинскій, Константинъ. Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. Изд. 8-е, сокращенное подъ ред. К. К. Сентъ-Илера и Л. Н. Модзалевскаго. Съ портретомъ автора. Спб. 1894. 8 д., XII+XLVI+495 стр., 2.000 экз.

Файнштейнъ, С., проф. мнем. Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Одесса. 1893. 8 д., 69+1 стр., 5.000 экз. ц. 25 коп.

Шереръ, Вильгельмъ. Исторія нѣмецкой литературы. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. Н. Пыпина. Часть 2-я. Изд. Л. Пантелеева. Спб. 1893. 8 д., XX+401 стр., 2.000 экз. ц. за двѣ части 5 руб. 50 коп.

Каменскій, Амось. Законы благоустройства школы. Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями, П. Ф. Каптерева. Спб. 1893. 8 д., 45 стр., 362 экз.

Красногорскій, П. Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка. Съ необходимыми матеріалами для упражненій въ синтаксическомъ разборѣ и употребленіи знаковь препинанія (Для среднихъ

Въ 3-хъ частяхъ. Части I, II, и III. Изд. Книгопр. С. Леухина. Москва. 1894. 8 д., III+484+172+191+VI стр., 1.800 экз.

Твалчрелидзе, А. Русскія прописи для городскихъ, сельскихъ и церковно-приходскихъ училищъ. Изд. 2-е. Ставрополь-Кавказскій. 1893. 16 д., 38 стр., 10.000 экз. ц. 15 коп.

Торнау, Н. Н., бар. Учебный историческій атласъ. Содержаніе: 72 карты по всеобщей исторіи, съ объяснительнымъ текстомъ и указателемъ. Спб. 1893. 2 д., 24 стр. и XV таблицъ. 3.020 экз. ц. 2 р.

Турчановскій, К. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ II. Африка. Австралія, Америка и Азія въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Изд. 6-е. Кіевъ. 1893. 8 д., VIII+128+III стр., 3.000 экз. ц. 45 к.

Фишманъ, Л. Краткое руководство ариметики и сборникъ ариметическихъ задачъ для начальнаго преподаванія. Часть I. (Четыре дѣйствія съ цѣлыми отвлеченными числами). Изд. 4-е К. Зихмана. Рига. 1893. 8 д., 84 стр., 3.000 экз. ц. 20 коп.

Анастасіевъ, А. Письменные упражненія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Часть 1-я. Для учащихся (Отд. оттискъ изъ книги «Народная школа», изд. 2-е. Симбирскъ. 1893. 8 д. 26 стр., 600 экз. ц. 12 коп.

Анастасіевъ, А. Уроки русской рѣчи для инородческихъ дѣтей, учащихся въ начальныхъ школахъ (Отд. оттискъ изъ книги «Народная школа», изд. 2-е). Симбирскъ. 1893. 8 д., 36 стр., 1.200 экз. ц. 15 коп.

Барановъ, А. Книга для класснаго чтенія, примѣненная къ обученію родному языку въ начальныхъ школахъ. 2-й и 3-й годъ обученія. Изд. 27, Д. Полубояринова. Спб. 1893. 8 д., 174+2 стр., 10.000 экз. ц. 45 коп.

Барановъ, А. Русскій букварь съ матеріаломъ для первоначальнаго чтенія, заучиванія наизусть и письменныхъ упражненій. Учебное руководство, составленное примѣнительно къ программамъ, утвержденнымъ Святѣйшимъ Синодомъ для церковно-приходскихъ школъ. Изд. 8-е Д. Полубояринова. Спб. 1893. 8 д., 48 стр., 10.000 экз. ц. 12 коп.

Бранкегеймеръ, П. Синтаксисъ русскаго языка для средне-учебныхъ заведеній. Одесса. 1893. 8 д., 52+II стр., 1.000 экз.

Вороновъ, А. Собраніе ариметическихъ задачъ, въ 2-хъ частяхъ. Часть

1-я (цѣлыя числа). Изд. 9-е, Д. Полу-
бояринова. Спб. 1893 8 д., 83+1 стр.,
5.000 экз. ц. 30 коп.

Гербачъ, В. Русскія прописи, состав-
ленные согласно указаніямъ училищ-
наго при Святѣйшемъ Синодѣ совѣта.
Изд. 10-е Д. Полубояринова. Спб. 1893.
8 д., 16 стр., 20.000 экз. ц. 10 к.

Нордау, Максъ. Вырожденіе. Пере-
водъ съ нѣмецкаго В. Генкена. Съ пре-
дисловіемъ В. Австенка. Изд. книгопр.
Ф. Югансона. Кіевъ. 1894. 8 д., XIII+
200 стр., 3.050 экз. ц. 1 р. 50 коп.

Преображенскій, А. Краткая русская
грамматика для первыхъ трехъ клас-
совъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ
приложеніемъ задачъ для устныхъ и
письменныхъ упражненій. Часть 1-я
Этимологія. Изд. 7-е книжн. магазина
В. Думнова. Москва. 1893. 8 д., VHI+
98 стр., 6.000 экз. ц. 40 коп.

Рождественскій, С. Исторія среднихъ
вѣковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ за-
веденій мужскихъ и женскихъ. Изд. 6-е.
Спб. 1893. 8 д., 2+210+II стр.. 5.000
экз. ц. 75 коп.

Сиворцовъ, А. И., проф. Экономиче-
скіе этюды. I. Экономическія причины
голододовъ въ Россіи и мѣры къ ихъ
устраненію. Спб. 1894. 8 д., VIII+
185+II стр.. 1.212 экз. ц. 1 р.

Будинновъ, Т. Учебникъ всеобщей гео-
графіи. Европа. Изд. 2-е. «Учебнаго
магазина» К. Тихомирова. Москва. 1894.
8 д., 76 стр., 2.400 экз. ц. 30 коп.

Диккенсъ, Чарльзъ. Сочиненія. Полное
собраніе. Томъ 6-й. Посмертныя за-

писки Пиквикскаго клуба. Переводъ
М. А. Шипмаревой. Тяжелыя времена.
Переводъ М. А. Шипмаревой. Изд.
Ф. Павленкова. Спб. 1894. 8 д., 912+6
стр.-столб. 10.000 экз. ц. 1 р. 50 коп.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Био-
графическая бібліотека Ф. Павленкова.
Адамъ Смитъ, его жизнь и научная
дѣятельность. Биографическій очеркъ
Б. И. Яковенка. Съ портретомъ Адама
Смита. гравиров. Геааномъ. Спб. 1893.
8 д., 88 стр., 8.100 экз. ц. 25 коп.

Леббокъ, Джонъ. Красоты природы и
ея чудеса. Переводъ съ англійскаго
Изд. М. Кляюкина. Спб. 1894. 8 д., 162
стр., 2.012 экз. ц. 65 коп.

Моніевскій, А. И. д-ръ. Гигіеническія
бесѣды. Москва. 1894. 8 д., 63 стр.,
600 экз. ц. 30 коп.

Мечъ, Сергій. Россія. Учебникъ оте-
чественной географіи. Изд. 5-е, исправ-
ленное. Москва. 1894. 8 д., 182 стр.,
1.200 экз. ц. 75 к.

Морлей, Джонъ. Воспитательное зна-
ченіе литературы. Рѣчь студентамъ лон-
донскаго «Общества распространенія
университетскихъ знаній», сказанная во
дворцѣ лорда-мэра. Изд. «Народной
бібліотеки» Р. Маракучева. Москва.
1894. 8 д., 31 стр., 2.500 экз.

Теофрастъ, Характеристики Съ грече-
скаго перевелъ В. Алексѣевъ. Изд. 2-е,
исправленное (Библіотека греческихъ и
римскихъ классиковъ въ русскомъ пе-
реводѣ. V). Спб. 1893. 8 д., XII+30
стр., 1.000 экз. ц. 30 коп.

Б. Книжки для дѣтскаго чтенія и для народа.

Шмидтъ, Христофоръ. Женьева. Раз-
сказъ для юношества (съ нѣмецкаго).
Изд. Ф. Витепажа. Спб. 8 д., 167 стр.,
1.550 экз.

Послѣдній изъ мажиканъ. Рассказъ для
юношества по Куперу. Переводъ съ нѣ-
мецкаго Г. Корна. Съ 4-мя акварелями.
Изд. Ф. Витепажа. Спб. 8 д., 249 стр.,
2.050 экз.

Русская исторія для солдатъ. Состав-
илъ Старый ротный командиръ. Изд.
2-е, исправленное, В. Березовскаго. Спб.
1894. 8 д., 69 стр., 2.000 экз. ц. 40 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки.
Новый полный переводъ съ датскаго
подлинника. III. (Огнью. Мотылекъ.
Свинопасъ и др.). («Иллюстрированная
бібліотека крестнаго календаря»). М.
1893. 8 д., стр. съ 65 по 96, 5.000 экз.
ц. 25 коп.. съ перес 30 коп.

Важина, С. Какъ Миша попалъ на
фабрику, Москва. 1894. 8 д., 48 стр.,
7.200 экз.

Бекетова, М. А. Друзья человѣчества.
Рассказы. Изд. М. Ледерле и Ко. Спб.
1893. 8 д., 58 стр., 10.000 экз. ц. 10 к.

Бобровскій, С. Рассказы моимъ дѣтямъ.
Съ полнотипажамъ въ текстѣ. Рис. худ.
В. Шпакъ. Изд. 3-е Н. Фену и Ко. Спб.
1893. 8 д., 81 стр., 2.300 экз. ц. 80 к.

Русскіе богатыри. Избранныя былины
въ пересказѣ для дѣтей О Роговой
(Шмидтъ-Москвитиновой). Съ 11-ю хро-
момит. 4 д. VIII+152 стр., 2.010 экз.

Русскіе богатыри. Избранныя былины
въ пересказѣ для дѣтей О. И. Роговой
(Шмидтъ-Москвитиновой). Забѣжіе бо-
гатыри (Старъ Гоудиновичъ, Соловей
Будиміровичъ). Съ 3-мя хромолит. 4 д.,
34 стр., 3.060 экз. ц. 75 коп.

Русскіе богатыри. Избранныя былины въ пересказѣ для дѣтей О. И. Роговой (Шмидтъ-Москвитиновой). Илья Муромецъ. Съ 3-мя хромолит. по акварелямъ. Н. Н. Каразина. Изд. А. Девриена. Спб. 4 д., 33 стр., 3.060 экз. ц. 75 коп.

Три дара. Сказка Софіи Д. Изд. В. Мѣстника и Ко. Спб. 1893. 16 д., 54 стр., 2.400 экз. ц. 50 коп.

Дестунисъ, Превращенія. Разказъ для дѣтей младшаго возраста (Иллюстрированный 8-ю картинами). Спб. 1893. 16 д., 16 стр., 6.000 экз. ц. 30 коп.

Диккенсъ, Чарл. Скрята (The shrift-mas sajas). Святочная сказка. Переводъ А. Каменскаго, съ очеркомъ жизни Ч. Диккенса. Новгородъ. 1894. 8 д., XXX+100 стр., 3.500 экз.

Животовскій, С. В. О чемъ разказывала мышка. Спб. 1893. 8 д., 34 стр., 3.000 экз. ц. 50 коп.

Ивановъ, К. А. Средневѣковой замокъ и его обитатели въ эпоху процвѣтанія рыцарства. Съ рисунками. Изд. «Учебн. магазина». Спб. 1894. 8 д., 77 стр., 2.050 экз. ц. 50 коп.

Петрушевскій, А. Разказы про Петра Великаго. Изд. 4-е Н. Фену и Ко. Спб. 1893. 8 д., V+263 стр., 3.000 экз. ц. 50 коп.

Смирновъ, А. П. По родной землѣ. Очерки и разказы для русскаго юношества. Съ 28 рисунками бар. М. П. Клодта. Л. Ф. Лагорю, Е. И. Григорьева и др. Изд. М. Ледерле и Ко. Спб. 1893. 8 д., 291 стр., 3.550 экз.

Флетчеръ, Р. Г. Двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ. Картины изъ жизни дѣтей въ Америкѣ. Переводъ съ англійскаго Е. Сысоевой. Съ 19-ю рисунками въ текстѣ. Изд. А. Девриена Спб. 8 д., 148 стр., 3.050 экз.

Мало, С. Русалочка. Сказка для дѣтей. Москва. 1894. Изд. 16 д., 31 стр. 3.600 экз.

Сениговъ, I. Царь-работникъ и учитель. Изд. редакціи журнала «Дѣтское чтеніе». Спб. 1893. 8 д., 30 стр. 1.000 экз. ц. 15 коп.

Сказки бабушки Ирины. Собраніе новѣйшихъ и лучшихъ сказокъ по Гримму и Бехштейну. Для дѣтей младшаго возраста. Изд. Ф. Битенажа. Спб. 8 д., II+187 стр., 2.000 экз.

Соколовъ, А. И. Славянскія сказки. Изд. 2-е, дополненное, А. Девриена. Съ рисунками акад. М. Микѣшина и др. Спб. 8 д., 137 стр., 3.250 экз.

Барфусъ, Е. Въ странѣ алмазовъ. Разказъ для юношества. Переводъ съ нѣмецкаго М. Грайстрема. Съ 4-мя раскрашенными картинами. Изд. Ф. Битенажа. Спб. 8 д., 166 стр., 2.000 экз.

Бълоръ, Алтонина (О. А. Бороватина). Мои друзьямъ. Разказы для дѣтей младшаго и старшаго возраста. Спб. 1894. 8 д., 242 стр., 2.500 экз. ц. 1 р. 50 коп.

Васильевъ, М. Въ лѣсу и въ полѣ. Разказы и сказки для дѣтей. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. М. Ключкина. Спб. 1894. 8 д., 60 стр., 3.050 экз. ц. 30 коп.

Вроченскій, М. А. Севастопольскій разгромъ. Воспоминанія участника славной обороны Севастополя. Кіевъ. 1893. и Ко. 8 д., 256+IV стр., 600 экз. ц. 1 р.

Гальтъ, Мари-Робертъ. Исторія одного маленькаго челоуѣка. Переводъ съ французскаго М. Грайстремъ. Изд. 2-е. Съ 90 рисунками. Спб. 8 д., 304+2 стр., 3.000 экз.

Гофманнъ, Э. Т. А. Житейскія воззрѣнія Кота Мурра вмѣстѣ съ открытками биографіи капелмейстера Иоганна Крейслера, изложенной въ добавочныхъ макулатурныхъ листахъ Переводъ съ нѣмецкаго К. Д. Бальмонта. Книга I. Отдѣлъ 1-й. Ощущенія бытія, мѣсяцы юности (Дешевая бібліотека). Спб. Изд. 12 д., XII+147 стр., 10.000 экз. ц. 20 к.

— Книга II. Отдѣлъ 2-й. Жизненные испытанія юности. И я родился въ Аркадіи. 181 стр., 10.000 экз. ц. 20 к.

— Книга III. Отдѣлы 3-й и 4-й, Мѣсяцы ученія. Капризная игра случая. Благотворныя послѣдствія высшаго образованія. Мѣсяцы полной возмужалости. 112 стр., 10.000 экз. ц. 30 к.

Желиховская, В. П. Мое отрочество. Изд. редакціи журнала «Дѣтское чтеніе». Спб. 1893. 8 д., 294 стр., 2.000 экз. ц. 1 р. 20 коп.

Мало, С. Русалочка. Сказка для дѣтей. Москва. 1894. Изд. общества распространенія полезн. книгъ. 16 д., 31 стр., 3.600 экз.

Тиханова, Е. Ласточка. Разказы для юношества. Спб. 1894. 8 д., 179 стр., 2.400 экз.

Тихомировъ, Е. Ермакъ Тимофеевичъ, покоритель Сибири. Разказъ изъ исторіи. Изд. 2-е. Москва 1893. 16 д., 77 стр., 3.600 экз. ц. 10 коп.

Соловьевъ, Е. Разказы о полезныхъ и вредныхъ птицахъ. Для семейнаго чтенія и школы. Изд. 3-е. Москва 1894. 16 д., 47 стр., 2.400 экз. ц. 10 коп.

ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ВЪ ГЛАВНОМЪ СКЛАДѢ ИЗДАНІЙ

„ПОСРЕДНИКА“.

(Москва, близъ Страстнаго монаст., книжн. магазинъ М. Е. Конусова).

продаются слѣдующія новыя изданія:

146. Какъ ухаживать за огородомъ. Совѣты о томъ, какъ сѣять и выращивать необходимыя для хозяйства овощи въ домашнемъ огородѣ. Составилъ И. Елинъ. Ц. 3 к.

147. Бабы. Разсказъ А. П. Чехова. Ц. 1½ к.

148. Перестанемъ курить! Что такое табакъ и какой вредъ отъ него бываетъ. Сост. А. Аполловъ. Ц. 3 к.

149. Пустоплясы. Святочный разсказъ Н. С. Лѣскова. Ц. 1½ к.

154. I. На свою голову. II. Упередилъ. Два разсказа С. Т. Семенова. Ц. 3 к.

157. Ясная звѣздочка. Книга вторая для чтенія дома и въ школѣ, содержащая въ себѣ статьи для послѣдовательнаго чтенія, правила грамотнаго русскаго письма, статьи для церковно-славянскаго чтенія и т. д. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и Я. Егоровъ. Съ 75 рисунк. и акварелями Е. М. Бемъ на обложкѣ.

158. I. Бѣлая береза. Разсказъ Селезнова. II. Въ простотѣ душевной. Разсказъ Дядина. Ц. 3 к.

159. Подъ великій праздникъ. Разсказъ крестьянина. С. Т. Семенова. Ц. 1½ к.

161. Какъ развести плодовый садикъ. Учебникъ для разведенія плодоваго сада въ маломъ размѣрѣ. Сост. Г. М...довъ. Ц. 8 к.

166. Русская грамматика въ примѣрахъ или какъ научиться толково и грамотно писать по русски. Въ трехъ отдѣлахъ. Для семьи и школы и для самообученія. Состав. Я. Егоровъ. Ц. 10 к.

Открыта подписка на педагогическій журналъ „ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬ“.

Журналъ будетъ издаваться съ 1894 года, въ Симбирскѣ, под редакціей А. И. Анастасіева, отдѣльными выпусками, которыхъ въ годъ имѣетъ быть отъ 6 до 8, въ каждомъ выпускѣ — не менѣе трехъ печатныхъ листовъ. Подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к. Подписка принимается въ Симбирскѣ, у редактора-издателя Андрея Ивановича Анастасіева, инспектора народныхъ училищъ, а также въ типо-литографіи А. Т. Токарева.—Программа журнала: 1) правительственныя распоряженія по городскимъ и сельскимъ начальнымъ училищамъ; 2) статьи по вопросамъ воспитанія и обученія въ городскихъ и сельскихъ школахъ; 3) педагогическая хроника; 4) критика и библиографія; 5) справочный педагогическій листокъ; 6) приложения (матеріалъ для чтенія ученикамъ) и 7) объявленія.—Первый выпускъ выйдетъ въ январѣ мѣсяцѣ — Ко всѣмъ лицамъ, близко стоящимъ къ городскимъ и сельскимъ училищамъ, редакція обращается съ просьбою о доставленіи, для напечатанія въ журналѣ, статей и замѣтокъ, соответствующихъ его программѣ.

IV г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ IV г. изд.

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ журналъ общепользныхъ свѣдѣній въ области ПИТАНІЯ и ДОМОВОДСТВА

Безъ доставки:
на годъ

2 Р.

на полгода
1 руб. 25 коп.

НАША ПИЩА

Съ доставкой:
на годъ

3 Р.

на полгода
1 руб. 50 коп.

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ, №№ ВЪ ДВА ЛИСТА
ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) **Провит. распоряженія**, кас. питанія.—2) **Общественное питаніе**.—3) **Припасовѣдѣніе** (мясо, рыба, живность, молочные продукты, яйца и пр.: вина, воды и др. напитки: консервы и **способы сохраненія** съѣстныхъ припасовъ; анализы съѣстныхъ припасовъ, **фальсификація** ихъ, простые **способы распознаванія** ея и пр.—4) **Кулинарный отдѣлъ**.—5) **Отдѣлъ хозяйства**.—6) **Статистика припасовъ**.—7) **Пищевой календарь**.—8) **Библиографія**.—9) **Смѣсь**.—10) **Вопросы и отвѣты**.—Объявленія.

БЕЗПЛАТНО приложения образцовъ натуральныхъ и фальсифицированныхъ продуктовъ.

Почти въ каждомъ номерѣ помѣщаются меню **недорогихъ блюдъ** съ подробнымъ описаніемъ приготовленія входящихъ въ нихъ блюдъ, могущимъ замѣнить для хозяекъ **практическое обученіе** приготовленіе кушаній. Рецепты составлены лучшими поварами.

Подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** отвѣты на вопросы, касающіеся программы журнала.

Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ въ 1894 г. примутъ участіе въ журналѣ проф. А. Я. Данилевскій, проф. Д. П. Коноваловъ, проф. С. А. Пржибытекъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, проф. И. Р. Тархановъ и др.

Въ мартѣ мѣсяцѣ для годовыхъ подписчиковъ журнала будетъ приложено **БЕЗПЛАТНО** обстоятельное **руководство къ устройству домашняго огорода** и ухода за нимъ.

Въ теченіе 1894 г. между прочимъ будетъ помѣщенъ въ журналъ рядъ статей подъ заглавіемъ: **«какъ рационально устроить кухню»**.

Редакція нашла возможнымъ въ 1894 г. въ видѣ опыта организовать для своихъ подписчиковъ пріобрѣтеніе **доброкачественныхъ** продуктовъ, хозяйственныхъ принадлежностей и нѣкоторыхъ др. предметовъ **изъ первыхъ рукъ**, предполагая тѣмъ самымъ положить начало обширному потребительному обществу, членами котораго являются всѣ подписчики нашего журнала.

Представляя въ силу этого изъ себя крупнаго покупателя, редакція на первыхъ-же порахъ выговорила у весьма многихъ фирмъ (въ Спб., Москвѣ и нѣкоторыхъ др. городахъ) **значительную уступку—отъ 5% до 20%**—въ пользу своихъ подписчиковъ (**никакой комисіонной платы редакція не беретъ**).

Изданіе за 1 годъ разошлось все. Имѣющіеся еще экз. изд. за II годъ (съ Апр. 1892 до Янв. 1893—18 номеровъ)—1 р. 60 к., съ перес. 2 р.—Полные экз. изданія за III г. съ Янв. 1893 до Янв. 1894 (24 номера)—2 р. безъ перес., съ пересылкою 3 рубля.

Подробная иллюстрированная программа БЕСПЛАТНО.

Адресъ Редакціи, С.-Петербургъ, Знаменская, 36.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЬ

„ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО”

издаваемые— VIII Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, съ приложеніемъ «Библиографическаго Указателя» желѣзнодорожной литературы.

(4 номера въ мѣсяцъ)

Въ программу «Желѣзнодорожнаго Дѣла» входятъ, по желѣзнодорожной части: правительственныя распоряженія, отчеты о бесѣдахъ и публичныхъ лекціяхъ въ VIII и III отдѣлахъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества,—оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ административнымъ, техническимъ, экономическимъ, юридическимъ, хозяйственнымъ и коммерческимъ,—обзоръ усовершенствованій и новостей по тѣмъ же вопросамъ,—корреспонденція внутренняя и заграничная,—обзоръ дѣятельности желѣзнодорожныхъ съѣздовъ и ученыхъ обществъ,—общій обзоръ данныхъ по эксплуатаціи и постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, включая и судебную хронику,—библиографическія свѣдѣнія.

Подписка и объявленія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи и библиотекѣ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (Шантелеймонская, 2).

Подписная цѣна на годъ 5 р., съ пересылкою и доставкою 6 р., за границу 8 р.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ:

Позади текста: за 1 строку боргеа въ одинъ столбець или за ея мѣсто взи-
мается до 3-хъ разъ по 15 к., свыше 3-хъ разъ—по 12 к., за полугодіе—по 10 к.,
за годъ—по 8 к.; за 1 страницу взи-мается до 3-хъ разъ по 12 р., свыше 3-хъ разъ
по 9 р., за полгода 60 р., за годъ 100 р.; за 1/2 стр.; за полгода 35 р., за годъ 60 р.
за 1/4 стр.: за полгода 20 р., за годъ 31 р.; 1-я (заглавная) стр. за годъ вся 140 р.;
1/2 стр. 80 р., 1/4 стр. 50 р.: впереди текста и послѣдняя стр. за годъ: вся 120 р.,
1/2 стр. 70 р., 1/4 стр. 40 р.

За расылку при журналѣ печатнаго объявленія, въ количествѣ одного экземпляра, каждому подписчику, взи-мается 5 р. съ мѣсяца.

Правлениямъ желѣзнодорожныхъ обществъ, Управленію ж. д., предсѣдателямъ съѣздовъ, общаго и по группамъ, и коммисіоннымъ конторамъ дѣляется уступка 20 %.

Заказчикамъ годовыхъ объявленій въ цѣлую страницу и полъ страницы предоставляется право измѣнять текстъ объявленія на слѣдующихъ основаніяхъ: при измѣненіи болѣе половины текста объявленія, занимающаго цѣлую страницу, уплачивается каждый разъ ДЕСЯТЬ руб., а полъ страницы ШЕСТЬ руб.; при измѣненіи же половины или меньшей части текста объявленія, занимающаго цѣлую страницу, уплачивается каждый разъ ПЯТЬ руб., а полъ страницы ТРИ руб.

Продажа прежнихъ выпусковъ.

Полные оброшюрованные экземпляры «Желѣзнодорожнаго Дѣла» за 1898, 1890, 1889, 1888, 1887, 1886, 1885, 1884, 1883 и 1882 г., съ приложеніемъ «Библиографическаго Указателя» соответствующаго года, продаются тамъ же, гдѣ принимается подписка по ШЕСТИ руб. за годовой экземпляръ. Отдѣльно же какъ журналъ, такъ и «Библиографическій Указатель» продаются по ЧЕТЫРЕ руб. за годовой экземпляръ.

Годовые экземпляры журнала за 1892 и 1891 гг. распроданы.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Постоянной Коммиссіей по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: I Правит. распоряженія. II. Хроника техн. образованія въ Россіи и заграничѣй. III, Статьи по вопросамъ техн. и професс. образованія. IV. Библиографія.

«Техн. Образование» выходитъ съ 1-го октября 1882 г. Въ журналѣ принимаютъ участіе: Г. Д. Вахтель, Г. Ю. Гессе, пр. Г. Ф. Деспъ, Е. П. Ковалевскій, пр. Котурницкій, пр. Костычевъ, К. Г. Королевъ, пр. Лонговой, пр. Н. И. Макаровъ, И. И. Мещерскій, пр. И. П. Миклашевскій, В. В. Михайловъ, Н. А. Рубакинъ, А. Н. Страннолюбскій, пр. Н. И. Тавилдаровъ, К. Ю. Цируль, Е. Н. Янжуль и др.

Срокъ выхода ежемѣсячный, кромѣ 4 лѣтнихъ мѣсяцевъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ безъ перес. 2 р., съ доставкой 2 р. 50 коп. съ перес. 3 р. За $\frac{1}{2}$ безъ пер. 1 р., съ дост. 1 р. 25 к. и съ пер. 1 р. 50 к. За объявленія взимается: 1 стр., позади текста, 8 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 4 руб. и за $\frac{1}{4}$ стр. 2 р.

ПОДПИСКА принимается: въ Постоянной Коммиссіи по техническому образованію (С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 2) и въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова (Спб. Литейная, 46; Москва, Моховая, д. Коха; Варшава, Новый Свѣтъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ (XIV г. изданія) на иллюстрированный журналъ
для дѣтей школьнаго возраста

«ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ».

«Дѣтскій Отдыхъ» особенно рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ. Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ училищъ. Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярии по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущенъ въ четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

Вступая въ четырнадцатый годъ своего существованія, журналъ «Дѣтскій Отдыхъ» постарается въ наступающемъ 1894 году дать своимъ читателямъ еще болѣе разнообразный «отдыхъ». Для этого редакция вводитъ новый отдѣлъ игръ и занятій, который она постарается сдѣлать возможно полнымъ и разнообразнымъ. Введеніемъ этого отдѣла редакция желаетъ развить въ своихъ читателяхъ нѣкоторую самостоятельность и техническую ловкость и въ то-же время доставить имъ рядъ интересныхъ занятій. Въ связи съ этимъ отдѣломъ будетъ находиться и то бесплатное приложение, которое редакция разошлетъ своимъ годовымъ подписчикамъ въ началѣ каникулярнаго времени — богато иллюстрированную книгу «Сборникъ игръ» съ предисловіемъ извѣстнаго знатока и защитника дѣтскихъ игръ въ Россіи д-ра Е. А. Покровскаго.

Къ «Дѣтскому Отдыху» въ 1894 году будетъ приложенъ рядъ отдѣльныхъ картинъ, знакомящихъ юныхъ читателей съ историческими памятниками Москвы.

Между прочими статьями будутъ напечатаны повѣсти: «Навась» разсказы Д. Мамина-Сибиряка «Божій домъ на Бѣломъ морѣ» А. В. Круглова; «Крысанка» М. Н. Лаухиной; «За моремъ» (историч. пов. врем. XVI стол.) Н. Н. Островской; «Русскій путешественникъ Отто Коцебу» Н. П. Боголюбова; «Семья Аксаковыхъ» Н. П. Аксакова; «Поѣздка по Южной Россіи» географическіе очерки С. П. Меча; «Растенія—друзья человѣка» (ест. ист. очерки) П. Вольногорскаго; «Что добывается изъ дерева» (технол. очерки) профес. К. И. Тумскаго и мног. друг.

«Дѣтскій Отдыхъ» будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждого мѣсяца въ объемѣ отъ 8 до 10 л. печатнаго текста со многими рисунками, съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ и подъ той-же редакціей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской 5 р. 50 к.

Адресъ редакціи: Москва, Смоленскій бульваръ, Большой Левшинскій переул., домъ Кудрявцевыхъ.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

52 НОМЕРА и 24 ПРИЛОЖЕНІЯ.

Журналъ нашъ имѣетъ цѣлью содѣйствовать потребности въ популярномъ, но въ то же время поставленномъ *вполнѣ научно* журналѣ давно соизнается въ русскомъ обществѣ распространенію научныхъ знаній. При выборѣ статей и въ изложеніи будетъ обращено вниманіе на то, чтобы журналъ представлялъ, помимо спеціальнаго, также и общій интересъ, по мѣрѣ силъ отвѣчая на научные вопросы, интересующіе образованныхъ читателей. Отдѣлы: низшая и высшая математика, механика, астрономія,

геодезія, фізика, хімія, мінералогія ботаника, зоологія, технологія, агрономія, географія, этнографія, анатомія и фізіологія чело́вѣка, антропологія, научныя новости, изобрѣтенія, открытія, научная бібліографія, объявленія о научныхъ книгахъ и предметахъ.

Въ журналъ примуть участіе: профессоръ А. Н. Бекетовъ, проф. Д. К. Кобылѣвъ, проф. Н. П. Вагнеръ, проф. С. И. Глазенацъ, проф. Гейдельб. унив. Кеннебергеръ проф. Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, проф. Н. А. Любимовъ, проф. Д. И. Мендѣлѣвъ, проф. В. Майеръ, Н. К. Михайловскій, В. О. Португаловъ, проф. А. С. Трачевскій, проф. Гейдел. унив. Шапиро, проф. Шимкевичъ, проф. П. А. Шиффъ, В. Шиффъ, М. А. Энгельгардъ, С. Южаковъ и мн. другіе. Журналъ имѣеть сотрудиновъ также въ университетахъ:—Парижскомъ (Сорбоннѣ) и Берлинскомъ. Въ приложеніяхъ за 1894 годъ будутъ, между прочимъ, напечатаны различныя произведенія *Спенсера, Гексли, Вейсмана, Гельмгольца, Пастера, Дю-Буа-Реймона, Пуанкаре, Софьи Ковалевской, Лобачевскаго* и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **СЕМЬ** рублей съ пересылкой и доставкой, на полгода **ЧЕТЫРЕ** рубля. Иногородніе благоволятъ обращаться въ главную контору редакціи «НАУЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ» уголъ Кирочной и Потемкинской, д. 48, гдѣ допускается разсрочка. Городскіе могутъ подписываться тамъ-же, или въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, бывшемъ Мелье, у Фену, въ кн. маг. «Нов. Времени» и Карбасникова и др.

Пріемный день въ редакціи—четвергъ; контора открыта ежедневно съ 12 ч. до 4 ч.

Редакторъ-Издатель д-ръ философіи М. М. Филипповъ.

Находятся въ продажѣ:

1) Виндельбандъ.

Исторія древней философіи, съ приложеніемъ Виндельбандъ, Августинъ и средніе вѣка, и Фулье.—Исторія схоластики Пер. слушательницъ Высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго VII+380 in 8. Спб. 1893 г. Цѣна 2 р.

2) Фалькенбергъ.

Исторія Новой философіи, отъ Николая Казанскаго (XV в.) до настоящаго времени съ приложеніемъ краткаго философскаго словаря. Перев. студентовъ С.-Петербургскаго университета подъ редакціей пр. А. И. Введенскаго. VIII+586 in 8. 1894 г. Цѣна 3 р.

Объ книги составляютъ вмѣстѣ (болѣе 950 стр.) обзоръ всей исторіи европейской философіи отъ ея возникновенія до настоящаго времени.

МОСКОВСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОКЪ.

Съ декабря мѣсяца настоящаго года будетъ выходить въ Москвѣ ежемѣсячный библиографическій журналъ, органъ Московскаго Библиографическаго Кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3-го іюля, слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также ноты, географическихъ картъ, плановъ гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разные статьи по библиографіи; 3) библиотеко-вѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго Кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа každато мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19 × 26°), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовую взносъ—бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленовой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
» » » » подписчиковъ на журналъ	6 »
» » » » всѣхъ остальныхъ	10 »
» » » въ годъ членовъ и подписчиковъ	35 »
» » » » всѣхъ остальныхъ	50 »

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Лапиной), въ магазинахъ: Н. Н. Мамонтова, П. П. Шибанова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный редакторъ А. Д. Городовъ.

Поступили въ продажу

новые выпуски серій изданій

ПОСРЕДНИКА

для интеллигентныхъ читателей.

XXI Безшабашный. Разсказъ К. Станюковича. Ц. 20 коп.

XXII Дѣтство Темы. Н. Гарина. Ц. 60 коп.

XXIII Въ дурномъ обществѣ. Разсказъ В. Короленко. Ц. 35 в.

XXVIII. Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленко, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубакина, А. Стернъ и С. Филиппова. Ц. 90 в.

XXIX Тайный порокъ. Трезвыя мысли о половыхъ отношеніяхъ. Ц. 15 коп.

XXXI 1. Сократъ и его время. Историческій очеркъ В. Д. Сиповскаго. 2. Тѣни. (фантазія) В. Короленко. Ц. 35 коп.

Книги эти можно получать въ Москвѣ: 1) въ книжномъ магазинѣ т-щества И. Д. Сытина К., у Ильинскихъ воротъ, д. Титова, 2) въ книжномъ магазинѣ М. Е. Конусова, у Страстнаго монастыря, д. Чижовыхъ; въ С.-Петербургѣ: 1) въ книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина, Садовая, № 25. 2) въ книжномъ магазинѣ А. М. Калмыковой, Литейный просп. № 60 и 3) въ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника». Троицкая улица № 9.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 1 Апрѣля 1894 года.

9. Чествованіе памяти Я. А. Коменскаго.	162—164
10. И. Ф. Рашевскій. (По случаю 40-лѣтія службы). В. С.	164—166
11. Юбилей журнала «Дѣтское Чтеніе». — слага.	166—167
12. Къ статистикѣ образованія: 1. Учащіеся въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ низшихъ и среднихъ въ европейскихъ государствахъ. 2. Учащіеся въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ низшихъ и среднихъ въ американскихъ государствахъ. 3. Число церковно-приходскихъ школъ и ихъ бюджетъ за 1891—92 гг. 4. Статистика С.-Петербургскаго университета за 1893 годъ. 5. Школьное обученіе въ нашихъ тюрьмахъ. 6. Распрежденіе профессій во Франціи. 7. Число студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1893 г.	168—171
13. Разныя извѣстія и сообщенія: 1. Потребность въ медицинскихъ силахъ. 2. Петровская сельско-хозяйственная академія. 3. Калѣченіе дѣтей. 4. Международный конгрессъ противъ безнравственной литературы. 5. Общество дѣтской учтивости въ Англіи. 6. Последнее слово скорописа.	172—173
14. Изъ области знаній: 1. Электричество въ домахъ. 2. Дѣйствіе солнечнаго свѣта на бактерии дифтерита. 3. Примѣненіе свѣтильнаго газа для отопленія. 4. Бациллы куриныхъ яицъ. 5. Живучесть мховъ. 6. Производительность алмазныхъ копей въ южной Африкѣ. 7) Нефть, какъ средство противъ филоксеры.	174—176
15. Указатель вновь вышедшихъ книгъ	9— 12
16. Листовъ объявленій.	

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1. Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность передъ подписчиками лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована въ контору редакціи.

2. При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, надо обозначать имя, отчество и фамилію, а также губернію, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журнала.

3. Жалобы на неполученіе журнала слѣдуетъ высылать не позже, какъ чрезъ мѣсяцъ отъ обозначеннаго срока выхода книжекъ (выходитъ журналъ въ концѣ каждаго мѣсяца; слѣдовательно, неполучившіе, напр., январской книжки, къ концу февраля должны прислать жалобу), съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы; иначе почта не принимаетъ жалобъ.

4. Въ случаѣ перемѣны адреса надо указывать не только новый, но и прежній адресъ. При перемѣнѣ иногороднаго адреса на городской и наоборотъ слѣдуетъ прилагать 50 к.

5. Статьи, присланныя для помѣщенія въ журналъ, подлежатъ редакціоннымъ измѣненіямъ, если авторъ не оговорится о своемъ несогласіи на нихъ. Если авторы желаютъ получить обратно непринятые рукописи, то благоволятъ присылать марки, такъ какъ редакція не можетъ брать на себя расходовъ пересылки. Рукописи, не взятые авторами въ теченіи года, будутъ уничтожаемы.

6. Для личныхъ объясненій просятъ обращаться въ редакцію (Гороховая ул., д. 18, у Краснаго моста, училища глухонѣмыхъ, спросить директора училища) по четвергамъ отъ 3 до 5 часовъ.

ПОДПИСКА

на 1894 годъ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„ОБРАЗОВАНІЕ“

педагогическій и научно-популярный журналъ,

посвященный вопросамъ женскаго и мужскаго воспитанія и обученія.

Программа журнала: 1. Правительственныя распоряженія. (По вопросамъ образованія женскаго и мужскаго, духовнаго и свѣтскаго).—2. Общепедагогическія статьи.—3. Историко-педагогическіе очерки.—4. Воспоминанія о школьномъ времени.—5. Психологическія статьи.—6. Наблюденія надъ дѣтской жизнью.—7. Свѣдѣнія о народной школѣ въ Россіи и за границей.—8. Новыя педагогическія движенія на Западѣ.—9. Обзорныя педагогической литературы и журналистики.—10. Хроника начального народнаго и общаго средняго образованія въ Россіи.—11. Критика и библиографія.—12. Изъ жизни и литературы (хроника).—12. Научно-популярныя статьи и рефераты.—13. Разныя извѣстія и замѣтки (изъ области наукъ и педагогики).—14. Указатель новыхъ изданій, выходящихъ въ Россіи.—15. Приложенія (научно-популярныя сочиненія для учащихъ и учащихся и педагогическія сочиненія).

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе П. Ф. Каптеревъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Сверхъ того участвуютъ А. Анастасіевъ, А. Александровъ, И. И. Боргманъ (проф.), Ф. А. Браунъ, А. И. Введенскій (проф.), А. С. Виреніусъ (д-ръ), В. А. Воскресенскій, З. Б. Вуликъ, В. В. Горниевскій (д-ръ), М. Г. Колоколова, Д. В. Королчевскій, О. П. Конради, Н. Л. Леонтьева, Е. Ф. Литвинова, Е. И. Максимова, В. О. Михневичъ, А. Я. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, О. М. Петерсонъ, С. Ф. Платоновъ (проф.), Н. И. Позняковъ, В. В. Пушкарёва, И. М. Радецкій, Н. А. Рубанинъ, Е. П. Свѣшниковъ, М. М. Соколова, Е. И. Страннолюбская, Д. И. Тихомировъ, И. О. Фесенко, Е. А. Чебышева-Дмитріева и мног. друг.

Журналъ выходитъ еженѣдельно книжками около восьми печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна за годъ, т. е. за 12 №№, съ доставкой 5 р. (Для народныхъ учительницъ и учителей допускается вносъ подписной платы въ два срока). Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются 10 проц. уступки.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Гороховая ул., д. 18, училище глухонѣмыхъ, вв. директора); а также въ магазинѣ Фену (Невскій пр., д. Армянской церкви) и «Нов. Времени». *Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору.*

За 1876, 77, 78, 79 и 83 годы полныхъ экземпляровъ журнала «Женское Образование» въ складѣ редакціи больше не имѣется.

За остальные годы есть небольшое число полныхъ экземпляровъ. Цѣна съ пересылкой 4 рубля, безъ приложенія.

За 1892 г. имѣется въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ журнала «Образованіе» приобрести можно по обычной цѣнѣ, т. е. по пяти рублей безъ приложенія. Подписчики на журналъ могутъ получать экземпляры за прошлые года по четыре рубля.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

MAR 09 1996

RECEIVED

MAR 02 1996

CIRCULATION DEPT.

YC 23069

U. C. BERKELEY LIBRARIES

0051393518

